

Евгения Борисова

Красивая для вампиров

Часть IV

Вампирские сказки о любви

Сухо трещали одиночные винтовочные выстрелы, захлёбывались скороговоркой пулемёты. Ко всему прочему, с высоты небес нещадно пекло солнце. В воздухе висело жаркое марево, состоящее из пыли, гари и людского горя. Как правило, последнее пахнет дерьмом, потом и кровью, но на этот раз преобладал запах дерьма из-за того, что взрывами разворотило канализацию.

Близкий вой снаряда заставил Штейна пригнуться. «Teufel!» — ругнулся он, когда осколок снёс ему часть плеча, не защищённого бронежилетом. Кость не пострадала, но рукав сразу же пропитался кровью, и она быстрой струйкой побежала к запястью, чтобы затем упасть на глинистую почву, убитую до состояния камня.

Фиолетовая жемчужина

— Полцарства за коня! — закричал султан, грозно взирая на пешую свиту.

— О светоч моего сердца! — воскликнул визирь, падая ниц. — Тут неподалёку есть красавец конь, в глазах его горит огонь! Скажи мне, недостойному, что ты предпочитаешь: зад или перед?

— Дурак, что ты несёшь?!

— Нужно же и мне на чём-то ехать, к своей половине царства, — спокойно произнёс визирь и достал ятаган.

Антология вампирских детских сказок

ГЛАВА 29. Мари. Женские секреты. Откуда берутся лесбиянки

Merde![1] Впервые я рвалась на дежурство и по закону подлости время тянулось как смертный одр на кладбище.

К счастью, всё течёт, все изменяется. К тому же я так достала Ивана с Соней, что мы прискакали к Казанскому собору раньше времени. Тем не менее Реази был уже на посту. При виде нетерпения, написанного на моём лице, думаю, он и без чтения мыслей сразу понял, что я сейчас пристану к нему с расспросами насчёт его подарка. Так что не успела я открыть рот, как он тут же отправил нас с Соней по отдельному маршруту. Конечно, я без боя не сдалась, да толку-то! Только заработала очередные штрафные часы. Вот ведь паразит!

По дороге, захваченная обдумыванием уникального материала, я настолько ушла в себя, что Соня достучалась до меня только после серии зверских щипков.

— Что? — я потёрла руку и сердито посмотрела на подругу, не дающую мне сосредоточиться на любимой игрушке. — Беккер, отвяжись, а? Я занята!

— Фиг тебе, мы на дежурстве. Хватит отлынивать от работы!

— Боже! Я и так тебе скажу, что поблизости нет никого подходящего для наших целей: ни фениксов, ни ментальников.

— Мне скучно! — закапризничала Соня.

— Ничем не могу помочь, — буркнула я, но стоило мне приняться за прерванную цепочку логических рассуждений, как она снова ущипнула меня.

Вот ведь зараза!

— Ну, чего ты ко мне пристала? — осведомилась я недобрым тоном.

— Палевская, если будешь строить мне злобные мины, я тебя не просто ущипну, я тебя покусаяю, — отозвалась злобная девчонка и сладко зевнула. — Я же сказала, что мне скучно. К тому же я засыпаю на ходу.

— Во-первых, кусаться это моя прерогатива; во-вторых, нужно поменьше шляться к Ладожскому, если не высыпаетесь.

— Нет, меньше никак нельзя, — вздохнула Соня и снова зевнула. — Сад любви нуждается в постоянном уходе.

Ну да, знаем мы, в чём заключается уход в этом садике! Я фыркнула.

— Смотри, чтобы Ладожский не залил твой сад, а то он утонет в сперме.

Соня с иронией посмотрела на меня, но я её опередила:

— Нет, ничуть не завидно! И вообще, я уже устала от роли вашей дуэньи. Беккер, если ты решила посвятить меня в ваши потрапушки, то лучше не надо. Во-первых, я терпеть не

могу, когда девицы обсуждают с подругами свою сексуальную жизнь. Во-вторых, лично меня уже тошнит от самого слова «секс». Вся эта гнусь, которая льётся из всех информационных дыр, опошшила его до невозможности.

— Я ей о любви, а она мне о потрапушках, — Соня смерила меня озабоченным взглядом. — Зай, это уже симптом. Я серьёзно! Может, ты уже прервёшь свой целибат и того... пойдёшь навстречу Реази? Глядишь, он к тебе подберёт и перестанет лепить штрафные часы.

— Ещё слово о Реази и я тебя стукну! — пообещала я, и всё же предположение подруги заставило меня задуматься. Может, мои кошмары действительно вызваны недотрахом?..

Нет, это ерунда!

— Так чего ты хотела от Ника, если не его изумительного тела? — лениво поинтересовалась Соня и, деликатно прикрывая рот пальчиками, в очередной раз зевнула.

Я зевнула вслед за ней и вытаращила глаза.

— Беккер!

— Спокойно, зай! Я с ним не спала! Просто видела Ника, когда он был в нашей санчасти на обследовании.

«Слава богу!» — обрадовалась я и тут же устыдилась своей радости. *Voici la merde!* Будто мне есть дело до того, с кем спит Реази! Это всё эффект присутствия. Когда парень постоянно крутится рядом, и друзья усиленно пихают его тебе, то поневоле начинаешь обращать на него внимание. «Значит, пора свести общение к минимуму, чем и займусь после сегодняшнего ужина, — пообещала я себе и сжала в ладони медальон. — Тьен, любимый! Пожалуйста, не беспокойся, никакие заносчивые ягуары не займут твоё место!» Кстати, нужно будет заглянуть к ребятам из клана Тигра, что приехали на конференцию. Может быть, у них есть весточка от него.

— Палевская! Я с тобой разговариваю!

— Что? — воззрилась я на Соню и она покачала головой.

— Это ты скажи, что с тобой сегодня? По рассеянности ты превзошла знаменитого сеянного-рассеянного с улицы Бассейной.

— Да так, грузусь насчёт сегодняшнего вечера, — солгала я.

Если расскажу про метаморфозы, происходящие с троянским подарочком Реази, то как бы Беккер не потащила меня в институт, на обследование. Вот если бы этот гад что-нибудь сказал насчёт него, тогда ещё можно было бы как-то отбояриться и доказать, что у меня все дома. Во всяком случае, большинство шариков совершенно точно находятся на своём месте.

Видя, что Соня вопросительно глядит на меня, я добавила:

— Понимаешь, Рени просила уточнить у Ника, какие блюда он предпочитает, но ты же видела его реакцию на меня.

Ну а что? Врать, так уж до конца.

— Вот оно что! Значит, будет есть то, что дают, — сказала Соня между зевками и пихнула меня локтем в бок. — Точно не хочешь знать о моей сексуальной жизни с Ладожским? — осведомилась она и с инквизиторским видом прищурила синие глазщицы. — Конечно, вы с Моррисоном очень хорошо изображали из себя влюблённую парочку на выпускном, но что-то у меня есть сомнения, насчёт того, что вы переспали.

Вот зараза! Ещё издевается!

— Сонь, на тебе так недосып сказывается? — миролюбиво спросила я.

— Ну-ка, расскажи, как всё было! — потребовала любимая подруга.

Я ухмыльнулась.

— Прям-таки взять и изложить во всех подробностях?

— Естественно! В теории все сильны, а как дело доходит до практики...

— Ладно, слушай! — я склонилась к уху Беккер и, хотя не собиралась этого делать, неожиданно для себя рассказала всё, как у нас с Тьеном было.

Даже не понимаю, что на меня нашло. Я же действительно терпеть не могу, когда девицы обсуждают такие вещи. С другой стороны, Беккер не только подруга, но и врач.

— Ну, что скажешь? — не утерпела я, глядя на задумчивую Соню.

— Всё нормально. Во всяком случае, для первого раза, — ответила она и хотя я видела, что её просто подмывает спросить меня ещё о чём-то, она всё же промолчала.

Встревожившись, я ещё раз прокрутила в голове нашу с Тьеном ночь.

— Сонь, в чём дело?

Вместо ответа она порывисто меня обняла.

— Всё хорошо, зай! Не бери в голову! Вы оба были на высоте. И вообще, любовь преодолевает любые преграды. Главное, что ты сумела довериться Моррисону, а это уже большой прогресс для такой монашки, как ты.

— Правда? — засомневалась я. — Уверена, что я не слишком разочаровала Тьена?

Соня чмокнула меня в щеку и ободряюще улыбнулась.

— Зай, о каком разочаровании ты говоришь? Конечно, в любовной игре ты сущий младенец, но Тьен, на твоё счастье, опытный партнёр. Главное, он тебя любит, значит, у вас всё будет хорошо. Просто ты к нему прислушивайся и не забывай показывать, что именно тебе нравится.

Mon dieu! Неужели я рассказала другому человеку то, что решила унести с собой в могилу? Смущённая, я приложила ладони к горящим щекам.

— Надеюсь, теперь ты отстанешь от меня, — буркнула я и потянула подругу за собой. — Идём, не упирайся! Вон те придурки приняли нас за лесбиянок и тычут в нас пальцами.

— Лесбиянки? — усмехнулась Соня. — Что ж, давай не будем разочаровывать народ.

Я попятилась от любимой подруги.

— Беккер, с ума сошла? Ты это серьёзно?

— Абсолютно! Выбор сексуальной ориентации должен быть осознанным, — заявила эта поганка и насмешливо добавила: — Что, струсила?

Она всё же уела меня и я, сдавшись, вытерпела её поцелуй.

— Ну что, понравилось? — деловито поинтересовалась Соня и я честно прислушалась к себе.

— Исключительно родственные чувства. Примерно то же самое ощущение, когда меня целует Аннабель. Извини, но это не идёт ни в какое сравнение с поцелуями Тьена.

— Вот и замечательно, — кивнула Соня. — Значит, хоть на этой почве комплексов у тебя нет.

После выходки любимой подруги смущение и неловкость как-то разом пропали. Развеселившись, я схватила её за щёки и, чтобы не оставаться в долгу, смачно поцеловала. Когда она поморщилась и полезла в косметичку за помадой, я засмеялась.

— Беккер, ты учти, отвращения я тоже не испытала, так что для нас ещё не всё потеряно. Если парни нас разочаруют, так и быть, образуем с тобой лесбийскую пару.

— Договорились! Но только если уж очень сильно разочаруют, хорошо? Между прочим,

как бы ни была сильна любовь между мужчиной и женщиной, каждый из них предпочитает проводить время в обществе друзей своего пола.

— Думаешь? А как же духовное единство, то бишь родство душ?

— Так о нём и речь. Лишь женщина может понять другую женщину, и то же самое у мужчин. Если духовное единство намечается у разнополых, то это означает, что один из них трансгендер.

Не иначе у Беккер очередной заскок, но я не стала с ней спорить, и когда она налюбовалась на себя в зеркало, мы снова побрели по предписанному нам маршруту. По пути мы болтали о всякой ерунде и покупали мелочёвку, жизненно необходимую любимой подруге. Сосредоточиться на новых материалах, почерпнутых из подарка Реази, она мне так и не дала. Уверена, это Ладожский её настропалил. Он, видите ли, считает, что для женщин это ненормально, когда они увлечены чем-либо помимо своей семьи. Но в этом его сложно винить. Это всё Вера Дмитриевна с её фанатичной приверженностью к архаичному Домострою.

Когда наш патруль воссоединился после дежурства, Реази сказал, что я могу идти домой, без захода к своим швабрам в штабе. Видимо, он испугался, что за оставшийся час я не управлюсь и заявлюсь на бал в наряде нищенки, а не принцессы.

***

Времени действительно было в обрез. Как назло, «ауди» Ладожского всю дорогу застревал в пробках и когда я влетела домой, часы уже показывали двадцать пять минут девятого. До прихода гостей оставалось всего ничего, а я запыленная и на голове сплошной шухер. Рени при виде меня подняла очи горе и сразу же погнала мыться и переодеваться, чем я и занялась в казарменном темпе. Затем она потащила меня к стилисту, который нанёс боевую раскраску на мою физиономию и накрутил модную причёску на голове.

После этого мою душу отпустили на покаяние, и я заглянула в гостиную, которая одновременно служила столовой. Квартира в Питере у нас совсем небольшая, куда меньше, чем наш дом в Париже. Отцу она не по статусу, но это временное жильё. Правда, Рени здесь нравится, она не любит, когда по дому болтается прислуга. Ну а мне всё равно, где жить, к тому же друзья рядом. Вообще-то, в этом что-то есть, когда дом небольшой и все друг у друга на виду. Ощущаешь себя частью семьи, особенно во время еженедельных субботников, которые любит устраивать Рени. Кто-то же должен убираться в доме, вот она и использует нас, как бесплатную прислугу. Одному отцу не нравится наше новое жильё, он у нас сноб и предпочитает королевские апартаменты, но терпит ради Рени.

В большом нарядном зале царил праздничная атмосфера. Центральная люстра была ещё погашена и только её хрустальные подвески, слегка покачиваясь, таинственно поблескивали в свете горящих свечей. Несмотря на лето на улице было прохладно и в камине потрескивали горящие сосновые дрова. Слегка пахло смолой, дымом и до приторности розами. Мелкие и крупные, в бутонах и пышно распустившиеся, на длинных стеблях и в бутоньерках они были повсюду: и на столах, и в напольных вазах. Бархатно-красные, нежно-розовые, атласно-белые, солнечно-жёлтые и прочих всевозможных оттенков — помимо собственного аромата они источали запах мест, откуда их привезли. Бархатно-красные розы пахли страстью, палящим солнцем и быками, белые — невинностью, росным утром и горной чистотой, розовые — нетерпением, ветром и морской свежестью, жёлтые — надменностью, холодом и пылью. Короче, вся палитра страсти. Царственно-великолепные цветы. Рени до безумия обожает розы, и я их тоже люблю, но без фанатизма. Запах роз

слишком силён для меня, но не настолько, чтобы раздражать, как, например, запах лилий, которые я терпеть не могу. Но сегодня я не стала бы привередничать даже если бы гостиная была под завязку забита этими мерзкими цветами, потому что этот праздник не для меня, а для Рени. Я так решила. Она будет блистать, а я сяду в уголок и тихо как мышка буду ею любоваться. Ни на мгновение не спущу с неё глаз, чтобы запомнить...

Нет, Палевская, не смей плакать! Потечёт тушь, и мама расстроится, а если она расстроится, я тебе этого не прощу! Давай войдём внутрь и представим, что ничего не изменилось и это обычная домашняя вечеринка, которые она так любит.

Я подошла к праздничному столу, застеленному белоснежной льняной скатертью. Русское застолье по Ожегову — это обильное угощение весёлой и приятной компании. Обильное угощение будет, а с компанией уж как получится. Вряд ли она будет приятной, а вот веселье явно намечается, да ещё какое! Уверена, Реази и Штейн развернутся в полную силу и устроят настоящее шоу. Раз такое дело, то не мешает подстраховаться у высших сил. Я трижды обошла стол, как положено посолонь, и придирчиво его оглядела. Что ж, служба банкетов не ударила в грязь лицом, и он просто ломится от изысканных закусок и причудливых разноцветных коктейлей. Да и сервировка на уровне. Идеально чистый хрусталь отбрасывает разноцветные блики, сияет начищенное старинное серебро и... тускло поблескивают фарфоровые тарелки с нежным цветочным орнаментом. Они были из любимого сервиза Рени, которым она очень дорожила и потому очень редко выставляла на стол. Насколько я знаю, это её единственная память о родителях — настоящих, тех, что её породили.

Сразу же возникло чувство, что мама с нами прощается... Merde! Неужели тушь потекла? Я осторожно, как это делает Соня, промокнула глаза. Нет, кажется, всё в порядке, а может, тушь водонепроницаемая. Пойти что ли подышать воздухом, если уж гости и хозяин дома задерживаются?

Рени... Нет, не нужно думать о маме, думай о чём-нибудь другом! Например, о Реази... Нет, к чёрту его!

Через кухню я вышла на открытую террасу. Белые ночи уже закончились и на улице по-осеннему быстро темнело. Поднявшийся ветер, впрочем, он быстро успокоился, все же успел бросить в меня пригоршню кленовых листьев, и они веером легли у моих ног. Я успела поймать один. Единственный из всех он был рыже-золотым и у меня вновь защемило сердце. Любимый, отзовись! Иначе я начинаю думать, что ты обо мне забыл. Конечно, я гоню глупые мысли от себя, но долго, слишком долго нет от тебя вестей. Я уже столько отправила тебе писем... если ты не ответишь на последнее, тогда мне остается лишь одно — любить за двоих.

Кленовый лист, отпущенный на свободу, спланировал на землю, а я села на качели и прижала лилию к щеке. Тьен, я люблю тебя! Несмотря ни на что я не теряю надежды. Я не верю, что ты меня разлюбил, моё сердце знало бы об этом. Прости, любимый, меня зовут. Видимо, пора встречать гостей, но ты не расстраивайся — мысленно мы всегда вместе.

***

Капитан службы безопасности догнал экипаж самолета-амфибии у входа в подземный ангар.

— Пол Олафсон?

Весёлый белобрысый парень живо обернулся.

— Да, сэр!

— Лейтенант, следуйте за мной.

Когда они отошли от остального экипажа, офицер СБ повернулся к озадаченному летчику.

— Лейтенант, поступило сообщение, что вы везёте в купол Гефеста незарегистрированную корреспонденцию, — он с требовательным видом протянул руку. — Письмо, адресованное Тьену Моррисону!

Олафсон вздохнул. «Откуда только этот чёртов Джеймс Бонд свалился на мою голову? — с досадой подумал лётчик и перед его внутренним взором возникли молящие глаза Мари. — Прости, малышка, но, похоже, ничего не выйдет. Судя по настрою, капитан от меня не отстанет, значит, отпираться бесполезно. Чего доброго, ещё задержит вылет, потом объясняйся с начальством».

— Сэр, я проверил письмо, в нём нет ничего недозволенного.

— Это не вам судить. Письмо!

— Да, сэр! — согласился лётчик и с неохотой отдал письмо Мари. — Честное слово, это обычное любовное послание. Может, вы посмотрите, да я его передам? Уж очень малышка просила, — добавил он со смущённой улыбкой. — Сразу видно, что у них там любовь с этим самым Моррисоном.

На лице офицера СБ появилось ледяное выражение.

— Имейте в виду, лейтенант, ещё один такой проступок, и вы так легко не отделаетесь, — предупредил он.

Лётчик посмотрел ему вслед и покачал головой. «Вот ведь надменный индюк! Совсем ещё молокосос, а гонору уже выше крыши. Впрочем, ягуары все такие, зазнайки и карьеристы», — приласкал он ушедшего офицера и бросился догонять товарищей.

Выслушав нелицеприятные мысли о себе, что было вдвойне досадно, Ник Реази фыркнул и, не читая, швырнул письмо Мари в урну.

Сцена готова, а Гамлета всё нет. Словесные игры с попутной ловлей женихов

Войдя в гостиную, Рени удивлённо приподняла брови, не застав там Мари, но тут её настигла волна сильнейшего аромата роз, и она понимающе усмехнулась. «Ясно, котёнок не вынесла цветочной атаки и сбежала. Что ж, посмотрим, что здесь у нас», — она включила большую люстру и осмотрела праздничное убранство зала. Увиденное не вызвало у неё особого восторга.

«Служба банкетов могла быть более оригинальной в оформлении», — с неудовольствием подумала Рени. Единственно, что её порадовало это цветы, особенно букет баснословно дорогих роз[2] с открыткой от мужа. Строки, написанные мужским каллиграфическим почерком, были полны нежности и любви и она, растрогавшись, за неимением мужа поцеловала его стихотворное послание.

Спрятав открытку на груди, Рени отщипнула одну из роз, и тоже отправила её за корсаж. Волнение не прошло для неё даром и она, чтобы не упасть, схватилась за спинку стула. «Проклятье! Я же съела целую кучу таблеток!.. Ничего-ничего, сейчас пройдёт». Переждав приступ головокружения, она подошла к большому зеркалу в старинной позолоченной раме и осмотрела своё отражение. Зазеркалье её не подвело и отразило в своих загадочных глубинах экзотическую смуглую красавицу, облачённую в жемчужно-белое русалочье платье. Сверху оно обтягивало её как вторая кожа, а от бёдер расходилось мягкими складками. В довершение морской тематики декольте и уши прекрасной русалки украшали льдистые капельки голубоватых бриллиантов. Понравилась Рени и работа

визажиста. Изысканный макияж и густая масса чёрных волос, убранная в затейливую причёску, отдельные пряди которой падали ей на оголённые плечи, удачно сочетались со сказочным великолепием наряда.

Мари, влетевшая в гостиную, порывисто обняла Рени и с нежностью поцеловала её в щёку.

— Маман, ты прекрасна, как Полночная фея! Нет, ты настоящая королева морей!

— Спасибо, детка, — Рени улыбнулась. — Твои сравнения лестны для меня, но я всего лишь обычная вампирская королева, которая не любит рядиться чёрные одежды.

— Всего лишь? — Мари расплылась в улыбке. — Думаю, Мика с тобой не согласится. Для него ты богиня и для меня тоже. Он тут на днях рассказывал, как вы поженились.

— Да? — удивилась Рени и заинтересованно посмотрела на дочь. — Ну-ка, расскажи, а то я до сих пор теряюсь в догадках, с чего вдруг он предложил мне руку и сердце.

— Не знаешь? — не поверила ей Мари. — Честно не знаешь? — она выдержала паузу и, состроив большие глаза, понизила голос до шёпота: — Ты не согласишься, но наш неустрашимый Мика испугался, что Штейн его опередит. По его признанию, тот давно положил на тебя глаз, но заигрался в друзей-приятелей, а потом, когда пристроил тебя к Мике, было уже поздно. Что?! Ты мне не веришь?

Рени снисходительно улыбнулась.

— Прости, но твой отец не из тех, кто будет откровенничать на такие темы.

— Верно! — созналась девушка. — Когда Штейн приходил к нам, я слышала их разговор. Мика сказал... — она запнулась, — что твоя болезнь это ему наказание за жадность. Если бы он оставил тебя ему, то ты меньше нервничала и сейчас была бы здорова.

— Если бы да кабы, то во рту росли бы грибы, — фыркнула Рени. — Когда будешь работать с Томасом, поменьше верь тому, что он говорит. Там, где Мика промолчит, он солжёт и глазом не моргнёт. Томасу не было дела до меня ни раньше, ни сейчас. Во всяком случае, как до женщины. Я это совершенно точно знаю.

— Ну, не знаю, — засомневалась Мари. — Штейн выглядел очень расстроенным, когда узнал, что лекарство так и не найдено.

— Понятное дело! Вопрос лишь в том, из-за кого он расстроился.

Спохватившись, что сказала лишнее, Рени отстранила девушку от себя и внимательно её оглядела.

— Замечательное платье! — одобрила она её наряд. — Скажи спасибо подруге. Она постаралась на славу. В кои веки ты выглядишь настоящей принцессой, а не золушкой.

Действительно, тёмно-бордовое короткое платье с плотно облегающим лифом на бретельках и пышной юбкой, расходящейся от талии мягкими фалдами, очень шло темноглазой и темноволосой Мари. Вдобавок оно великолепно подчёркивало сливочную белизну её идеальной кожи. Заметив, что на девушке нет подходящих платью украшений, Рени предложила ей своё ожерелье из рубинов, но та не захотела его надеть. Свой отказ она мотивировала тем, что камни, мол, слишком холодны и поэтому у неё всё время возникает ощущение, будто кто-то душит её ледяными пальцами.

Рени подивилась забавному капризу дочери, но не стала настаивать на своём. Вместо этого она попыталась расспросить её о госте, но Мари, видя к чему идёт дело, сразу же заявила, что он ей безразличен. Девушке очень хотелось рассказать о Тьене, но она не решалась, боясь, что принимает желаемое за действительное, и он не подаёт о себе вестей из-за того, что больше не хочет с ней встречаться. Заодно она порадовалась, что Штейн тоже

держит язык за зубами и ничего не говорит родителям о её романе в Академии. Правда, её до сих пор корёжило при воспоминании, каким тоном шеф СБ допрашивал её о взаимоотношениях с Тьеном. Дело выглядело так, будто он подозревал её в каких-то грязных махинациях по отношению к тому, кого она любила.

***

С достойной похвалы пунктуальностью Ник Реази возник на пороге дома Палевских ровно в девять вечера. Строгий тёмно-синий костюм и голубовато-белая рубашка очень шли ему и Мари пришлось признать, что гость необычайно элегантен и красив. «Глядите-ка, прям-таки сам мистер Совершенство. И всё равно Тьен лучше!» — подумала девушка с некоторой ревностью глядя на Ника. «Кто бы сомневался! — услышала она его мысленный голос. — Вот только ты для Моррисона ничто, если он и думать о тебе забыл».

— С чего ты это взял? — запальчиво воскликнула Мари, и он бросил на неё удивлённый взгляд.

— Ты это о чём?

— Ни о чём! — спохватившись, буркнула она.

Рени быстро глянула на красивую парочку и в её глазах промелькнул живой интерес.

— Извините! — поспешила вмешаться она. — Мари у нас эксцентричная девушка и любит пошутить. Правда, не всегда удачно.

— Ничего страшного, мадам! Я уже привык... О, простите! Меня зовут Николас Реази. Думаю, Мариэль сказала вам, что я из клана Ягуара и прибыл в ваш клан на стажировку.

— Да, было такое дело, — Рени с вежливой улыбкой протянула руку гостю. — Рената Палевская, мама сей беспокойной девицы. Можно просто Рени.

— Тогда вы зовите меня Ником.

— Хорошо, Ник! Пожалуйста, проходите и будьте как дома.

— Благодарю вас. О, простите! — Ник достал из объёмного пакета букет дорогих орхидей. — Это вам, мадам Рената. Надеюсь, вам придётся по душе если не вид цветов, то их аромат.

— Боже! Это же китайское чудо![3] Орхидеи великолепны, но... — запротестовала было Рени, но Ник не дал ей договорить:

— Мадам Рената, ваша красота это красота богини. Любое подношение, что вы не отвергли, уже знак величайшей милости.

— Спасибо, Ник, цветы великолепны, — сказала Рени, глядя на юного гостя с куда большей симпатией, чем это было до этого.

«Ой, ой! Какой неприкрытый подхалимаж!» — мысленно подколола его девушка и Ник повернулся к ней.

— Да, чуть не забыл, — он вытащил из пакета громаднейший букет бело-розовых лилий и содрал с него целлофановую упаковку. — Это тебе, золотце. Как я слышал, ты очень любишь эти цветы.

Мари поспешно зажала нос.

— Кошмар! — прогундосила она. — Ну, спасибо тебе, Реази! Вижу, ты расстарался с подарком для меня.

— Ты права. Я полгорода объехал, прежде чем нашёл, то что нужно.

— Верю! Ты искал, и ты нашёл самые вонючие цветы на свете.

— Думаешь? — Ник усмехнулся и окинул девушку придиричивым взглядом. — Во всяком случае, я очень старался. Кстати, неплохо выглядишь.

— Неужели?.. Ой, нет! Я этого больше не вынесу!

Держа лилии как можно дальше от себя, Мари бросилась вон из прихожей.

— Эй, не смей выбрасывать цветы! Они-то в чём виноваты?

— Да никогда в жизни! Просто поищу укромный уголок для твоих цветиков. Не беспокойся, перед тем как открутить им головы, я порыдаю над ними от умиления, — донёсся раздражённый голос девушки.

Прикрыв рот ладонью, Рени хихикнула, но тут же опустила руку и со светской улыбкой посмотрела на гостя.

— Извините, Ник! Дочь действительно терпеть не может лилии.

На смуглой физиономии гостя появилось расстроенное выражение.

— Да, неудобно получилось! — огорчился Ник. — Мадам Рената, я был абсолютно уверен, что Мариэль любит лилии. Как думаете, она не очень сердится? Я же старался ей угодить.

— Конечно же она не сердится, — заверила его Рени и взяла под руку. — Идёмте, Ник, я провожу вас в гостиную.

«Вот паршивец! Уверена, он прекрасно знает, что Мари не переносит лилии и потому специально их подарил. Что ж, бывает и такой способ ухаживания, — усмехнулась Рени и искоса глянула на юношу. — Надо же, какой необычный разрез глаз... Боже, а какие ресницы! Настоящие опахала. Остаётся лишь позавидовать такому богатству». Чем-то внешность гостя её зацепила и она, снова посмотрев на него, в изумлении распахнула глаза. «Если бы такое было возможно, я бы сказала, что это сын Мики. Конечно, сбивает с толку иная цветовая гамма, но если приглядеться, то они очень похожи. Да и с Мари у них есть что-то общее...»

— Скажите, Ник, вы знакомы с моим мужем? — не утерпела заинтригованная Рени.

— Мы встречались, но вряд ли он меня помнит, хотя я очень старался произвести на него впечатление.

— Тогда вполне возможно, что он вас запомнил.

— Надеюсь, что нет, — ответил юноша с усмешкой. — Видите ли, мадам Рената, думаю, я произвёл на него примерно то же впечатление, что на Мариэль, которая, если честно, терпеть меня не может и за глаза зовёт гадом... ну и прочими неблагозвучными прозвищами.

— Боже мой! — Рени подавилась смехом. — Ник, пожалуйста, не сердитесь на мою дочь! Мари не сдержана на язык, но, клянусь, у девочки доброе сердце.

— Верю вам на слово, мадам Рената, но лично мне в такое трудно поверить.

— Не слушай его, татап, врёт он всё! — экспансивно воскликнула Мари, присоединившаяся к их маленькому шествию. — Вот скажи, какой нормальный парень будет дарить девушке цветы, которые она терпеть не может? — спросила она с возмущением.

— Я не знал, что ты не любишь лилии, — смиренно ответил Ник и девушка смерила его подозрительным взглядом.

«Ты чего подкапываешься под Рени?» — «Положение обязывает. Я же здесь на положении твоего парня, — ухмыльнулся Ник. — И вообще, она мне нравится». — «Ну, знаешь!» — «Вот только давай без пошлостей! Твоя мать мне нравится, как личность, а не как женщина». — «Тогда ладно», — успокоилась Мари.

Рени, идущая чуть позади своих юных спутников, удивлённо вздёрнула бровь. «Такое

ощущение, что Ник и Мари мысленно разговаривают... Нет, не может быть! Скорей всего, мне показалось». Она посмотрела на молодых вампиров и лукаво прищурилась. «Интересно, как Мари относится к этому мальчику? Из них получилась бы очень красивая пара. Правда, чует моё сердце, девочка намается с этим надменным красавцем. С другой стороны, такие парни стоят того, чтобы с ними помучиться». Размышляя о будущем дочери, Рени решила закинуть удочку.

— Ник, я бывала в Вашингтоне. Возможно, я знаю вашу семью, — сказала она, выжидательно глядя на гостя.

— Вряд ли, у нас скромная семья. К тому же, так уж вышло, что я живу отдельно от родичей, — Ник помедлил. — Мадам Рената, давайте поговорим об этом несколько позже.

— Хорошо, — согласилась Рени, почуявшая интригу, и перевела разговор на другую тему.

---

[1] Merde! (фр. яз.) — Вот дерьмо!

[2] Роза Джульетты (кустовая роза персикового цвета) — 15.8 млн. \$ за цветок.

[3] орхидея «Shenzhen Nongke»

***

Палевский и Штейн пришли через десять минут после Ника. Судя по голосам, они о чём-то спорили, но о чём именно Мари не разобрала. На этот раз она встречала их одна, хозяйка дома тем временем занимала беседой уже явившегося гостя.

— Милая, никак ты изменила амплуа Золушки и для разнообразия решила побыть принцессой? — сказал Палевский, с удовольствием глядя на преобразившуюся девушку.

— *Bonsoir, papa! Merci pour le compliment,* — просияла Мари и звонко чмокнула его в щеку. — На моё счастье, у меня есть личная фея-крестная, с задатками дизайнера-модельера.

Палевский шутливо дернул её за ухо.

— Ну какой же это комплимент? Чистейшей воды правда. Ведь ты у нас красавица, особенно когда берёшь на себя труд ею выглядеть.

— Ну, вот! А так хорошо начал! — с притворным разочарованием протянула девушка. — Значит, ты считаешь, что по жизни я всё-таки золушка, а не принцесса?

— Какие могут быть вопросы? Конечно же, ты принцесса! — усмехнулся Палевский и глянул на Штейна. — Милая, между прочим, я здесь не один, а с гостем.

— *Oui? Bonjour, monsieur Stein! Désolé, je ne vous le fait remarquer,[1]* — пропела Мари и с наивным видом хлопнула ресницами.

Штейн небрежно кивнул ей в качестве приветствия, и она поёжилась от его тяжёлого взгляда, который прошёлся по её лицу, а затем, судя по её ощущениям, застрял где-то в районе груди.

Проклиная открытое платье, Мари с вызовом вздёрнула подбородок и, в свою очередь, нахально оглядела своего шефа. Увы, как и в случае с Ником, ей пришлось признать, что гость выглядит великолепно. Штейн был необычайно элегантен в своём сером костюм-тройке, который сидел на нём так, будто он в нём родился. К тому же покрой пиджака и сочетание великолепной шерстяной ткани от Scabal с тёмно-красной рубашкой отчего-то наводили её на мысли о королевских семействах.

«Воображалы чёртовы! Что один, что другой!» — рассердилась Мари и, резко развернувшись, устремилась к гостинной.

Палевский, пряча улыбку, легонько подтолкнул замешкавшегося Штейна и девушка, идя впереди них, всю дорогу ощущала на себе неотступный взгляд шефа СБ, отчего ей казалось, что её ведут на расстрел.

Войдя в гостиную, властители вампирского мира первым делом посмотрели на поднявшегося им навстречу юношу и у обоих на лицах промелькнуло лёгкое удивление. Гость действительно выглядел очень молодо, слишком молодо для того, кого они ожидали.

— Здравствуйте, сэр! Разрешите представиться, я Николас Реази, друг вашей дочери.

— Очень приятно, молодой человек, а я отец сей юной мадмуазель, — сказал Палевский и испытующе глянул на гостя. — Вы ничего не хотите добавить к своему имени?

— Боюсь, мне нечего к нему добавить, — сдержанно ответил юноша. — Разве что попросить прощения, если оказался слишком навязчив, желая познакомиться с вами и вашим семейством.

— Вам нет нужды извиняться, лично меня заинтересовал ваш визит.

— Я рад этому, сэр, — слегка поклонился Ник. — Добрый вечер, сэр, — сказал он.

обращаясь к Штейну.

— Добрый! Реази, вы числитесь в моём ведомстве, а я не люблю, когда мои сотрудники оказываются ящиком Пандоры. Надеюсь, вы не будете скрытничать и расскажете о себе, — высказал надежду шеф СБ.

— Возможно, сэр, — уклончиво ответил юноша.

После обмена рукопожатиями Палевский сел на место во главе стола, Ника посадили рядом с Мари, а напротив них сели Штейн и Рени.

«Ну всё, Реази, ты попал! — мысленно сказала Мари. — Готовься, сейчас тебе устроят перекрёстный допрос, так что держись». Вдруг он взял её за руку и его пальцы сжали её ладонь. «Скажи, Мариэль, кто я для тебя? Друг или враг?» Девушка немного помедлила с ответом: «Конечно, ты ещё та заноза в заднице, но чтобы считать тебя врагом? Нет, это уже перебор. Думаю, и ты мне не враг, хотя злишься и упираешься всеми лапами, когда я протягиваю тебе руку дружбы. Так что давай оставим старые счёты, если они у тебя были. Впрочем, не исключено, что весь твой выпендрёж — это приёмчик по привлечению моего внимания».

По лицу юноши скользнула мрачная тень. «Бред! Я такими глупостями не занимаюсь. Но ты права, пока у меня нет к тебе претензий. На твоё счастье!» — раздражённо сказал он и Мари сжала его пальцы, когда он попытался убрать руку. «Вот на этой светлой ноте давай и остановимся! Дерзай, Реази, я желаю тебе удачи».

«Что? — раздражение на лице Ника уступило место заинтересованному выражению. — Как думаешь, зачем я пришёл к вам? И вообще, чего хотел от тебя?»

Мари чуть слышно фыркнула. «Тоже мне секрет! Как будто ты первый честолобец, который ищет через меня подход к главе СС. Как ты сам сказал, у твоей семьи скромный достаток, следовательно, она не имеет влияния, но ты-то богат. Думаю, ты сделал себе состояние благодаря рано развившейся способности к чтению мыслей и таланту к точным наукам. Видимо, понадеявшись на свою гениальность, ты не захотел терять время на учёбу в Академии и теперь ищешь способ легализировать свои изобретения и богатство. Кстати, большое спасибо за подарок. Ещё днём хотела поблагодарить тебя, но ты не дал мне такой возможности».

Не обращая внимания на остальных, Ник смерил девушку задумчивым взглядом и когда онаostroила ему страшные глаза, неожиданно поднёс её руку к губам и поцеловал.

С неслышным вздохом Мари высвободилась из его пальцев. «Проклятье! Реази со Штейном глазуют на меня так, будто впервые видят. Всего-то дел, что красивая тряпка и немного краски на физиономии, а уже такое впечатление, что они увидели чудо чудное».

Ник усмехнулся, прочитав её панические мысли. «Не тушуйся, никто в тебя не влюбился! Просто в кои веки у тебя приличный вид. Правда, на мой взгляд, медальон не подходит к твоему наряду. Интересно, что при своей нелюбви к лилиям, ты не расстаёшься с этой безделушкой. Это что, подарок любовника?» Мари взяла его тарелку. «Реази, ты из какого века? Сейчас принято говорить не любовник, а бойфренд. Запомни и больше не позорься».

— Тебе что к аперитиву, сыр или икру? — вслух спросила девушка.

Ник оглядел закуски.

— Лучше сыр. Вон тот, с ветчиной.

— О'кей!.. Жюльен будешь?

— Давай. Нет, только не с капустой! Положи со спаржей и яйцом.

— No problem! Со спаржей, так со спаржей.

— Мясное ассорти тоже положи.

— Хорошо. В отличие от тебя, я не вредина.

Несмотря на неослабное внимание к молодым вампирам никто из старших не подал виду, что за ними наблюдают. Главы вампирского мира обменивались репликами по поводу работы, а Рени поддерживала общий разговор, стараясь вовлечь в него молодежь. «Teufel! Мика, тебе удалось пробиться через его защиту?» — мысленно спросил Штейн. «Нет, — ответил Палевский. — Ментальный щит даже лучше, чем у тебя, абсолютно непробиваем. Такое ощущение, что он организован по иному принципу». — «Понятно, мальчишка всё же чужой. Не похоже, что это маска, тогда почему он так молод?» Раздумывая, Палевский покосился на гостя: «Думаю, дело опять же в том, что он чужой. Когда продолжительность жизни увеличивается, соответственно затягивается период созревания...»

— Дело не только в этом, — вслух заметил Ник.

— Вот как? — отозвался Палевский. — Может, просветите нас, в чём именно?

— Боюсь, это займёт слишком много времени.

— Ну так мы никуда особо не торопимся, — заметил Штейн. — К тому же мы ещё не услышали, в чём цель вашего визита.

— Извините, я думал, это и так понятно, — Ник повернулся к Мари и взял её за руку. — Я хотел познакомиться с семьёй своей девушки, — заявил он и она пнула его под столом.

«Реази! Я убью тебя! Ведь просила же не прикидываться моим бойфрендом!» — возмутилась Мари. «Не переживай, золотце, это шутка! — ухмыльнулся Ник. — Не могу же я сказать, что просто захотел поесть в домашней обстановке». Мари снова попыталась его лягнуть, но он вовремя убрал ноги. «За такие шутки в зубах бывают промежутки!» — «Да ладно тебе злиться! Сама же сказала, что мы почти друзья...»

— По моим сведениям, у неё другой парень, — сказал Штейн и его взгляд впился в лицо девушки. — Или я ошибаюсь?

— Нет, вы не ошибаетесь, — буркнула Мари. — Реази пошутил. Он вообще любит надо мной поприкалываться. Видимо, в нём играет классовая ненависть к таким, как я. Так что не верьте ему, он сам сказал, что пришёл сюда чисто конкретно поесть. Поскольку в деньгах у него нужды нет, то дело, видимо, в компании. Не каждый может похвастать, что ужинал с дуче вампирского мира и его правой рукой.

На лице Рени появилось укоризненное выражение.

— Мари! — воскликнула она и покачала головой.

— Прости, татап, не могу удержаться. Вообще-то, я сейчас в кусачем настроении и заранее прощу прощения, если брякну ещё что-нибудь столь же не политкорректное.

— Только давай без уголовного жаргона, — попросила её Рени.

— Хорошо, я постараюсь, — пообещала Мари и вновь попыталась пнуть Ника, но тот был настороже.

— Так кто вы такой? — перешёл в наступление Палевский.

Ник поднял голову и с открытой иронией посмотрел на него.

— Это сложный вопрос. Так просто на него не ответить.

— Вот! Сразу чувствуется, что это наш человек, — усмехнулся Штейн и, взяв бутылку с вином, вопросительно посмотрел на Рени. — Тебе налить?

— Да, — кивнула она и в свою очередь выразительно посмотрела на мужа. — Мальчишки, давайте никаких серьёзных разговоров до окончания ужина, договорились?

— Как скажешь, дорогая, — сразу же сбавил тон Палевский. — Кстати, Кошка, ты сегодня бесподобно выглядишь. Не помню, говорил ли я сегодня, что ты для меня самая красивая и желанная женщина на свете? Впрочем, не важно. Я готов повторять это снова и снова, — произнёс он, глядя на жену с восхищением и неизъяснимой грустью.

— Я тоже люблю тебя, мой ангел, — отозвалась Рени и её лицо осветилось ответным чувством.

Заметив, что Ник не спускает глаз с её родителей, Мари на этот раз всё же попала ему туфлей по ноге.

— Реази, кончай завидовать чужому счастью, — сказала она и сложила ему на тарелку целую гору закусок. — Давай ешь! Ты же слышал, никаких серьёзных разговоров, пока тарелки не опустеют.

— Этого слишком много даже для Робина Бобина Барабека, — вздохнул Ник, но послушался и снова взялся за еду.

«Кажется, ты произвёл впечатление на отца. Поэтому не хами и постарайся показать себя с хорошей стороны», — мысленно добавила девушка. «Как-нибудь обойдусь без твоих ценных указаний!» — заявил Ник, и она бросила на него скептический взгляд. «Что-то не похоже. Такое чувство, что ты нарываешься на драку. Так я тебе не советую. Это тебе не со мной воевать. В общем, твоё дело. Если решил остаться отщепенцем, то можешь продолжать в том же духе». Немного помолчав, Мари снова покосилась на Ника: «Учти, Реази, твоё отшельничество ни к чему хорошему не приведёт. Такие как ты, рано или поздно оказываются в лапах сепаратистов...»

— Хватит! — рявкнул юноша и, спохватившись, виновато посмотрел на Рени.

— Извините, мадам Рената, но ваша дочь кого угодно выведет из себя.

— Что правда, то правда.

Рени бросила быстрый взгляд на мужа и бывшего коллегу. Заинтригованная их напускным безразличием, она окончательно утвердилась в мысли, что к ним пожаловал очень интересный гость.

— Вообще-то, у нас считается неприличным вести за общим столом закрытые мысленные разговоры, — заметил Палевский, ни к кому конкретно не обращаясь.

— У нас тоже, — буркнул Ник.

— Ну, конечно! Опять я кругом виновата! — рассердилась девушка. — Этот дурак никак не может переступить через свою гордость и попросить...

— Детка, сделай милость, помолчи! — перебил её Палевский. — Поверь, твой гость умеет постоять за себя.

— Ладно. Очень надо разговаривать, когда все на тебя орут, — проворчала Мари и Штейн насмешливо фыркнул.

— Да, здорово ты избаловала девчонку, — сказал он, повернувшись к Рени. — Но ничего, дай только срок, я из неё дурь-то повыбью.

— Что? — возмутилась девушка. — Это мы ещё посмотрим, кто из кого выбьет дурь.

Когда Штейн уставился на неё немигающим взглядом, она подалась к нему и сладко улыbnулась.

— И даже не пытайтесь, герр Штейн! — передразнила она немецкий акцент его секретарши. — Вот герр Реази подтвердит вам, что злобными взглядами меня не проймёшь.

— Мари, я очень тебя прошу, пожалуйста, помолчи, — негромко сказал Палевский и что-то такое было в его тоне, что заставило девушку послушаться.

— Хорошо, *papa!* Считай, что я уже заткнулась.

— Детка, я тебя не затыкаю, но веди себя прилично. Не заставляй нас с матерью краснеть за тебя.

— Уговорил, не буду. Пусть этот умник сам разбирается.

— Спасибо! — сказал Ник и бросил на Мари привычный ей сумрачный взгляд. — Адвокат в твоём лице мне совершенно точно не нужен.

Девушка пожала плечами.

— Ну, так я и не напрашиваюсь.

— Всё, Мари! Угомонись, наконец, и вспомни о хороших манерах! — воззвала к ней Рени.

— Матап, и ты туда же?.. Ладно, молчу! — с досадой воскликнула Мари и Ник склонил голову, пряча улыбку.

«Золотце, ты вообще знаешь, что такое хорошие манеры?», — мысленно поддел он девушку и она сердито дёрнула плечом. «Отстань, Реази! Уже тошнит от твоих подколов. Да, у меня нет манер, теперь ты доволен?» — «Было бы чему радоваться». — «Ты всегда найдёшь повод! Небось доволен, что выставил меня душой перед остальными». — «Разве это я? По-моему, это полностью твоя заслуга... Ну, чего ты замолчала?» — «Вспомнила с хороших манерах. Так что, будь добр, отстань от меня».

— Ник, вы любите оперу? — пришла Рени на помощь девушке.

— Да, мадам.

— Вы были на премьере этого сезона в Ла Скала?

— Я предпочитаю Метрополитен-опера, но слышал, что в Ла Скала дебютирует очень талантливая певица.

— Великолепнейшее сопрано! Обязательно её послушайте, эта девочка войдёт в историю оперного искусства.

Во избежание дальнейшей конфронтации за столом Рени больше не давала заглохнуть общей беседе. От обсуждения оперы она перешла к театральным постановкам, а затем к художественным выставкам.

— По сравнению с Парижем здесь слишком мало места для размещения коллекции картин. У нас даже нет отдельной столовой, — посетовала она во время разговора.

— Давай переедем, наш новый дом уже готов, — предложил Палевский.

— Нет, мой ангел! Ты же знаешь, я социалистка по убеждениям. Когда дом большой, без прислуги не обойтись. К тому же Мари здесь нравится. Правда, Мари?

Девушка была совсем не против прислуги, но согласно кивнула.

— Да, матап, если что, то я обожаю гонять пыль по субботам и мыть посуду. Главное, не забывай пополнять запас тарелок.

— Поросёнок! — улыбнулась Рени. — Не велик труд, убраться по дому.

— Ну, так и я того же мнения, — поддакнула Мари. — Тружусь, как пчёлка. Честное слово! Загляни в мусорку, там полно битой посуды.

После этого заявления Ник и Штейн дружно посмотрели на неё и усмехнулись.

— И нечего ухмыляться, а то обоих вычеркну из списка женихов, — пригрозила девушка. — Ой-ой! Прямо все скривились! Между прочим, я самая завидная невеста. Родичи у меня круче некуда, сама я красавица, причём неприхотливая и трудолюбивая. Вдобавок приличная профессия имеется. Короче, не жена, а чистое сокровище, — заявила она с самодовольной миной.

— Милая, это что было? — вздёрнул бровь Палевский.

— Набивание себе цены, — честно призналась Мари и кивнула в сторону Штейна. — Вы же сами сватали меня за него, — заложила она родителей и покосилась на Ника. — Этот тоже ни мычит ни телится. Знай себе лепит штрафные часы. Как хочешь, так и понимай, любовь это или ненависть. Короче, без пол-литра на разберёшься, как говорит Ладожский.

Мари насмешливо глянула на «женихов» и прикусила язычок, заметив, что оба как-то неадекватно отреагировали на её шутку. Хоть ни тот ни другой не показывали виду, тем не менее чувствовалось, что им неловко. «Так вам и надо! Не всё же вам измываться надо мной», — мстительно подумала она и как ни в чём не бывало протянула Нику свой бокал.

— Налей мне вина. Хоть напиток с горя, раз никто замуж не берёт.

— Если дело только за мной, то я готов жениться хоть сейчас, — заявил Штейн и девушка скептически на него посмотрела. «Полно врать!» — мысленно сказала она, а вслух добавила:

— Нет, герр Штейн, боюсь, я проигрываю вашей секретарше, а быть третьей лишней я не хочу. — Она повернулась к соседу и ехидно прищурилась. — Реази, а ты не хочешь предложить мне руку и сердце?

— Что? — поперхнулся Ник и, откашлявшись, с негодованием посмотрел на неё.

— Можешь не отвечать. На твоей физиономии и так написано, что ты не женишься на мне, даже если я останусь последней женщиной на земле.

«В том и беда, что ты последняя», — услышала Мари будто не сам мысленный голос, а его далёкий отголосок, но Ник не обращал на неё внимания и она решила, что ей показалось.

— Детка, подожди напиваться, — сказала Рени, которую забавляло поведение девушки. — Сейчас будет перемена и вместе с десертом принесут шампанское.

— Шампанское! — обрадовалась Мари, для которой чудесное вино ассоциировалось с выпускным балом и любовью к Тьену.

Не замечая направленных на неё взглядов, девушка с задумчивой улыбкой прижала лилию к груди и прислушалась к песне, которая вновь зазвучала в её ушах. «Тьен, любимый! Пожалуйста, будь со мной!..»

— Нет! — раздался резкий голос.

— Что, нет? — очнулась Мари и с удивлением посмотрела на Ника.

— Я никогда не женюсь на тебе.

— Спасибо тебе, Реази! — девушка молитвенно сложила руки. — Ты меня утешил. Я уж было испугалась, что придётся ещё лет десять шваркать шваброй в туалетах.

— У нас бессрочные брачные контракты, — буркнул раздосадованный юноша и Мари сделала вид, будто смахнула слезу умиления.

— Тем более громадное тебе спасибо. Даже страшно подумать, каково это — прирасти к швабре и навсегда поселиться в туалетах.

Судя по виду, Ник хотел сказать что-то резкое, но тут появились официанты и он промолчал.

После того как на столе расставили блюда с десертом и разлили шампанское по бокалам, Рени сказала тост, смысл которого сводился к пожеланию добра и благополучия всем присутствующим.

Как положено, мужчины поднялись и выпили стоя, и когда Палевский со Штейном сели, Ник остался стоять, бокал в его руке был по-прежнему полон.

— Не считите меня невежливым, мадам Рената, — сказал он, глядя на Рени. — Прежде

чем выпить шампанское, я хочу поблагодарить вас за гостеприимство и доброту. Мадам Рената, я пью за вас, прекрасную мужественную женщину, которая находит в себе силы жить так, будто у неё в запасе целая вечность. Пью с надеждой на чудо. Живите долго и счастливо!

Пока Ник пил шампанское, Мари искоса глянула на него, и с изумлением поняла, что он волнуется и к тому же сильно. Таким она ещё его не видела. Самоуверенный и хладнокровный он ни перед кем не тушевался, хотя довольно часто попадал в острые ситуации. Поскольку по его милости она часто бывала в штабе, то знала, что Ника периодически испытывают на прочность. Занимались этим его же товарищи спецназовцы, которым не слишком нравилось, что выпускник Академии носит капитанские погоны и, главное, ведёт себя так, будто имеет на это полное право.

Естественно, подавляющее большинство народа в штабе было уверено, что продвижению надменного ягуара способствовали влиятельные родственники и Нику раз за разом приходилось доказывать, что он сам по себе чего-то да стоит, и зачастую ему удавалось это сделать не кулаками, а речами. Подметила Мари и то обстоятельство, что он никогда не калечит товарищей, не говоря уж об убийстве, когда дело доходило до драки. При том с людьми он был беспощаден и чаще всего убивал тех, кто смел напасть на вампирский патруль.

Каким-то образом спецназовцы понимали, что Ник их щадит и потасовки заканчивались неизменным братанием в ближайшем баре, под обильные возлияния и бурное обсуждение приёмов рукопашного боя. На некоторых таких вечеринках Мари побывала и, сидя в толпе спецназовцев, с удивлением наблюдала как Ник, нисколько не изменяя своей натуре, моментально вливается в коллектив и становится его душой. Причём слушали его с уважением и потом она слышала, как в спорах ссылались на его слова. Потому число недругов Ника быстро таяло, и в последнее время к нему редко привязывались, зная, что можно схлопотать не столько от него самого, сколько от его новых друзей.

В общем, Мари засомневалась в своих выводах, что Ник отщепенец, ищущий связей в обществе. Слишком уж многое он умел, чтобы это можно было объяснить одними лишь его талантами. Раньше у неё уже мелькала мысль, что Ник несколько старше, чем ей кажется, тем не менее, несмотря на несносный характер и проколы в поведении, она всё равно воспринимала его как ровесника. Но теперь, когда он сидел за одним столом с её отцом и Штейном, она вдруг осознала, что он держится с ними как равный. Властный и самоуверенный, он ни в чём не уступал её могущественному отцу. Более того и тот воспринимал его как равного, если не сказать больше.

Неожиданно девушка поняла, что её гость отчего-то сильно беспокоит главу вампирского мира и шефа СБ. Они весь вечер ждут от него каких-то действий, а Ник это знает и специально тянет время.

Отвечая на пожелание гостя, Рени с королевской улыбкой наклонила голову.

— Спасибо, Ник! Благодарю вас за ваши добрые слова, — сказала она и на её лице появилось обеспокоенное выражение. — Надеюсь, вы не собираетесь нас покинуть?

— Прошу прощения, мадам! Возможно, я вам надоел, но я ещё должен поговорить с вашим мужем... — Ник с иронией посмотрел на шефа СБ, — и своим начальством.

— Ужин подошёл к концу, пора бы уже открыть карты, — дипломатично заметил Штейн.

— Вот и я думаю, что пора заканчивать с балаганом и переходить к делу, — отозвался

Ник и сел на место. — Спрашивайте! Если смогу, отвечу.

— Так кто же вы? — приступил Штейн к допросу.

— Если использовать краткий титул, то Никотан Реази Вистанио, райделин Восточного гана, полноправный наследник по мужской линии, — с холодным высокомерием ответил Ник.

— Вы землянин?

— Да... по сути.

— Не могли бы вы прояснить, в чём эта суть заключена?

— В том, что я представитель цивилизации, которая возникла задолго до той, что есть сейчас на Земле.

Довольный Штейн потёр руки.

— Ach so![2] Выходит, Даниэль с Адамом были правы, утверждая, что на Земле сменилось несколько цивилизаций. Скажите это вы Старейший?

Ник фыркнул и покосился на Мари, застывшую с бокалом шампанского в руке. «Черномор, да? Зубы, побитые кариесом, и радикулит?» — язвительно спросил он и девушка от изумления приоткрыла рот.

— Видимо, да, хотя это, скорее, собирательный образ. Не все деяния, которые приписывают этому господину, принадлежат мне, — сказал Ник, обращаясь к Штейну.

— Это ты убил Эльжбету? — резко спросил Палевский. — Отвечай!

— Да, я! — холодно ответил Ник и их глаза скрестились в безмолвном поединке.

— Почему?

— Потому что это было необходимо.

Палевский со стуком поставил бокал на стол.

— Это не ответ!

— Я спас тебе жизнь. Такой ответ тебя устраивает?

— Не помню, чтобы я просил тебя о помощи, — не смягчился Палевский. — Что тебе нужно в моём доме?

— Спокойней, моя любовь! Будь добр, не забывай о приличиях! — властно сказала Рени и чуть мягче добавила: — Что ты напал на мальчика? Ник — гость в нашем доме, и гость желанный.

От волнения на её висках выступили капельки пота и обеспокоенный Палевский обругал себя за то, что не сдержался.

— Тоже мне, нашла мальчика! Этот тип будет постарше нас всех вместе взятых, — проворчал он и захлопал себя по карманам в поисках сигарет. Штейн протянул ему свой портсигар, и тоже поднялся с места. — Прошу прощения, что прерываю беседу, но мы ненадолго. Идём, Томас!

Когда властители вампирского мира ушли на перекур, Мари пихнула Ника под столом, и он поморщился. «Слушай, хватит уже колотить меня по ногам!» — «Убить тебя мало за твои глупости!» — сердито сказала девушка. «Это ещё почему?» — удивился он. «Реази, вот кто тебя тянул за язык? Я же придумала тебе классную легенду. Воспользовался бы ею и жил нормальной жизнью. Так нет, нужно было всем растрезвонить, что он Старейший!» — «Рано или поздно всё равно узнали бы, кто я такой. Потому лучше сразу расставить всё по местам». — «Ну а теперь начнётся чёрт знает что!» — воскликнула Мари, обеспокоенная грядущими переменами. «Не обязательно, — усмехнулся Ник. — По натуре я учёный и не рвусь во власть». — «Тогда почему ты решил выйти из подполья?» — «По разным

причинам... к тому же я устал от одиночества», — помедлив, признался он и девушка вздохнула. «Понятно! Я бы тоже не выдержала столько лет в одиночестве». — «Вот только не нужно меня жалеть!» — «А что? Влепишь мне очередные штрафные часы?» — «Не нравится? Могу устроить и кое-что похуже». — «Вот этого не надо! Штрафов более чем достаточно». — «Ну смотри! Только попроси и я могу вырастить тебе швабры вместо рук». — «Гад ты, а не Старейший!»

Рени не вмешивалась в мысленный разговор гостя и Мари. С отсутствующим видом она понемногу потягивала шампанское из бокала, но сразу же встрепенулась, когда вернулись Палевский и Штейн. Лицо короля вампиров хранило бесстрастное выражение, но чувствовалось, что он действительно спокоен.

Ради любопытства Мари попыталась сравнить ментал Ника с менталом отца, хоть её уже подташнивало от объединённой мощи старших вампиров. Стоило ей приспустить ментальный щит и напряжённость полей с такой силой обрушилась на неё, что она со стоном схватилась за голову. «Сиди и не высовывайся, а то спалишь себе мозги!» — мысленно предупредил Ник, и девушка с трудом подняла на него глаза. «Слушай, Реази, ты не очень расходишься! Рени больна и вряд ли долго выдержит ваши ментальные игры. *Oui que voulez-vous, tous!*»[3]— «Не беспокойся! Даю слово райделина, что никто из твоих близких не пострадает».

— Простите, мадам Рената! За годы затворничества я несколько подрастерял хорошие манеры, но, уверяю вас, мы с вашей дочерью не хотели тревожить вас, потому разговаривали мысленно. Это была пустая болтовня о всяких пустяках, — Ник виновато улыбнулся Рени, которая была в полуобморочном состоянии, но мужественно улыбалась, и перевёл взгляд на Палевского. — Господа, предлагаю не тревожить дам своим воинственным настроением. Поверьте, я пришёл к вам с миром.

— Рени! — Палевский только заметивший бедственное положение жены, поднялся было с места, но она повелительным жестом заставила его сесть.

— Дорогой, со мной всё в порядке! Но я буду вам признательна, если вы выслушаете просьбу Ника и снизите градус напряжённости... Спасибо!

Напряжение ментальных полей, убранных за щиты, резко пошло на убыль, и Мари облегчённо перевела дух. «Мама, ты как?» — спросила она, обеспокоенно глядя на Рени, и та с успокаивающим видом опустила ресницы. Судя по лицу и блеску в глазах, ей тоже стало лучше, и девушка с благодарностью глянула на Ника. Она вновь попыталась сравнить ментальные поля его и Палевского и по остаточному фону обнаружила, что у Ника оно значительно мощней, что стало для неё настоящим откровением. До этого никто не мог даже близко сравниться с её вампирским отцом. Штейн, самый сильный из всех старейшин, что ей встречались, и тот значительно ему уступал.

— Эй! — она дёрнула Ника за рукав, и он бросил на неё сердитый взгляд.

— Что тебе?

— Прежде чем вы сцепитесь, я хочу спросить, ты действительно выступал перед нами в Академии?

— А что? — спросил Ник с насторожённым видом.

— Да так, значит, это не лажа, сфабрикованная старейшинами, — Мари прищурила глаза. — Отчего-то у меня ощущение, что мы с тобой здорово поцапались тогда.

— Глупости! Кто ты такая, чтобы я вообще обращал на тебя внимание?

— И всё же, что-то было, даю голову на отсечение, — задумчиво проговорила девушка.

— Мари! — предупреждающим тоном сказал Палевский.

— Да это я так, к сведению! Господин Чистильщик, если тебя не затруднит, передай мне вон то розовое пирожное.

— Милая, ещё слово в том же духе, и ты пойдёшь к себе, — рассердился Палевский.

— О нет, только не это! — всполошилась Мари. — Что же я скажу потомкам, когда они спросят меня о встрече с нашей легендой?

— Правду, — усмехнулся Ник, передавая ей блюдо целиком. — Что тебя выставили вон за хамство этой самой легенде.

— А что? В этом что-то есть. При таком раскладе я наверняка войду в историю, — заявила Мари и, поймав на себе зверский взгляд Штейна, чуть не подавилась куском пирожного. — Да что б вас!.. Всё, всё! Молчу как рыба! — воскликнула она и демонстративно отодвинулась от Ника. — Можете терзать его, я умываю руки. На месте Реази я никогда не призналась бы в том, что я Старейший, но у каждого свой путь.

— Почему это ты не призналась бы? — заинтересовался Штейн.

— Потому что легендам нет места в реальной жизни, — ответила Мари и пригубила шампанское.

— Вот мы и посмотрим, права ты или ошибаешься, — сказал Штейн, обласкав её непроницаемым взглядом. — Может, детскому саду действительно пора баиньки? — добавил он и девушка быстро придвинулась к Нику.

— Реази, если ты легенда, то просто обязан защищать слабых и угнетённых.

— Золотце, а ты ничего не путаешь? Я же Чистильщик, как ты сама меня назвала. Я как раз тем и занимаюсь, что уничтожаю слабых и угнетённых.

— Тьфу! Совсем забыла, что ты у нас главный фашист. Но легендам всё позволено. Сегодня ты злодей, завтра пропаганда сделает из тебя героя, который спасает этих самых слабых и угнетённых, — Мари ехидно глянула на Штейна, — от произвола распустившихся спецслужб.

Взвешивая «за» и «против», Палевский глянул на девушку, но решил, что она, служа своеобразным громоотводом для Старейшего, будет полезна ему за столом.

— Перед уходом мы остановились на том, что ты представитель исчезнувшей цивилизации. Как давно это было и каким образом ты сумел дожить до наших дней? — возобновил он прерванную беседу.

Ник усмехнулся.

— Вообще-то, мы остановились на том, что я убил Эльжбету и этим спас тебе жизнь, — он повернул на мизинце левой руки кольцо с лотосом, выточенным из цельного рубина. — К тому же ты спрашивал, зачем я пришёл в твой дом.

При виде кольца Палевский нахмурился и потёр виски. В его памяти всплыла череда неясных воспоминаний. Это было незнакомое ему место, заставленное фантастическими устройствами, а ещё перед его глазами то и дело всплывал образ прекрасной женщины в странных одеждах и такой же черноволосый и смуглый, как она, подросток, который глядел на него со злобой загнанного в угол ягуара. «Интересно, почему именно ягуар?» — мелькнула у него мысль и перед его глазами, будто по заказу, возникло видение белого здания, устремлённого ввысь, и скульптура громадного ягуара, парящая над его куполом.

— Михаэль! — тихо позвал Ник. — Что ты помнишь из той, нашей первой встречи?

— Думаю, только то, что ты соизволил оставить в моей памяти, — сухо ответил Палевский, вырвавшись из странных видений. — Итак зачем ты пришёл в мой дом?

— Не за тем, чего ты опасаясь. У меня нет к тебе претензий. Так что не стоит видеть во мне врага. Я действительно пришёл с миром.

Палевский бросил на гостя изучающий взгляд.

— Хорошо, если так, — произнёс он с сомнением в голосе.

— Слово райделина! — надменно выпрямившись, сказал Ник.

— Мне он тоже поклялся этим самым словом райделина, что не причинит вреда моим близким, — выступила Мари в его поддержку. — Пап, может, это глупо, но я ему верю.

— Ладно, оставим это. И всё же, зачем ты пришёл в мой дом?

— Он сказал, что ему надоело одиночество.

— Мари! — дружно рыкнули Палевский и Рени.

— Честное слово, я больше не буду! — соврала она в очередной раз.

Ник покосился на девушку.

— Я же сказал, мне не нужны адвокаты, — произнёс он нейтральным тоном.

— А ты в чём-то виноват? — спросила Мари и протянула ему свой бокал. — Налей мне шампанского. Я обещала выпить, и я сдержу своё слово ... Спасибо. Родители, не нужно зверски на меня смотреть. Честное слово, я больше не буду вмешиваться, иначе Реази проваландается со своим рассказом до утра.

— Мари!

— Папа, не сердись! Просто выслушай его, — девушка пихнула Ника локтем в бок. — Ну, давай, не тяни! Рассказывай, как ты докатился до такой жизни, что тебе приходится просить, чтобы тебя выслушали, — её глаза заблестели любопытством. — Если ты из древней цивилизации, то как ты здесь оказался? И вообще, ты один такой или вас целая банда?

Штейн вопросительно глянул на Палевского, но тот отрицательно качнул головой, и инициатива в разговоре с гостем осталась у девушки.

— Устройство, на котором я прибыл, можно назвать хронокапсулой, — Ник покрутил кольцо на мизинце и вздохнул. — Нас было двое таких путешественников во времени. Конечно, если не считать бесхозного «зайца».

— Это кто? — с подозрением спросила Мари.

— Это ты, золотце, — ответил Ник. — Давай пока без вопросов. Будет лучше, если я расскажу всё по порядку.

[1] Oui? Bonjour, monsieur Stein! Désolé, je ne vous le fait remarquer (фр. яз.) — Да? Извините месье Штейн! Я не сразу вас заметила.

[2] Ach so! (нем. яз.) — Вот оно что!

[3] Oui que voulez-vous, tous! — Да что б вас всех!

ГЛАВА 30. Гибель богов. Нравы древнего мира

Поначалу гость говорил неохотно, но затем, понуждаемый вопросами Мари, к которой вскоре присоединились остальные, он разговорился. Судя по оживлённому выражению лица, ему нравилось отвечать на вопросы, касающиеся истории и политического устройства государств, бытовавших в его время. С особым удовольствием он рассказывал о технических достижениях своей цивилизации. Рассказал он и о том, каким образом она погибла.

— Беда пришла из космоса, — с грустью произнёс Ник. — Хватило одного астероида, чтобы высокоразвитая технологическая цивилизация погибла практически в одночасье, и это несмотря на все чудеса инженерной мысли.

По расчётам наших учёных небесный бродяга должен был пройти мимо, причём на приличном расстоянии. Всё равно астероид расстреляли бы, но тут Служба космической разведки сообщила, что он до предела напичкан уникальными элементами. Поэтому решили его не уничтожать, а подкорректировать траекторию таким образом, чтобы он остался в Солнечной системе. Тогда мы уже запустили промышленные установки на орбите Ареи по переработке полезных ископаемых и тут такой подарок судьбы, — Ник горько усмехнулся. — Вот только подарок оказался роковым.

Не знаю, за что на нас рассердился Всемогущий Ягуар, но с самого начала всё пошло наперекосяк. Орбитальная станция, которая должна была скорректировать орбиту астероида, неожиданно попала под мощнейший выброс Солнца и вышла из строя. Пока подготовили вторую станцию, прошло время, и тут выяснилось, что астероид пройдёт значительно ближе к Арее, чем показали первоначальные расчёты. Отец сразу же предложил его расстрелять, но промышленники в Совете Коалиции заупрямились, боясь, что осколки заденут многочисленные орбитальные комплексы.

Всё ещё могло закончиться благополучно, но снаряд, запущенный к астероиду, отклонился от расчётного курса — оказалось, в него ударил камень размером с мизинец и, пропоров обшивку, вошёл в блок управления. В результате снаряд ударил не просто туда, куда было не запланировано, он придавал астероиду дополнительный импульс и тот напрямик устремился к Арее. Последний сюрприз заключался в газообразной начинке астероида, которая, по сути, превращала его в термоядерную бомбу. Вот так цепочка неприятностей, выпадающих с частотой противоречащей теории вероятности, привела нас к гибели, — спокойно заключил гость и женщины с жалостью посмотрели на него.

— Oh mon dieu! Неужели больше никто не спасся? — с жалостью воскликнула Мари, и властители вампирского мира вновь запаслись терпением.

Ник покачал головой.

— Одно время я надеялся, что выжили хотя бы те, кто был на орбитальных комплексах. С самого начала своего многовекового путешествия я неоднократно проверял околоземное пространство. Посылал сигнал за сигналом, но никто так и не отозвался на мой зов.

— Ты проверял Луну и Марс?

— Да, я там был. Никаких следов на поверхности. На всякий случай я там и там оставил маяки.

— Зачем? — удивилась Мари.

— Случаются же и хорошие чудеса, — усмехнулся Ник и с гордостью добавил: — Мой

народ осваивал межзвёздные перелёты, потому сначала на Луне, а затем на Марсе занимались экспериментами по терраформированию. Если выжившие ушли вглубь толщи планет, то есть вероятность, пусть ничтожная, что кто-то всё же выжил.

— Это вряд ли, — вздохнула девушка. — Иначе за столько лет они сумели бы подать весточку.

— Кто создал твою машину времени? — спросил Палевский.

— Мои родители. Рай Таятан был не только правителем, он был конструктором космической техники. Попутно он изобрёл много чего, в том числе хронокапсулу, которую ты называешь машиной времени. Райта Нида была математиком и специализировалась в астрофизике. Нисколько не преувеличивая, могу сказать, что мои родители были гениальными учёными. Перед катастрофой они вместе работали в области практических космических полётов и одновременно занимались разработкой первой в мире хронокапсулы. Это не та машина времени, которую описывают фантасты Земли. Хронокапсула движется только в одном направлении: из настоящего в будущее. Насколько я понял принцип действия, она создаёт стасис-поле, которое отсекает её от реального потока времени. Жаль, отец не оставил подробных записей, есть только хаотичные рукописные заметки.

— Понятно, — Штейн вопросительно посмотрел на гостя, который весь вечер посматривал на него с таким видом, будто пытался что-то вспомнить. — Что такое, Реази?

— Ничего. Просто вспомнил, откуда я вас знаю.

— Мы довольно часто встречались в штабе...

— Нет, не это. Я видел вас на Арее. Естественно, это были не вы, а рай Реотан легендарный король, создавший Коалицию Священных королевств. Такое ощущение, что вы его реинкарнация. Правда, я могу ошибаться. Портрет был очень старый, к тому же виденный мной в раннем детстве. По-моему, он валялся в наших подвальных запасниках.

— И за что такая немилость легендарному королю? — осведомился Штейн, отчего-то чувствуя себя уязвлённым, что портрет его двойника бросили на съедение мышам и крысам.

— Несмотря на родственные связи, правящие Дома Лета и Зимы всегда были в прохладных отношениях. Рай Реотан пошёл дальше всех своих предшественников и чуть было не уничтожил правящую династию Дома Лета. Если бы за моего предка не вступилась сама Лоти, мы бы сейчас здесь не сидели.

Штейн понимающе кивнул.

— Значит, с Домом Зимы у вас была постоянная вендетта, — пришёл он к выводу.

— Нет, не всегда, — усмехнулся Ник. — Я же сказал, что все правящие династии были связаны родственными узами, потому рай Реотан тоже числится в моих предках, чем я горжусь. Он был великим воином и не менее великим королём, хотя недруги хулили его за злопамятность и бешеный нрав.

— Может, по такому случаю перейдём на «ты» без предварительного брудершафта и поцелуев? — предложил Штейн.

— Хорошо, — согласился Ник и с изумлением посмотрел на шефа СБ. — У тебя от природы непробиваемый ментальный щит или это особые тренировки?

— От природы, — ухмыльнулся Штейн. — Что, тоже не можешь пробиться? — и он довольно потёр руки. — Замечательно! Просто замечательно!

— С учётом того, что ты похож на рая Реотана, это не удивительно, — заметил Ник. — Это был отличительный признак правящей династии Дома Зимы, который они берегли как зеницу ока.

— Лоти это кто? — спросила Мари.

— Женская ипостась божества весны, — последовал ответ Ника, и она насмешливо фыркнула.

— Mon dieu! Говоришь, твоего предка спасла богиня? Самому-то не смешно? Да ладно тебе злиться! Реази, если это не враньё, ты же летал на Марс. Как ты можешь верить во всякую религиозную чепуху? — сказала девушка и вскрикнула, получив ментальный подзатыльник. — А вот это уже нечестно! — воскликнула она и Ник с недоумением посмотрел на неё.

— Ты это о чём?

— Ладно прикидываться! Это же ты дал мне подзатыльник!

— Слово райделина, это не я.

— Ну, конечно! Я сама себе его отвесила, да?

«В некоторой мере, так оно и есть», — раздался в голове Мари вкрадчивый женский голосок. «Понятно, от переутомления поехала крыша, — огорчилась девушка. — Нужно было всё же не увлекаться подарком Ника и побольше поспать».

— Твоё путешествие во времени. В каком веке ты оказался? — спросил Палевский, возвращая разговор в прежнее русло.

— Тогда у землян ещё не было летоисчисления, — ответил Ник. — И всё же отец удачно выбрал временной промежуток. Случись первая остановка хронокапсулы сегодня, и кто знает, чем бы закончилось дело, особенно, если бы меня сразу же обнаружили. Трудно даже представить, что я мог натворить в свои пятнадцать лет, оказавшись без родины и близких. Одно знаю, расы вампиров тогда не было бы или она появилась бы значительно позже. Хотя сомнительно, чтобы люди дали мне отсидеться и стать тем, кто я сейчас.

Неожиданно Ник по-мальчишески ухмыльнулся.

— Смешно, но поначалу я как дурак обрадовался, оказавшись в нетронutom цивилизацией мире. Как всякому пятнадцатилетнему идиоту, мне грезились великие приключения и грандиозные подвиги!.. Вау! Это же так здорово — погоня за мамонтами и охота на динозавров, которые тогда ещё кое-где встречались. Чтобы отвлечься от мыслей о потерянном доме, я искал себе приключений и, как правило, я их находил. Путешествовать по дикому миру было опасно даже с нашими способностями и современным оружием. Тогда хищное зверьё было куда крупней, чем современное, вдобавок, не особо обременённое интеллектом, оно не боялось человека и видело в нём лишь закуску. Правда, отрезвление пришло довольно быстро, к счастью для меня.

Когда из нескольких передряг я выбрался благодаря лишь небывалому везению, до меня дошло, что пора завязывать с экстремальными видами спорта. Тогда я впервые задался вопросом, а зачем я всё это делаю? Ради кого или ради чего весь этот эпатаж? Умру я или останусь жив, больше никому нет до меня дела. Осознание этого далось особенно нелегко. Ведь я, сколько себя помнил, был в центре внимания множества людей.

Вот тогда я обратил внимание на дикарей, на которых раньше старался даже не смотреть. С моей точки зрения это были не люди, а мерзкая пародия. Сутулые, низкорослые, лица как у обезьян: надбровные дуги нависают, глазки крохотные, ноздри вывернутые, лбы низкие, челюсти тяжёлые. Вдобавок шерсть по всему телу. В общем, двуногие звери. И всё же они уже сбивались в стаи и им хватало ума, чтобы использовать примитивные орудия при охоте и поддерживать огонь в пещерах. Откуда взялась вся эта первобытная флора и фауна, для меня до сих пор загадка. Разве что природа сделала виток и вернулась к истокам.

С самонадеянностью достойной лучшего применения, я подумал, что легко сумею приучить дикарей и выдрессирую из них свиту преданных рабов. Как же! Первая попытка пообщаться с предками современных людей закончилась тем, что они закидали меня камнями, когда я попытался приблизиться к их пещере. Но главным препятствием был запах. Из устья пещеры несло так, что меня чуть не вырвало.

Тем не менее я испробовал все способы наладить дружеские взаимоотношения, но, несмотря на все мои старания, дикари не шли на контакт. Убитых животных, оставленных мной, они утаскивали к себе, но стоило мне приблизиться к ним, и они убегали. К тому времени они уже поняли, что лучше на меня не нападать.

«Интересно, сколько дикарей заплатило за это знание?» — мелькнула мысль у Мари.

«Я не считал», — отозвался Ник.

— В один прекрасный день мне всё это надоело, и я снова улёгся в хронокапсулу. На этот раз она доставила меня в двенадцатый век. В эпоху Средневековья люди жили немногим лучше своего скота, — в невероятной тесноте и непролазной грязи. Беспросветный труд с утра до ночи и при этом постоянный страх голода и холода. Если не от болезней и ран, то они рано старились и умирали от непомерного физического труда. Такая жизнь показалась мне ещё ужасней, чем у пещерных охотников. Дикари хотя бы были свободны.

Умом я понимал, что слишком остро воспринимаю окружающую действительность, потому решил задержаться и попутешествовать по средневековому миру. В конце концов, мне жить среди этих новых людей, а отец учил меня, что нужно хорошо знать повадки своего окружения.

Прыгая по временной оси, я, в общей сложности, провёл пять лет в средневековом мире Земли. Во время путешествий мне довелось повидать много мест и народов, и они удивили меня своеобразной культурой и нравами.

Должен признать, что люди, заселившие землю после нас, миролюбивей и добрей, чем мы, эреи, хотя поначалу их стремление избежать конфликтов я воспринимал как трусость. Не сразу, но всё же я стал терпимей к человечеству, и ксенофобия начала понемногу затухать...

«Неужели? — хмыкнула Мари. — Если это терпимый вариант, то страшно даже представить, что же было в самом начале. Зуб даю, что граф Дракула на твоём фоне выглядел невинной овечкой», — сказала она, но Ник не обратил внимания на её мысленную насмешку.

— В своих странствиях я повидал множество людей. Кто-то был жаден и подл душой; такие готовы перерезать горло усталому путнику ради его сапог или убить просто так. Но были и те, кто давал приют и, как говорится, делился последним куском хлеба. Кто-то, глядя на небо через дырявую крышу, мечтал о великих свершениях, а кто-то, сидя во дворце, раздумывал о том, как отобрать последнее у несчастных рабов, превращённых в двуногий скот.

— Ты же сам рассказывал, что у вас самих до последнего было рабство! — возмутилась Мари, которая, вопреки словам Ника, не воспринимала себя эрейкой.

— Это не то рабство, что было у современных людей, — хладнокровно ответил он. — Наше рабство — это своеобразное наказание и, как правило, властям имущим. Низшим сословиям, которые у нас всегда были свободны, оно не полагалось.

— Детка, подожди, не перебивай гостя! — вмешалась Рени, видя, что девушка

собирается возразить. — Ник, то что вы рассказываете безумно интересно. Жаль, что среди нас нет тех, кто интересуется прошлым планеты. Они бы с вас живого не слезли, пока не вытряхнули бы все сведения об эреях и землянах.

— В общем-то, если есть желающие, то я могу передать им имеющийся у меня материал, причём не только свои заметки, но и видеозаписи.

— Замечательно! — обрадовался Штейн. — Ник, только давай договоримся, что ты передашь их мне, а я уж решу, кого ими облагодетельствовать.

— Бедный Даниэль! — пожалела Рени ректора Академии. — Томас, только ты не слишком на него дави, хорошо? Наш учёный сухарь может взбрыкнуть, и потом, может так статься, что ты к нему на кривой кобыле не подъедешь.

— Не переживай, Кошка! Смиता я придушу так нежно, что он у меня даже не пикнет, — пообещал шеф СБ.

Они заговорили было о ректоре, но тут Палевский выпал из задумчивости, в которой он перебивал в течение всего рассказа Ника, и спросил его, что было дальше.

— Путешествуя по новому для себя миру, я шёл от селения к селению, переплывал моря и океаны. Забавы ради я поучаствовал в нескольких средневековых войнах. Как правило, это были обычные грабительские набеги и мне это быстро прискучило. Нет чести в убийстве неуклюжих крестьян.

При всём этом я попутно учился. Благо, родители напихали массу полезной информации в тиаран, это аналог ваших компьютеров. Да и прочих приборов на базе оказалось предостаточно, и разбираться с ними доставляло мне огромное удовольствие, — ведь я люблю технику. Наверно сработало предчувствие, что знания пригодятся, — Ник усмехнулся. — А может быть, это была боязнь, что однажды откажет моя чудо-техника, и я останусь один на один с этим проклятым миром, и прятаться мне будет уже негде. Ладно, не важно почему, но я учился как одержимый и попутно экспериментировал, восстанавливая машины, которые были у моего народа, а затем уже строил новые, на основе собственных открытий.

Увлечённый своими делами я не сразу заметил, что у землян наметилась тенденция к изменению. Население планеты росло и в городах мне начали попадаться стройные, длинноногие мужчины и женщины, чьи черты отдалённо напоминали лица эреев. Самое главное, я обнаружил у них зачатки ментального поля. Конечно, оно было совсем слабенькое, тем не менее некоторым из них его хватало для связи с ноосферой, а это уже дорогого стоило. Окрылённый надеждой, я выгащил из тиарана всю имеющуюся информацию по генетике своего народа и начал искать, в чём мы похожи и чём отличаемся от нового вида людей.

— Видимо, Адам Бернштейн прав, утверждая, что при глобальных катастрофах иногда выживает часть старой популяции и смешивается с новой, — вмешался Палевский, на бесстрастном лице которого появился проблеск заинтересованности.

— Лично мне не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть теорию уважаемого профессора, — сдержанно ответил Ник. — Вообще-то, меня не слишком интересовало происхождение праменталистов. Возможно, Бернштейн прав и на моих выживших сородичей так повлияла радиация, время и другие условия жизни. По большому счёту внешние изменения — это ерунда. Выжившие потеряли главное — своих симбионтов. Вместе с ними они потеряли право называться народом эреев, но, к моей величайшей радости, чудесные малыши сохранились в латентном состоянии. Оставалось только

соединить их с праменталистами. Вот тут и выяснилось, что симбионты тоже мутировали и не хотят действовать так, как это было раньше.

Загоревшись безумной идеей воссоздать расу эреев в чистом виде, я работал как проклятый. Поначалу мне было нужно получить знания, необходимые для осуществления задуманного, и я сутками напролёт, с редкими урывками для сна, лихорадочно извлекал из тиарана сведения по генетике. И как только обрёл уверенность в своих силах, провёл ряд базовых исследований. Всемогущий Ягуар! как же я обрадовался, когда тиаран подтвердил возможность вычленив и закрепить коренной эрейский геном при помощи направленной селекции! Я стал работать ещё усерднее, и тут мне очень пригодилось знание техники, а ряд приборов на базе помог создать новую аппаратуру для генетических исследований.

— Я так понимаю, в своих экспериментах ты больше действовал по наитию, чем следовал научной базе? — сухо сказал Палевский и оживление на лице Ника сменилось скепсисом.

— Научная база? В тиаране оказалось не так уж много полезной в этом плане информации. Видимо, основные материалы хранились в другом месте. К тому же отец исследовал влияние космоса на наш организм, потому подборка его материалов была довольно специфической. Практически мне пришлось заново воссоздавать генетику эреев и заодно исследовать геном нового вида.

— И всё равно, слишком много огрехов в работе, — заявил Палевский.

— Неужели? — прищурился Ник. — Напомнить, от кого ты получил базовые сведения по генетике или сам вспомнишь?.. Если всё ещё злишься на меня за прошлое, то так и скажи, — не дождавшись ответной реплики на свои слова, он холодно добавил: — Да, сегодня можно меня ругать за дилетантизм и излишнюю жестокость в проводимой селекционной работе. Я признаю свои ошибки, тем не менее ни о чём не жалею. Поставленную задачу я выполнил, ты не можешь отрицать этого.

Чувствовалось, что критика задела создателя вампиров за живое и он сердится. Ник помрачнел и забарабанил пальцами по столу. И что-то такое было в их ритмичном стуке, что вызывало невольную тревогу, наводя на мысли о кострах, лезвиях топоров и ножей, окрашенных кровью, и ужасе, скрывающимся в ночной темноте.

Чтобы его успокоить, Мари положила ладонь на запястье Ника, но он с раздражением оттолкнул её руку. Правда, он перестал барабанить, и она облегчённо вздохнула. Судя по тому же чувству на лице Рени, его стук действовал на нервы не только ей одной.

— Я не отрицаю твоих заслуг, но кто-то должен сказать тебе о допущенных промахах, — сказал Палевский. — Конечно, мне сложно представить начало твоих исследований, но непростительный дилетантизм на последних этапах исследований сказался на качестве вампирского генома в целом. Моим генетикам пришлось изрядно потрудиться, исправляя допущенные тобой промахи. Я уж не говорю о твоём уникальном подходе к выбраковке материала и как он сказался на психологическом здоровье новой расы.

Последняя фраза Палевского окончательно вывела Ника из себя, и так обиженного недоверием к его профессиональным качествам, как генетика.

— Крейд! Хорошо тебе сейчас рассуждать, сидя в кругу родных и близких, и критиковать мои действия! Разве можешь ты понять, что ощущал пятнадцатилетний мальчишка, брошенный в дикий беспощадный мир, из которого исчезло всё, что было ему дорого? Иногда я думаю, что гораздо милосерднее с тобой... со стороны отца было бы оставить меня дома, где я мог бы спокойно умереть вместе со своими близкими, — сказал

он, со странной горечью глядя на короля вампиров. — Ладно, забудь! Прошлое осталось в прошлом. К тому же мы уже обсуждали вопрос выбракровки. В нашу последнюю встречу ты убедил меня, что я неправ, потому не вижу смысла возвращаться к тому, что уже потеряло свою актуальность. Теперь к вопросу о дилетантизме. Да, большинство опытов проводились вслепую, в надежде на удачу, — ведь я мог рассчитывать только на себя. Согласись, я имел не очень многое для успешных экспериментов. В отличие от тебя, у меня не было под рукой ни квалифицированных кадров, ни мощной научно-технической базы, которые есть в твоём распоряжении. Между прочим, созданной моими усилиями.

Палевский кивнул.

— Да, я не забыл об этом. Спасибо, что помог с оборудованием.

Ник возмущённо фыркнул.

— Понятно! Теперь ты уже не так остро нуждаешься в моей помощи, потому решил, что можно смело посылать меня к крейду? — язвительно заметил он.

— Почему же? — усмехнулся Палевский. — Твоя помощь будет далеко не лишней. Так что если есть желание, то присоединяйся к нашей институтской команде.

— Э нет! — воскликнул Штейн. — Мика, не смей переманивать мои кадры! Реази числится в моей команде и, поверь, у меня найдётся, чем его загрузить.

— А совесть у вас есть? — осведомилась Рени. — Может, вы сначала его самого спросите, чем бы он хотел заниматься? И вообще, Мике нужней помощь Ника. Ведь вопрос потомства по-прежнему не решён, — поддержала она мужа.

— Дорогая, ты права. Впрочем, как всегда, — улыбнулся Палевский и вновь развернулся к Нику. — Скажи, я правильно понимаю, что у чистокровных не часто рождались дети?

— Да, — подтвердил Ник. — Как правило, один или двое. Трое детей в браке с одной женщиной это уже подарок богов.

— Почему так мало? — огорчилась Рени.

— Это плата за более длинную жизнь. Средний срок жизни эреев составлял двести лет.

— О, это действительно немало!

«Двести лет? А какой у нас, то есть у вампиров срок жизни?» — мысленно спросила Мари. «Обычный человеческий. Во всяком случае, так раньше было. Правда, сейчас наметилась тенденция к увеличению». — «Слава богу!» — обрадовалась девушка, не заметив при этом, что Ник как-то странно на неё посмотрел.

— Значит, вы обходились без фениксов? — оживлённо спросила Рени и Палевский возвёл очи горе, удивляясь невежеству собственной жены.

— Естественно, мадам Рената, — вежливо ответил Ник. — Наши дети с рождения имели все признаки своей расы, включая родительский набор симбионтов. Всё же природа не случайно разделила нас на мужчин и женщин. Конечно, секс — это удовольствие, но за него нужно платить живым товаром. Это ваши фениксы являются извращением, потому что исключают из процесса воспроизводства мужчину и женщину вампирской расы, во всяком случае, как оно должно быть, и я считаю такое неправильным, — добавил он и выразительно посмотрел на Палевского, которому до сих пор не удалось выполнить его требование.

— Боже мой! Настоящие дети! Это же фантастика! — радостно воскликнула Рени и Мари даже немного обиделась на свою вампирскую матушку, которая с таким энтузиазмом восприняла будущих младенцев. «Можно подумать, что я у неё резиновая, а не настоящая», — сердито подумала она. «Хуже! — отозвался Ник. — Ты кукушонок в чужом гнезде». — «Кстати об этом! Когда ты расскажешь обо мне?» — «Я бы предпочёл вообще не

рассказывать...»

— Ник, а вы что думаете?

— О, простите! Мариэль всю дорогу отвлекает меня вопросами.

— Детка, ты ведёшь себя невоспитанно!

— Неправда! Это он всю дорогу лезет в мою голову и говорит всякие глупости!

— Золотце, помолчи! — Ник вопросительно посмотрел на Рени. — Видимо, вы спрашивали, как скоро будет возможно деторождение? Михаэль уже близок к успеху, так что это дело ближайших лет. Думаю, ещё год или два.

— Выходит, инициация будет больше не нужна? — полюбопытствовала Мари.

— Почему? Инициация не просто нужна, она жизненно необходима при деторождении. Ведь от симбионтов родителей зависит, каким родится малыш. Они определяют его выносливость, регенерацию и ещё многое другое. Но самое главное, от них зависит его ментальная мощь.

— Понятно, что ничего не понятно, — вздохнула девушка.

— Что здесь непонятного? Инициация позволяет передать ребенку способности обоих родителей и в дальнейшем они закрепляются в их родовой линии.

— Ну, и в чём тогда разница с инициацией фениксов? — фыркнула Мари.

— Есть кое какие отличия, — усмехнулся Ник. — Видишь ли, золотце, симбионты при попадании в чужой для себя организм быстро гибнут, атакованные своими же собратьями. Чтобы этого не произошло, нужны определённые гормональные вливания и определённый настрой в паре...

— Всё-всё! До меня доехало! — поспешно воскликнула девушка. — Можешь дальше не продолжать!

— Да, симбионты — это настоящее чудо, — вступил в разговор Палевский. — Думаю, при подобном положении дел у вас существовала родовая аристократия? — он вопросительно посмотрел на Ника и тот утвердительно кивнул. — Оно неудивительно. Слишком много индивидуальных качеств родителей передаётся потомству именно через симбионтов. При грамотной селекции можно вывести целую плеяду личностей с уникальными способностями.

— Так оно и было, — подтвердил Ник.

— Реази, тебе не надоело торчать в лаборатории? — по-приятельски спросил Штейн. — Поверь, политика не менее увлекательная вещь, чем эти ваши чёртовы дети. Нам и без них хватает проблем.

— Томас, вот что ты несёшь? — рассердилась Рени.

— Кошка, мне позарез нужны опытные кадры. У меня вот-вот взбунтуется весь из себя вежливый и улыбочивый клан Дракона, а вы хотите посадить Старейшего за микроскоп...

Пока за столом спорили, у кого будет работать Ник, Мари подпихнула локтем вампирскую легенду, снова впавшую в привычное для себя мрачное расположение духа. «Ну вот! А ты боялся, что тебе не найдётся места, — мысленно сказала она и протянула ему заколку для волос, которая съехала вниз и чуть было не упала. — Вот, держи! Кстати, красивая вещица...» — «Оставь себе, если понравилась, — ответил Ник и вложил заколку в её ладонь. «Спасибо. Очень скучаешь по дому?» — осторожно спросила девушка и он согласно опустил ресницы.

«Если бы ты видела Арею, ты бы тоже скучала по ней. Наш мир совсем другой. Он был прекрасен... Да, города были... Нет, на Земле нет ничего похожего... — ответил Ник на

мысленные вопросы Мари и грустно улыбнулся. — Знаешь, недалеко от нашего поместья был аэродром с орбитальным лифтом и я, когда был совсем маленьким, забирался на крышу башни Ягуара. Оттуда я мог часами наблюдать, как спускаются и поднимаются сател. Это примерно то же самое, что орбитальные челноки... Мальчишкой я мечтал стать астронавтом и полететь к звёздам. Даже в страшном сне мне не могло привидеться, что я останусь один на всей Арее, — сказал он с печалью в мысленном голосе и его пальцы сплелись с пальцами девушки. — Мариэль, ты точно хочешь знать, чья ты дочь?.. Подумай ещё раз. Если я расскажу, то назад пути уже не будет».

Мари заколебалась. Что-то такое было в голосе Ника, что призывало её внять его предупреждению, но верх взяло любопытство. «Ну, нет! Сначала ты заинтриговал, а теперь идёшь на попятный? Это нечестно!» — мысленно воскликнула она. «Что ж, это твой выбор...»

— Вот что мы спорим? Реази, кто второй путешественник во времени? — спросил Штейн. — Если вас двое, то мы вас по-братски поделим и все дела.

— Моя сестра Риза.

Ник аккуратно высвободился из пальцев девушки и у неё возникло ощущение, что внутренне он вновь выстроил между ними непреодолимую стену.

— Вам она известна под именем Эльжбеты Павлович. Это она была женой Михаэля.

— Вообще-то, я так и подумал, но вдруг, — заявил Штейн и в задумчивости забарабанил пальцами по столу.

Не замечая этого, он повторял ритм, который до него выбивал Ник, и Рени, не выдержав, прижала его руку к столу.

— Томас, перестань!

— А что такое? — удивился он, подняв на неё глаза.

— Не знаю как вам, а нам с Мари этот стук действует на нервы.

После замечания Рени взгляд Штейна тут же переместился к лицу девушки, и она мысленно застонала, когда он прошёлся по её шее и оголённым плечам, а затем прочно застрял в районе груди.

Когда на белоснежной коже дерзкой девчонки проступил румянец, по губам Штейна скользнула улыбка.

— Прошу прощения у милых дам! Постараюсь больше вас не нервировать, — учтиво произнёс он и поцеловал руку Рени.

«Томас! Ну, что за мальчишеские выходки?» — мысленно спросила она и тот уже открыто расплылся в довольной улыбке. «Прости, Кошка, не смог удержаться. Очень уж хотелось подразнить нашего гостя. Ты заметила, стоит только мне посмотреть на твою девчонку, и он сразу же превращается в надутую индюка». — «Думаешь, он не равнодушен к Мари?» — «Возможно, но не уверен. Такое ощущение, что она ему нравится, и в то же время есть нечто, что его останавливает и он давит свои чувства». — «Что-то мне это не нравится», — нахмурилась Рени. «Мне тоже. Давай-ка, я спрошу его насчёт сестры. Чует моя душа, что Эльжбета и Мари кровные родственницы. Думаю, именно здесь зарыта собака».

— Реази, сколько лет было твоей сестре на момент отправки? — спросил Штейн.

— Двадцать.

— Что ж, вполне зрелый возраст, особенно для женщин. Насколько я понимаю, вы с сестрой не слишком ладили? — приступил Штейн к допросу.

— Нет, ты не ошибся.

Ник помолчал, глядя перед собой невидящим взглядом, а затем приступил к рассказу о страстях, что когда-то кипели при дворе короля Лета:

— Я ненавижу Ризу не потому, что она была мне сестрой лишь наполовину, а потому что она была редкой тварью. Поскольку у правящего семейства должны быть наследники по мужской и женской линиям, то райтан Таятан признал дочь, которую ему родила официальная любовница. Он выплатил ей вознаграждение и забрал дочь себе...

Помню, как Ризу привезли к нам в поместье. Тогда мне исполнилось пять лет, а ей — десять. На подъездной аллее, около дома, остановился наш фамильный автомобиль, и из него выскочила темноволосая девочка, наряженная как кукла.

Дочь продажной девки уже тогда была не промах. Риза сразу же бросилась к отцу и повисла у него на шее. Крейд, как же он обрадовался! Служанки болтали, что он не забывал о ней и постоянно навещал даже после женитьбы на моей матери. И эта маленькая дрянь, эксплуатируя его отцовские чувства, сразу же постаралась отдалить его от законной жены и сына.

Противно вспоминать, но с годами ситуация в нашей семье всё ухудшалась. Не знаю, каким образом, но Ризе удалось вбить в голову отца, что моя мать не очень-то верная жена. В общем, дело дошло до того, что я, законный наследник, потерял право безоговорочного наследования по мужской линии и должен был пройти официальную генетическую экспертизу, чтобы подтвердить своё законное происхождение.

Представляете, что творилось с моей бедной матерью, когда заявили об официальной генетической проверке, которая проводится с полной оглаской в обществе? Райту Ниду затравили настолько, что она, будучи беременной, потеряла ребёнка. Как потом выяснилось, это была девочка. Если бы она родилась, Риза потеряла бы право на наследование. Не представляю, как ей удалось узнать о беременности мамы, но она точно рассчитала удар.

Вот эту ядовитую гадюку я получил и здесь. К счастью, мне повезло, я выбрался первым из хронокапсулы. Если бы Риза проснулась первой, думаю, вряд ли она оставила бы меня в живых. У меня тоже была мысль убить её, чтобы в будущем не создавать себе проблем, но не поднялась рука, о чём я теперь сожалею.

Конечно же, я ни на секунду не забывал, с кем имею дело, но память иногда нас предаёт и толкает на глупости. Заедаемый тоской по дому, я начал искать оправдание поступкам Ризы.

Умом я понимал, что будь я на её месте, наверное, я вёл бы себя точно также. Ведь она оказалась в центре дворцовых интриг, где её единственной защитой был отец. Кроме него за неё было некому заступиться.

К тому же были у Ризы и хорошие черты. Однажды она прыгнула в бурную после разлива реку, спасая котёнка, и долго потом болела, потому что полностью истощила ресурсы своего иммунитета. Правда, потом она же его убила, когда тренировалась в металлических ударах. Потом был ещё мальчик-ориори, которого она выходила, хотя все уже считали, что он не жилец. Ориори — это хилые дети, которых отдают в храм, в надежде что Священный Ягуар смилостивится над ними и подарит им здоровье. Не давая умереть малышу, Риза просиживала сутки напролёт в храмовой больнице и уговорами заставляла его есть.

Да и мы с ней не всегда конфликтовали. Помню, как Риза подарила мне птенца саути, это ловчая птица, которых сейчас уже нет в природе. Но саути и в моё время были уже

редки. Так Риза нашла в диких горах уцелевшее гнездо и, рискуя жизнью, сама полезла за птенцом. При этом она карабкалась по таким отвесным скалам и кручам, что отец, когда узнал, в гневе свернул голову бедному птенцу. И всё равно я был ей благодарен за подарок.

Ник грустно усмехнулся.

— И таких примеров наберётся множество. Так что нарисовать портрет сестры одними чёрными красками попросту невозможно, но тем хуже для вас. Только вы к ней привяжетесь, привяжетесь всем сердцем и душой, именно в этот момент она ударит вас больнее всего...

Вырвавшись из плена воспоминаний, он с горечью добавил:

— Крейд! Видимо, в тот день у меня помутился разум, если я выпустил Ризу из хронокапсулы. Вот она и натворила дел.

Мари. Вспомнить всё

Каждый в меру своего разума и информированности пытался переварить сказанное Старейшим, который на деле оказался бездомным ребёнком, волею судеб заброшенным в чуждый ему мир на родной планете. Кстати, его слова о том, что я тоже из чужого мира, выбили у меня почву из-под ног.

Да, бедный Реази! Кажется, я начинаю понимать, каково ему приходится. Очень неприятное ощущение: оказаться чужачкой среди своих. Но не суть, то что он рассказал, было потрясающе.

По словам Ника, Земля в те времена называлась Ареей, по имени их главного бога Ареса (примечательное и, главное, очень знакомое имечко!), который пребывал в личине ягуара и мне сразу же вспомнились сны с кошками. Что ж, теперь понятно, откуда они взялись. Не зря говорят, что кровь не водица и так или иначе, но даст о себе знать.

Интересно, что планету Ник называл Ареей, а народ, её населяющий, эреями. На мой вопрос почему эреи, а не ареи он пожал плечами, мол, так уж сложилось в разговорном языке, хотя у обоих слов одинаковая начальная буква.

Кстати, у эреев не было нашей вавилонской разноголосицы, и они говорили на одном языке, пусть и с местечковыми диалектами. Возможно, свою роль сыграло то, что они долго жили на одной материке. Не было у эреев и религиозных разногласий. Богов там было много, но главным был Ягуар, а затем шли божества времён года: Весна, Лето, Осень и Зима, причём каждое из них имело мужскую и женскую ипостась, например, у божества Весны это были Лотитан и Лотиэль или Лоти, как называл её Ник.

Примечательно, что четыре самых крупных государства на Арее тоже назывались Весна, Лето, Осень и Зима. Ну и где-то между ними располагались их многочисленные доминионы или так называемые вольные государства, где у власти стояла буржуазия, а не короли времён года. Ник не очень об этом распространялся, но насколько я поняла, жители этих четырёх основных государств никогда не изменяли наследственной монархии и там до последнего правили короли. Причём по некоторым признакам такую монархию можно было отнести к ноократии. Это когда у руля власти стоят выдающиеся авантюристы, как правило, с учёной степенью. Кстати, Реази тому пример.

В общем, отец и Штейн много расспрашивали Старейшего о политическом устройстве четырёх королевств, но я слушала вполуха, ожидая, когда он перейдёт к главному и расскажет о себе и обо мне. И дождалась.

Отец Реази оказался королём Лета, а он сам, соответственно, его наследником, о чём он и поведал нам с самого начала, представившись, как райделин Восточного гана и полноправный наследник по мужской линии. Как и ожидалось, при королевском дворе не по-детски дрались за власть. Тем более что по некоторым признакам я поняла, что эреи были жестоким народом и убийство для них было в порядке вещей.

Интрига (чьи последствия нашли отражение и в наше время) возникла из-за того, что у знатных семей на Арее наследование шло по женской и мужской линии. Ник, когда подошёл к рассказу об этом, сразу же помрачнел. В общем, его сестра Риза, которая была старше его на пять лет, приходилась ему сводной сестрой, точнее, единокровной. У них был один отец и разные матери. Матерью Ника была, если ничего не путаю, *райтаэль Нуда Роя Клу*,

сентано Розового Лотоса, дома Вечной Осени. Кстати, его отца звали Рай-ин-Рай Восточного Гана рай Таятан Реази Вистанио танозель Радужной короны из дома Вечного Лета. Единственно, что я запомнила из объяснений Ника, так это то, что рай и райта соответственно король и королева, а райделин и райдиэль это принц и принцесса.

Трагедия крылась в том, что матерью Ризы была куртизанка или, как Ник её назвал, официальная любовница. Очевидно, существовали ещё и не официальные. Главное отличие этих дам полусвета заключалось в том, что они были не менее породисты, чем их клиенты. Между прочим, название «официальная любовница» можно рассматривать как титул, ведь он передавался лишь по наследству, от матери к дочери. Когда я спросила Ника чем занимался сын такой матери, то он эдак удивлённо посмотрел на меня и заявил, что тот наследовал своему отцу. В общем, для женщин не было справедливости и в том мире. Мальчика, рождённого от официальной любовницы, сразу же забирали в семью отца и тот давал ему своё имя, а девочка оставалась у матери и её воспитывали как будущую куртизанку.

Но Ризе повезло, король Лета из-за каких-то своих политических игр не стал дожидаться наследницы от жены и решил дать титул принцессы своей незаконнорожденной дочери. Нужно было видеть с какой яростью Ник рассказывал о ней, хотя нужно отдать ему должное: он пытался быть объективным. Вот только ему это плохо давалось.

Реази ненавидел мою мать. Ненавидел так сильно, что я поневоле задумалась, а не перенёс ли он свою ненависть и на меня? А ещё он сказал, что я ублюдок, поскольку Риза была не замужем. Никто не знал, что она беременна мной. Ник сказал, что после рождения меня забрали бы у неё и продали бы рабство. Дичь какая-то! У эреев в качестве наказания в рабство продавали не самих виновников, а их близких. Конечно, если они у них были.

После рассказа Реази мне отчего-то вспомнилась привидение, которое недавно посетило меня, и я спросила его, какого цвета были глаза у моей матери. Оказалось, что синие, как и у той, что плакала, стоя у моей кровати.

Мамочка, как ты могла оставить меня тем подонкам, если я была тебе не безразлична? Как могла ты спокойно есть, спокойно спать, спокойно ходить по земле? Как могла ты жить, зная, что над твоей дочерью ежечасно издеваются и подвергают её невыносимым унижениям?

Mon dieu! Как же холодно и душно!.. Будь ты проклята, бездушная стерва! Похоже, ты повсюду сеяла лишь горе и разрушение. Надеюсь, тебе воздали по заслугам и теперь ты горишь в аду!

Впрочем... я устала на Ника. Почему-то в раннем детстве я помню его, а вот ту, что он зовёт Ризой, я отчего-то не помню. К чему бы это? Говоришь, продали бы в рабство? Так меня и продали, и это была не мать!

Слово не воробей — вылетит, не поймаешь

Как только речь зашла об Эльжбете, его бывшей жене, Палевский сразу же замкнулся в себе. Получив разрешение, он курил прямо за столом. Сидел он с таким видом, будто ему совсем не интересен рассказ Старейшего, но Рени слишком хорошо его знала, чтобы поверить его напускному равнодушию. Видимые лишь ей признаки говорили, что муж болезненно переживает воспоминания о прошлом. У неё было лишь одно объяснение этому, и оттого её сердце обливало кровью.

Тем не менее он внимательно слушал, пока гость не перешёл к главному — к тайне рождения его самого.

Прежде чем рассказать об этом, Ник посмотрел на хозяина дома, а затем потянулся к бокалу с минеральной водой.

— Кое-что для меня до сих пор осталось загадкой. Михаэль, скажи, кроме той, последней нашей встречи на базе, ты что-нибудь помнишь?

— Ты это о чём? — не сразу отозвался Палевский.

— Понятно. Тогда скажи, что ты помнишь о своём детстве?

— Как и все остальные, я не помню о нём ровным счётом ничего... — Палевский наморщил лоб. — Матка боска! — воскликнул он. — А ведь я действительно его помню!

— Хорошо! А тебя ничего не удивляет в том, маленьком Михаэле?

На лице Палевского промелькнуло растерянное выражение.

— Что ты хочешь этим сказать? — проговорил он неуверенным тоном.

— То самое, что ты подумал. Разве твои родители были вампирами?

— Нет, но...

— Никаких «но»! Так называемые вампирские признаки у тебя были с самого раннего детства. И какой отсюда вывод?

— Дьявол! Ты же сказал, что капсул было только две... и мы с Мари не брат и сестра!

— Можешь не переживать, тебе не грозит Эдипов комплекс. На самом деле ты прибыл в новый мир у меня под когтями, — Ник ухмыльнулся, видя, что Палевский невольно скривился. — Несколько негигиенично, зато ты получил шанс на вторую жизнь.

— Хочешь сказать, что я...

— Да. Стража в срочном порядке приволокла меня в засекреченный исследовательский центр, где меня ждали отец с мамой. Риза уже лежала в хронокапсуле. Я знал, что происходит, поэтому категорически отказывался следовать её примеру. Когда раю Таятану надоело меня уговаривать, отец никогда не отличался особым терпением, он схватил меня за шкуру и насильно запихнул в хронокапсулу. Конечно, я отбивался как мог, хотя в нормальное время за это можно было лишиться головы, но тогда мне было плевать на все дворцовые правила и законы, я хотел умереть вместе со своей семьёй.

Во время первой остановки хронокапсулы я обнаружил, что под когтями у меня осталась кровь и кусочки кожи отца. И хотя в то время я был профаном в медицине, мне хватило ума сохранить их в биостимуляторе. Сохранил просто так, как память об отце, о большем я тогда не думал. И всё же, уверен, именно тогда у меня возник интерес к генетике. Клонирование на Арее было запрещено, причём запрещено под страхом смерти. Чтобы не было соблазна лезть туда, куда не нужно, нам ставили специальный психоблок. Вот только было больше некому наказывать меня за крамольные мысли. Понемногу я расшатал психоблок и когда он ослаб, уничтожил его окончательно. Потом уже, когда набил руку в генной инженерии, я испробовал себя в области клонирования.

— В нашем случае клонирование не даёт исходного образца, — возразил Палевский.

— Да, я знаю, — кивнул Ник. — Дело в симбионтах. Думаю, мне очень повезло. Симбионтов, сохранившихся в крови отца, хватило ровно на один экземпляр. Всех остальных клонов пришлось уничтожить.

— Боже мой! — с жалостью воскликнула Рени, но Ник покачал головой.

— Мадам Рената, не нужно думать о клонах, как о нормальных детях. По всем параметрам младенцы были здоровы, но отчего-то со временем они впадали в апатию и переставали есть. Лишь тот, которому достались отцовские симбионты, по-прежнему был бодр и подвижен. Он быстро рос и также быстро развивался. Когда мальчику исполнилось

два года, я отдал его Павловичам. Пани Эльжбета души не чаяла в приёмыше, да и пан Юзеф[1] относился к Михаэлю, как к родному сыну. Это уж потом он забыл дорогу к приёмным родителям, о чём позаботилась моя сестрица, забравшая вместе с именем пани Эльжбеты и её жизнь.

— Хочешь сказать, что это она убила маму? — внешне спокойно спросил Палевский.

— А ты всё ещё сомневаешься, что она на это способна? — отозвался Ник. — Кстати, почему ты сам не выявил родство между тобой, Ризой и Мариэль? Ладно, с тобой всё ясно: исследуя всех и вся, обычно о себе мы вспоминаем в последнюю очередь. Но не понимаю, как ты мог пропустить Мариэль, особенно при её схожести с Ризой? Неужели у тебя никогда не возникало желания сравнить их генетические характеристики и выяснить, не родственницы ли они?

— Девочка долгое время была в критическом состоянии, тут уж было не до генетических исследований, — солгал Палевский и добавил то, что было правдой: — К тому же у меня нет, и никогда не было генетической карты Эльжбеты.

— Вот тебе ещё одно доказательство, что она всё время манипулировала твоим сознанием. Иначе ты задался бы этим вопросом, рано или поздно, — сказал Ник, довольный ещё одним аргументом в пользу того, что его сестра плела долговременную интригу по захвату власти.

Он внимательней присмотрелся к собеседнику и его глаза засверкали гневом.

— Не могу поверить! После всего сказанного ты ещё в чём-то сомневаешься? Неужели за столько лет ты не понял, с кем имеешь дело? Михаэль, ты же не идиот! Риза — лживая сука, одержимая жаждой власти, и так было всегда! Новое человечество зовёт таких, как она, «чёрными вдовами». Сам подумай, кто из вас правил перед тем, как я свернул ей голову? Уверен, что это был не ты!

Глаза Палевского заледенели. Выйдя из себя, он грохнул кулаком по столу.

— Ты! Ещё никто не смел обвинять меня в том, что я марионетка в чужих руках, — отчеканил он с тихой яростью в голосе.

Когда глава СС был в таком настроении, никто не смел ему перечить, но Старейший был не из тех, кого можно было запугать.

— И что? — Ник грохнул кулаком в ответ. — Нашёл чем гордиться! Это лишь говорит о том, что в твоём окружении нет истинно верных людей, — он бросил мрачный взгляд на Штейна. — Помощник должен оставаться помощником. Дружба, конечно, хорошее дело, но не тогда, когда она идёт во вред правителю. В некоторых случаях щадить его самолюбие, значит толкать его в яму.

Шеф СБ лишь вздохнул в ответ и опустил глаза.

— Мика, ты куда? — встревожилась Рени, когда муж поднялся с места.

— Не беспокойся, Кошка, я скоро вернусь, — сказал Палевский. — Сиди, Томас! — остановил он Штейна. — Я пойду прогуляюсь, а ты в моё отсутствие побудь за хозяина. Пожалуйста, не давай заскучать нашему гостю.

— Хорошо, — пообещал Штейн и успокаивающе коснулся руки Рени. — Не ходи за ним. Дай ему переварить услышанное.

«Э, Кошка! Что-то ты совсем расклеилась! Ну-ка, соберись с духом и перестань киснуть!» — мысленно добавил он и Рени грустно улыбнулась. «Томас, я одного не пойму, ведь столько лет уже прошло, а он всё никак её не забудет». — «Полно тебе! Здесь не столько Эльжбета, сколько наш юный Старейший виноват. Парень ему не по зубам, вот он и

бесится. Ничего, сейчас Мика проветрит голову и вновь будет в порядке». — «Хорошо, если так... И всё же ты ошибаешься, Ледяной тигр! Чует моё сердце, что всему виной снова она». — «Не знаю, Кошка, тут я пас! Дела сердечные — не по моей части. Но я согласен с Ником, Эльжбета была редкостной сучкой, и это не голословное утверждение. Однажды я имел сомнительное удовольствие наблюдать её в действии».

После ухода Палевского за столом повисла неловкая тишина.

— Прошу прощения, мадам Рената. Я не хотел расстраивать его, — сказал Ник, явно выждав, когда они закончат мысленный разговор.

Пряча беспокойство, он глянул на девушку. С некоторых пор она притихла и с отсутствующим видом потягивала шампанское из бокала, который периодически протягивала к нему за пополнением.

— Милый, я тебя не виню, — устало проговорила Рени и тоже посмотрела на Мари. — Детка, что с тобой? — встревожилась она, заметив, что девушка побледнела, что было непростым делом при её белой коже.

— Всё в порядке, маман, — ответила она и вяло улыбнулась. — Видимо, перепила шампанское. Пожалуй, я пойду к себе, если вы не возражаете... Хотя нет, я ещё посижу с вами. Вдруг ещё что ценное услышу про эту... свою кровную мамашу.

— Осторожней! — придержав девушку за локоть, Ник помог ей сесть на место. — Вижу, ты расстроилась из-за Ризы. Право, не стоит. Дети не в ответе за своих родителей.

— Да? — усмехнулась Мари. — Тогда почему ты назвал меня ублюдком и вообще всё это время смотрел так, будто я грязь под ногами? Молчишь, да? — она погрозила ему пальцем. — Правильно, Черномор, лучше помолчи...

— Вот ведь дрянь! — взорвался Штейн. — Ведь столько лет уже прошло, как её нет, и всё равно она умудряется портить жизнь окружающим!

Мари вздрогнула и, сонно хлопая глазами, уставилась на шефа СБ.

— Месье Штейн, вы весь из себя такой экспрессивный! Вы тоже знали мою мать и, как я понимаю, не с лучшей стороны? — она протянула пустой бокал Нику. — Налей! — произнесла она капризным тоном и вновь воззрилась на Штейна. — Валяйте, месье! Чем именно достала вас моя родная матушка-интриганка? Неужели вас она тоже затащила в постель, а после пыталась прибить?

Девушка икнула и, прикрыв ладонью рот, состроила большие глаза:

— О простите! Но вы же теперь в курсе, что у меня с рождения нет приличных манер. Им просто неоткуда взяться.

— Золотце, ты не очень налегай на шампанское, а то случится авария, — предупредил Ник.

— А ты налей и отойди, как говорит рекламный слоган. Ну, месье, я жду ваших откровений!

— Может, лучше отправить её спать? — спросил Штейн у Рени.

— Вот ведь заладил как попугай: спать да спать, — фыркнула Мари. — Месье Штейн, вы как-нибудь поосторожней с намёками на кровать. Вы теперь единственный претендент на мою руку. Реази, как близкий родственник, теперь отпадает.

И она низким голосом запела:

Он злодей, негодяй и каналья [2] .

Как такой уродился в Италии?

Не глупец, но подлец и так далее,

И так далее, и так далее, и так далее...

Но! — склонив голову набок, девушка подняла указательный палец и пропищала на высоких тонах:

Я самая прелестная...

Я лучше всех пою...

Создам я королевскую

Здоровую семью...

— Да, Кошка, ты взрастила истинное чудовище, — ухмыльнулся Штейн и, заметив, что Рени знобит, накинул ей на плечи свой пиджак. — Может, ты сама пойдёшь приляжешь? — спросил он с озабоченным видом.

— Нет, со мной всё в порядке, — отказалась Рени и, глянув на девушку, добавила: — Действительно, что ты имел в виду, когда сказал, что Эльжбета была той ещё дрянью?

Мари напряглась после её слов, но затем привалилась к спинке стула и с отсутствующим видом поднесла к губам бокал.

— А ем яблоко и смотрю в окно. Надоело это, надоело это, надоело это... пойду сейчас и всю посуду переколочу! — заявила она, цитируя королеву Анжелу.

«Старейший закрывает её своим менталом. Мне кажется или с девчонкой действительно творится что-то неладное?» — мысленно спросил Штейн и Рени, соглашаясь, опустила ресницы. «Нет, тебе не кажется, но пусть она остаётся на глазах, так мне будет спокойней». — «Думаешь, она вынесет очередную порцию правды об Эльжбете?» — «Не сомневайся, она и моя дочь! Она обязана выдержать».

Рени твёрдо посмотрела на Штейна и тот согласно кивнул. Не выпуская её из объятий, он повернулся к Нику.

— В отношении намерений Эльжбеты ты совершенно прав. Она скрывалась от Мика, не нас, молодняка, не стеснялась. Я имею в виду, что она не скрывала своих честолюбивых амбиций, а уж её королевские замашки и жестокость были секретом только для него. Многие из нас боялись её как огня. Эльжбета была настоящей дьяволицей, к тому же умной и коварной. Поймать её на преступлениях было практически невозможно. Вот только шила в мешке не утаишь. Когда идёт массовый забой и неудобные ей начинают пачками умирать или бесследно исчезать, лишь дурак не догадается, что происходит. Тем не менее она ни разу не оставила улики, поэтому дело ни разу не дошло до судебного разбирательства.

«Teufel!» — ругнулся Штейн, уже жалея о том, что поддался жалости и начал рассказывать об Эльжбете. Стоило ему погрузиться в прошлое и полезли болезненные воспоминания детства, которые, как ему казалось, он надёжно похоронил.

— Особенно не повезло женскому окружению Мики. Конечно, в те времена на базе было ещё беспокойно и случалось всякое. Но как только они стали жить вместе, сразу же участились случаи гибели его близких приятельниц, включая некоторых сотрудниц, с которыми он работал. То одна из них неудачно прогуляется вдоль обрыва и, оступившись, свернёт себе шею, то другая попадёт под кабель высокого напряжения. В общем, она извела их штук десять, это как минимум.

Помолчав, Штейн глянул на Рени, пригревшуюся в его объятиях.

— Лично мне довелось быть свидетелем гибели одной из девушек, её звали Антонией. Эта пустоголовая дурочка имела глупость открыто флиртовать с Миком. Причём он не обращал на неё внимания, откровенные заигрывания девушки были ему безразличны. С самого начала он безраздельно принадлежал одной лишь Эльжбете. Тем не менее, будучи

одной из сотрудниц его лаборатории, глупышка не упускала случая соорудить ему глазки, невзирая на предостережения окружающих. Многие из близких к Мику уже догадывались, что с Эльжбетой дело нечисто, но помалкивали. Неудобных она быстро запугала, ведь никому не хотелось безвестно сгинуть в один прекрасный день. Правда, молодяк её обожал и был готов пойти за ней хоть в огонь, хоть в воду.

— Что дальше, Том? Не тяни, рассказывай, — потребовала Рени, видя, что Штейн медлит и тот вздохнул, прежде чем приступить к самой тягостной части своего рассказа.

— Как-то находясь в лаборатории Мика, я увидел её реакцию на заигрывания Антонию. Боже мой! Мне до сих пор не забыть, какой злобой исказилось её лицо! Не знаю, что это было: ревность или нетерпимость к тем, кто переходил ей дорожку. Как бы то ни было, но я до сих пор радуюсь, что она меня не заметила, иначе лежать бы моим косточкам где-нибудь в забытых переходах базы. И вот я, будучи совсем молодым дураком, решил проследить за Эльжбетой. К счастью, мне хватило ума, и я был предельно осторожен.

Штейн снова вздохнул и, налив себе водки, залпом её выпил.

— Так я стал свидетелем убийства Антонию, и оно до сих пор тяготит мою совесть. Ведь я мог рассказать Мике, что видел, но не рискнул. Он бы мне не поверил, поэтому свидетельствовать против Эльжбеты было равносильно самоубийству. Короче, я струсил, и, в принципе, не жалею об этом. Все мы люди и боимся за свою шкуру. К тому же мне не хотелось повторить судьбу Антонию, а так оно и было бы, заикнись я о её убийстве.

— Не нужно оправдываться, Томас, — Рени погладила Штейна по рукаву. — Я видела, какие чудеса храбрости ты творил, казалось бы, в безвыходных ситуациях, поэтому я первая пристрелю того, кто обвинит тебя в трусости. Если ты отступил, значит, это была полностью проигрышная ситуация.

— Спасибо на добром слове, Кошка, — Штейн с благодарностью чмокнул Рени в висок. — Вот какого чёрта ты вышла за Палевского? Ведь я только собрался делать тебе предложение, как тут являешься ты с приглашением на свадьбу.

— Меньше нужно было варежку разевать, — улыбнулась Рени. — Вот Мика не стал ходить вокруг и около и сразу же вручил мне ключи от дома.

— Ну так я тоже тебе их вручал...

— Ага! После очередной попойки, с предложением прибраться в твоём свинюшнике.

— Да? Это я дал маху, — соорудил Штейн огорчённую мину. — И что? Неужели ни разу не сделал тебе предложение?.. — спросил он и разочарованно хмыкнул: — Что, ни разочка? И даже по пьяни? А не врёшь? Обычно девицы утверждают, что я обещаю жениться по пять раз за вечер, но как только они добавляют фразу: «как честный человек», я сразу же просекаю, что это беспардонная ложь.

— Нет, дорогой, чего не было того не было.

— Эх, Кошка! Если я не сделал тебе предложение, значит, это была настоящая любовь...

— Томас, прекрати нести чушь и давай рассказывай, как Эльжбета убивала девчонку, — потребовала Рени, видя, что он не жаждет делиться воспоминаниями о том, что тогда произошло на базе.

— Ладно, расскажу, — с неохотой согласился Штейн. — Только сама потом не пожалей, — добавил он и выразительно посмотрел на осоловевшую от шампанского девушку.

— Рассказывай! — стояла на своём Рени.

— Хорошо, слушай. Естественно, я следил не за самой Эльжбетой, а за Антонией.

Почти месяц я проходил за ней и ничего. Решив, что вспугнул дичь, я хотел уж бросить это дело, но в тот день я зашёл к Мику, но не застал его дома и немного поболтал с Эльжбетой. Кстати, как собеседнице, ей не было равных. Она была энциклопедически образована, вдобавок её суждения были великолепны, поэтому Мика не зря ценил её советы. Эльжбета умела представить проблему в таком свете, что оставалось лишь удивляться, что ты сам не додумался до такого простого решения.

Обалделый я вышел от неё и пошёл куда глаза глядят. Эльжбета ни в коем разе не кокетничала со мной, но, как говорится, из песни слов не выкинешь. Это была великолепная женщина и устоять перед её обаянием было невероятно сложно. Короче, она тогда почти перетянула меня на свою сторону. Лишь потом, когда хмель немного выветрился, кое-что меня насторожило в её поведении. Слишком уж остро поблескивали её глаза и смеялась она несколько громче обычного. К концу нашей беседы у меня возникло ощущение, что, охваченная нетерпением, она ждёт, когда я уйду. В общем, я чуть было её не упустил. Когда повернул обратно, то она уже ушла далеко вперёд и мне пришлось догонять её чуть ли не бегом.

Видимо, она заранее всё спланировала и под благовидным предлогом заманила Антонию в заброшенный переход базы. Из-за осторожности я не особо рьяно расследовал это дело, но, думаю, она отправила ей записку от имени Мика. При виде его жены эта дурочка растерялась и, не придумав ничего лучшего, заявила, что она здесь гуляет и начала нести чушь про погоду. «Надо же, какая приятная неожиданность, встретить вас здесь! Я вот тоже решила немного прогуляться, раз уж погода в нашем подземелье так уж безумно хороша», — пропела Эльжбета и сняла с пояса трубку, похожую на раздобрешую флейту. Она взмахнула рукой, и та развернулась в нечто среднее между плёткой и бичом. Что было дальше, даже вспоминать не хочется. Хотя я с детства привычен к жестокости, но честно признаюсь, мне было жутко не по себе. Очень хотелось удрать, но я боялся даже дышать, не то что куда-то двинуться.

Брезгливо передёрнувшись, Штейн вновь потянулся к водке.

— Для начала Эльжбета вырвала девчонке глаза. *Mein Gott!* До сих пор при воспоминании в ушах звенит её нечеловеческий визг!.. Когда Антония превратилась в окровавленный кусок мяса, она со спокойным выражением лица прикончила её ментальным ударом. Именно тогда я понял, что она маньячка и ей доставляет удовольствие сам процесс убийства. Судя по виртуозным ударам, за ней их числилось немало, а они происходили на базе довольно часто. Некоторые из убийств имели хоть какую-то видимую причину, но чаще всего они были бессмысленными и жестокими. Правда, основную массу их приписывали известной всем личности.

— Я тут ни при чём, — заявил Ник и неслышно вздохнул, заметив скептический взгляд девушки, которая была далеко не так пьяна, как можно было подумать, глядя на неё со стороны. — Да, я уничтожал бракованный материал. Уничтожал массово, но я убивал чисто, не доставляя жертвам мучений.

— Ну, конечно! Это сильно меняет дело, — фыркнула Мари и снова протянула ему бокал. — Налей, Чистильщик! Я выпью за упокой душ, загубленных тобой. И дай бог, чтобы они даровали тебе своё прощение, хотя я сильно в этом сомневаюсь.

Девушка чокнулась со Штейном и залпом выпила шампанское. После чего она всем корпусом развернулась к Нику и, подавшись к нему, уставилась в его лицо немигающим взглядом.

— Реази, вот кто ты такой, чтобы отнимать жизнь? Ответ, кто дал тебе такое право?

— Это право творца, — последовал хладнокровный ответ.

Отодвинув девушку от себя, Ник достал из нагрудного кармана пиджака перьевой Parker. Когда официант протянул ему лист бумаги, он начертил на нём растительный узор.

— У них на спинах был этот рисунок или что-то другое?

— Да, — подтвердил Штейн, с интересом разглядывая замысловатые виньетки. — А что он означает?

— В традициях эреев это символ-посвящение богине Лотиэль.

— Понятно. Кстати, с гибелью Эльжбеты немотивированные убийства прекратились. Так что твоя непричастность к ним уже давно доказана, — Штейн заколебался, прежде чем спросить: — Если Мика является клоном твоего отца, то кем вы с Эльжбетой, то есть Ризой, ему приходиться?

— У нас были прецеденты с клонами до того, как их запретили. Согласно закону, он имел все те же права, что и оригинал. Естественно, после смерти последнего. Пока оригинал был жив, он выступал в роли основного наследника, — Ник усмехнулся. — Так что Михаэль мне такой же отец, как рай Таятян, который послужил матрицей для его создания.

— Да, запутанная ситуация, — заметил Штейн.

— После нескольких крупных процессов с клонами-недорослями, которых не хотели признавать их великовозрастные дети, Коалиция Священных королевств запретила клонирование. Правда, вольные государства не захотели присоединиться к договору и отказались подписывать ратификационные грамоты.

— Эй! — выкрикнула Мари и шлёпнула ладонью по столу. — Моей матери, которое исчадие ада, вы перемыли косточки, а про меня ничего не хотите сказать? — она резко засмеялась, глядя на Ника. — Видел бы ты себя сейчас! Вид как у кота, которому по морде надавала мышь.

— Детка, нельзя так много пить, — забеспокоилась Рени.

— Тсс, мой хороший! — девушка прижала палец к губам. — Я знаю, что ты скажешь, но я не пойду спать и регенерацию тоже не буду подключать, чтобы выгнать алкоголь из крови. Родная, если я это сделаю, то просто сойду с ума, как это уже было раньше.

— Детка, что ты несёшь? — встревоженная Рени хотя встать, но Штейн ей не позволил. Девушка смерила её долгим взглядом и грустно улыбнулась.

— Мамочка, я хочу, чтобы ты знала, как сильно я тебя люблю! И не потому, что ты моя единственная приличная родительница. Просто ты единственная, кто любил меня по-настоящему. Родная, это ты воспитала из меня нормального человека. Так что ты моя единственная настоящая мать, а других я не знаю и знать не хочу.

— Мари, о чём ты говоришь?

— О том, что я вполне могла бы превратиться в подобие Ризы, если не хуже, — тихо ответила девушка и кивнула на Ника. — Не веришь, спроси у него. Он тебе расскажет. Конечно, если у него хватит духу на признание. И заодно спроси у него, что такого ему сделал пятилетний ребёнок, что он прямиком отправил его в ад.

— Господи! Да о чём ты говоришь?!

— О своём детстве в гнезде Владислава, — сказала Мари странно звенящим ломким голосом и поднялась из-за стола. — Ладно, я пойду спать, а вы тут ещё посплетничайте.

Девушка отставила стул и, пошатнувшись, ухватилась за его спинку.

— Упс! Чуть было не упала! — пробормотала она.

Ник протянул к ней руку, чтобы поддержать, но она шарахнулась от него как от прокажённого и, обойдя стол, направилась к выходу.

Рени прислушалась к нетвёрдой походке Мари и, поняв, что девушка поднимается по лестнице, заметно успокоилась.

— Ник! — она требовательно посмотрела на гостя. — О чём она говорила? Только правду! Если с моим ребёнком что-нибудь случится я тебя никогда не прощу.

— Крейд! Откуда мне было знать, что так получится!

— Рассказывай! — приказала Рени и тут же подняла руку. — Подожди! Тихо!

Подспудно её не отпускала тревога и она снова прислушалась, ловя перестук каблуков наверху. Перед уходом ей показалось, что девушка была как натянутая до предела струна — тронь её, и она с жалобным звоном порвётся.

— Чёрт побери! — вывернувшись из-под руки Штейна, Рени сорвалась с места. — Мари! Где ты?.. В её комнате есть выход на крышу! Быстро туда! — выкрикнула она вслед промчавшимся мимо неё Нику и Штейну.

Когда они вылетели на крышу, Мари стояла на парапете. Она не обернулась на шум, а сразу же, не дожидаясь ментальной ловушки, шагнула вниз.

---

[1] Отчество у Палевского по второму имени приёмного отца.

[2] Стихи из фильма «Король-олень».

***

Ник прыгнул мгновением позже. Он на лету поймал девушку и его браслет выстрелил крохотным конусом. Взлетев, ловчая нить упала рядом со Штейном, свесившимся через парапет. Прежде чем крохотные присоски специального приспособления успели срастись с поверхностью, он подставил руку и кончик нити ускользнул внутрь его браслета, который был двойником браслета Ника. Сматываемая с двух сторон, она с удвоенной скоростью поднимала свой груз, поэтому никто из прохожих не успел заметить необычное происшествие.

— Фу! При таком мизерном запасе высоты я уж думал, что будет два трупа вместо одного! — Штейн протянул руку, помогая Нику выбраться на крышу. — Как она? — спросил он, забирая у него неудавшуюся самоубийцу.

— Спит.

Штейн кивнул.

— Это хорошо, хватит с нас её фокусов.

— Идите за мной! — распорядилась Рени и направилась к комнате Мари.

Когда Штейн положил девушку на кровать, она накрыла её одеялом и, наклонившись, с нежностью коснулась губами бледного холодного лба. «Господи, спасибо Тебе, что не дал умереть моему ребёнку!» — возблагодарила Рени создателя и, выпрямившись, повернулась к Нику.

— Она точно не проснётся?

— Нет, мадам. Это не просто сон, это искусственная кома.

— Хорошо. В таком случае давайте спустимся вниз и продолжим беседу.

В гостиной, когда они расселись по своим местам, Рени на мгновение прикрыла глаза, а затем с таким выражением лица воззрилась на Ника, что он внутренне поёжился.

— Рассказывай! — приказала она со сдерживаемым гневом. — Рассказывай и будь ты проклят! Что такого ты сделал моей девочке, что она больше не захотела жить?

— Слово райделина, у меня не было злого умысла, когда я отправил Мариэль в гнездо Владислава, — ответил Ник и надменно выпрямился.

Больше он не чувствовал угрызений совести. «Жить ей или умереть решаю только я и никто другой», — подумал он и с холодным спокойствием глянул на пару, сидящую напротив. В этот момент он так походил на её мужа, что гнев Рени пошёл на убыль.

— Сколько ей было лет на тот момент? — спросила она уже более мирным тоном.

— Пять, — ответил Ник.

И он с видимой неохотой приступил к своему рассказу:

— Когда обнаружилось, что Риза беременна, некоторое время я не знал, что делать. В то время эмоции ещё не перегорели, и я без колебаний убил бы сестру, но жизнь научила меня предусмотрительности. На всякий случай я решил оставить её биоматериал, тогда и обнаружилась, что она на первой неделе беременности. Дети в нашей культуре занимали особое место и поднять на них руку, значило подписать себе смертный приговор. Мне ничего не стоило убить сестру, но я не мог убить её ребёнка. Поэтому я оставил всё как есть. Лишь перед тем, как мне стукнуло в голову выпустить Ризу на волю, я извлёк эмбрион и дорастил его в маточном репликаторе. Это была своеобразная страховка — способ держать

её в узде, но и здесь я просчитался. Риза, узнав о дочери, заявила, что она ей не нужна. Правда, однажды она явилась ко мне и попросила её показать. При этом она не очень-то обращала внимание на дочь и всё больше расспрашивала меня о планах на будущее.

Если честно, то я был страшно рад, когда Мариэль родилась. Это уж потом, когда она подросла и я увидел, что она копия своей матери, у меня пошло отторжение. Фобия усугублялась, и я начал избегать девочку, что было довольно сложно. Стоило мне появиться на базе, и она каким-то чудом находила меня. Отвязаться от неё не было никакой возможности: как щенок, она повсюду бродила за мной. Я сдавался и некоторое время терпел её присутствие, но затем какой-нибудь жест, движение или выражение личика напоминали мне Ризу, и я удираю с базы.

Всё чаще оставаясь одна, Мариэль совсем притихла и понемногу начала чахнуть, потому я решил, что лучше отдать её приёмным родителям.

После зачистки в горах остались несколько диких вампирских гнёзд. Я хотел проверить, как идёт развитие вампирских признаков в ограниченной группе, о чём теперь сожалею. Нужно было их всех перебить. Но тогда я решил, что на свежем воздухе Мариэль быстрее поправится. Вдобавок мне казалось, что с сородичами ей будет лучше, чем с людьми. Они могли испугаться её необычных способностей и начать плохо к ней относиться. Не все же такие, как приёмные родители Михаэля.

Гнездо Владислава показалось мне самым подходящим пристанищем для Мариэль. Они забрались далеко в горы и были очень осторожны с людьми. Я счёл безопасным их местоположение, а поведение разумным.

Запустив пальцы в волосы, Ник вздохнул.

— Мне даже в голову не могло прийти, что они способны такое сотворить с маленьким ребёнком! Если бы я знал, что Владислав и его жена будут издеваться над Мариэль, я бы сразу оторвал им головы.

— В чём именно выражалось издевательство? — отрывисто спросила Рени. — Они её били?

— Не только. Они обращались с ней, как с криа... с рабыней.

— Они что, её насиловали?

— Да, — признался Ник. — В детстве Мариэль была рослой девочкой и выглядела старше своих лет.

— Хочешь сказать, что этот скот насиловал мою девочку с самого начала?

Ник промолчал и Рени побледнела. Видя, что она в полуобморочном состоянии, Штейн хотел её обнять, но она оттолкнула его руку.

— Я в порядке. Как долго это длилось? — продолжила она допрос дрожащим от ярости голосом.

— Долго. Я закрутился с делами...

— Мне не нужны оправдания! Сколько эти мерзавцы измывались над ней?

— Мариэль исполнилось пятнадцать, когда я...

— Что? Над моим ребёнком издевались целых десять лет, и ты об этом так спокойно говоришь? — прорычала Рени и, ощерившись, выпустила когти.

— Тихо-тихо! — Штейн сгрёб её в охапку. — Девочка, успокойся! Мика нас всех размажет по плитусу, если с тобой что-нибудь случится.

— Томас! А если бы это был твой ребёнок? Что бы ты сейчас чувствовал? — воскликнула Рени, сверкая глазами.

— Очень надеюсь, что мне повезёт, и я не узнаю этого никогда. И всё же, Кошка, будь объективной! — воззвал Штейн к её разуму. — Не забывай, как воспитывали Реази. Он же с молоком матери...

— Кормилицы, — поправил Ник.

— Хорошо, с молоком кормилицы он впитал в себя, что ему не нужно ни о чём особо заботиться, для этого у него была куча слуг.

— Слуги слугами, но у моего отца не особо забалуешь, — поморщился бывший принц и, решившись, добавил: — Так что я с себя ответственности не снимаю. Да, это я виноват в том, что Мариэль к тому времени сошла с ума.

— Что?! — хором воскликнули Рени и Штейн.

— Она не вынесла издевательств и убила жену Владислава. Прикончив диких так, что им мало не показалось, я забрал Мариэль, но непоправимый вред был уже нанесён. Четыре года я бился с ней, пытаюсь привести в чувство, но всё без толку. Несмотря на все мои усилия, она была невменяемой, притом буйной. Чтобы не держать девчонку на лекарствах или связанной, пришлось уложить её в хронокапсулу. Когда Михаэль поостыл после смерти Ризы, на что ушло довольно много времени, я оставил её в институтской лаборатории, где он работал. Мне подумалось, что она пригодится ему в качестве подопытного кролика...

Сообразив, насколько бездушно прозвучали его слова, Ник поморщился и добавил:

— К тому времени я уже потерял надежду на благополучный исход. Стопроцентно я был уверен, что к ней не вернётся разум, но каким-то чудом Мариэль оправилась от душевной травмы. Возможно, сказалось действие хронокапсулы, чьи возможности ещё не изучены. Ну а затем повторная инициация и нормальная семейная обстановка довершили начатое. Она вернулась в нормальное состояние.

Штейн вопреки на него посмотрел.

— Я так понимаю, ты наложил блокировку на травмирующие воспоминания?

— Да, — кивнул Ник. — Ума не приложу, почему она всё вспомнила. Может, моё появление спровоцировало спонтанную разблокировку. Может, это особенность её мозга. Я больше практик, чем теоретик, потому у меня нет внятного ответа. Если тебе интересно, спроси у Михаэля. Думаю, он найдёт объяснение.

— Нет, это так, пустой интерес. Другое дело, что теперь делать с девчонкой, если она снова пойдёт вразнос?

Ник повернулся к Рени. Она всё ещё сердилась, но её глаза больше не горели опасным огнём, и он понадеялся, что сумеет вернуть её расположение — а ему очень хотелось его вернуть. Новая жена Михаэля даже внешне чем-то напоминала его мать райту Ниду, которую Ник очень любил и по которой до сих пор тосковала его душа.

— Я бы восстановил блокировку, если мадам Рената позволит.

Прежде чем ответить Рени смерила его долгим взглядом и выражение её лица смягчилось. Она видела, что юный Старейший, как назвал его Штейн, несколько не раскаивается в содеянном, но... то как он смотрел и слушал, как он был внимателен к её настроению — всё говорило о том, что он хочет ей понравиться. Причём интуиция подсказывала ей, что это скорее неосознанное стремление, чем расчёт, что, естественно, не могло не вызвать симпатии. «В конце концов, все мы ошибаемся, — вздохнула Рени. — К тому же он кровник Мика, а это значит, что мы теперь одна семья», — рассудила она и сердито свела брови:

— Ну так займись делом! Чего тянуть время? И учти, дорогой, если с Мари что-нибудь

случится, я тебя и на том свете достану!

Это было так похоже на его мать, что Ник спешно опустил ресницы, пряча заблестевшие глаза.

— Не беспокойтесь, *сентано* Рената! Клянусь, в долинах предков ничто не будет омрачать вашу душу, — смиренно проговорил он и на этот раз его глаза блеснули торжеством.

— Тогда лады, — сказала Рени и уголки её губ дёрнулись в улыбке.

«Хоть и Старейший, а мальчишка мальчишкой. Этот красивый поросёнок воображает, что если спрятался за ментальный щит, то никто не догадается, что у него на уме. Наивный! Пока ты, милый, тасовал у себя на базе формулы и чашки Петри, мы с Томасом перетасовали кучу народа, вытаскивая из них такие потаённые желания, о существовании которых они даже сами не подозревали», — насмешливо подумала она и Штейн ухмыльнулся, закрывая её мысли от Ника. «Кошка, ты недооцениваешь парня. Конечно, он малость отстал от жизни, но он умён и быстро учится. К тому же не забывай, что он из иной культуры и кто знает, что может взбрести ему в голову. Потому будь осторожна и не слишком дави на него. О'кей? Видишь же, что эго у парня размером с Эверест». Рени чуть заметно дёрнула плечом: «Можно подумать, что у вас с Миком оно меньше! Но спасибо за предупреждение».

— Мадам Рената, — Ник поднялся из-за стола. — Пожалуй, я пойду. Спасибо вам за гостеприимство.

— А как же Мари?

— Чтобы помочь ей мне нужна кое-какая аппаратура. Не беспокойтесь, я вернусь и довольно скоро. Не нужно, не провожайте! Кажется, вы не слишком хорошо себя чувствуете. Я бы посоветовал вам прилечь.

— Подожди, я дам тебе ключи...

— На столике в прихожей я видел карточку, с логотипом «РП».

— Да? — Рени наморщила лоб, вспоминая. — Верно! Это мои ключи, можешь их взять.

Когда гость вышел из гостиной, она повернулась к Штейну.

— Томас, ты тоже иди. Судя по осунувшейся физиономии, тебе тоже не мешает поспать. И вообще, женился бы ты, наконец, а то станешь первым вампиром-алкоголиком. Не нужно сверкать на меня глазами, — устало улыбнулась Рени, — а то я не знаю, сколько ты выжираешь водки перед сном.

Раздосадованный Штейн картинно вздохнул.

— Не нужно было звать тебя убираться у меня. Всё равно ты приходила ровно к тому времени, когда я был уже в стельку. Интересно, ты специально дожидалась, когда я буду мало на что способен?

— Не ври! Просто ты знал, что со мной твои фокусы не пройдут, вот ты и прикидывался пьяным.

— Вообще-то, я неплохо понимаю язык пощёчин, то есть, когда женщина бьёт для поощрения, а когда недвусмысленно сообщает: «Отвали! Ты мне не интересен».

— Тем более не понимаю, чего ты добивался, приглашая меня к себе.

— А вдруг? Женщины они такие, сегодня: «Пошёл вон!», а завтра: «Добро пожаловать, милый!» и даже с завтраком наутро.

— Неужели? — усмехнулась Рени. — Я и Мика не баловала завтраками, так что в любом случае твои ожидания были безосновательны.

— Видимо, я был слишком стеснителен с тобой, — сказал Штейн, с расстроенным

выражением на физиономии, причём довольно натуральным, но Рени не сочла нужным заметить это.

— Томас, не смей меня! Уж мне ли не знать, что ты и стеснительность — это несовместимые понятия.

— Дура ты, Кошка! — воскликнул Штейн с досадой. — Между прочим, ты мне действительно очень нравилась, — добавил он и с любопытством взглянул на строптивцу, ожидая, что она ответит на это, в общем-то, искреннее признание.

— Какая есть, — фыркнула Рени и отпихнула его от себя. — Руки прочь! А то попрошу Совет ввести в наше законодательство статью за домогательство, и ты падёшь её первой жертвой.

— Ну и поганка! — обиженный Штейн вместе со стулом уехал подальше от неё и сложил руки на груди.

— Я достаточно далеко от тебя? — уточнил он. — Или для верности мне выйти в соседнюю комнату?

— Для верности тебе нужно пойти домой. Томас, честное слово, я не загнусь до прихода Мика.

Несмотря на уговоры, Штейн не уходил. Спустя полчаса он прислушался. «Быстро он обернулся! Видимо, его логово не так уж далеко», — подумал он и картинно зевнул.

— Если ты меня гонишь, пожалуй, я пойду. Только дай слово, что не будешь дожидаться Мика и ляжешь спать.

«Слава богу!» — обрадовалась Рени, не зная уже как выставить его из дома.

— Клянусь жизнью Мари, — пообещала она.

Видя, что она собралась его провожать, Штейн заставил её снова сесть.

— Ишь чего удумала! — проворчал он. — Я тебе не гость, нечего таскаться следом за мной. Не бойся, я не сопру ваше фамильное серебро.

Штейн напоследок обнял её и, поцеловав в щеку, бесшумно вышел из гостиной. Провожая взглядом красивую, атлетически сложенную фигуру шефа СБ у Рени промелькнула странная догадка, настолько неожиданная, что она постаралась не заострять на ней внимание, решив, что чрезмерно устала и в голову лезет всякая дурь.

Хотя Старейший сказал, что девушка не проснётся, она на всякий случай поднялась наверх. Ник был уже там и повернулся к ней, когда она вошла в комнату. В руке у него была тёмно-коричневая кожаная сумка, очень похожая на старинный саквояж врача. У Палевского тоже была похожая сумка, которую он хранил как память о прошлом.

«Понятно, Томас передал вахту и лишь тогда ушёл домой», — усмехнулась Рени. Присев рядом с девушкой, она отвела упавшую ей на лоб прядку волос. Судя по трагическому выражению лица и заметному подёргиванию лицевых мышц, сон не принёс ей успокоения.

— Как она?

— Не очень хорошо. Мариэль не отличает сон от яви и заново переживает всё то, что с ней случилось в детстве. Нужно срочно заблокировать воспоминания, пока они не обрушили её психику.

— Можешь показать, что она видит?

— Нет!.. Не могу и даже не просите! Тут такое, что я жалею, что эти подонки уже сдохли и их нельзя убить дважды.

— Тогда покажи мне, что ты сам увидел в гнезде диких, — потребовала Рени.

— Вряд ли это хорошая идея.

— Дай мне увидеть этих мерзавцев! Если существует загробный мир, я их обязательно отыщу и такое им устрою, что ад покажется им раем.

С сомнением посмотрев на её усталое лицо, Ник всё же решился. Он закрыл глаза и передал картинку увиденного в горах. Когда мыслепередача закончилась, он тут же пожалел, что поддался на уговоры.

— Боже мой, какие мерзавцы! — прошептала Рени, и по её щекам покатались слёзы. — Бедная моя девочка! Оказывается, они калечили её не только душевно, но и физически! Господи, а я всё гадала, откуда у Мари неисчезающие шрамы на лодыжках. Ужас! Ребёнок терпел такие издевательства целых десять лет! Милый, как ты мог? Ведь она не сделала тебе ничего плохого.

— Мадам Рената, я же не знал! — с отчаянием воскликнул Ник, не зная куда деваться от вопрошающего взгляда той, что стала его совестью. — В конце концов, я сделал всё, что в моих силах, чтобы её вылечить!

Рени подошла к Нику и неожиданно для него обняла.

— Я тебя не виню, дорогой! И это правда. В жизни всего не предусмотреть. Уж мне ли не знать? Мы всего лишь люди, значит, нам свойственно ошибаться. И ты здесь не исключение, — она отстранилась и заглянула ему в глаза. — Ник, умоляю тебя, пожалуйста, забудь о своих счётах с сестрой и спаси Мари. Ведь ты сам сказал, что дети не в ответе за родителей. Вспомни ту малышку, что была настолько к тебе привязана, что даже заболела, когда ты перестал обращать на неё внимание. Мари и сейчас в душе ребёнок. Несмотря на весь свой эпатаж, она очень ранима, ей хочется любить и быть любимой и в то же время она страшно боится, что её не примут и оттолкнут.

Порыв Рени был искренним, но её горячая просьба не стёрла отчуждённого выражения с лица Ника.

— Я постараюсь, — сказал он бесстрастным тоном и, дистанцируясь, шагнул назад. — Мадам Рената, вам нужно отдохнуть...

— Зови меня Рени.

— Хорошо, Рени, а теперь идите. Мне нужно подготовить аппаратуру и настроиться. Да, и проследите, чтобы до утра никто сюда не заходил, иначе все мои труды пойдут насмарку.

— Я предупрежу мужа и Аннабель, а прислуги в доме нет.

— Спасибо, и не забудьте принять лекарства.

Перед тем как уйти Рени снова подошла к девушке.

— Я на минутку! Можешь её разбудить? Или в этом есть смысл — мучить её гнусными воспоминаниями?

Ник нахмурился, но всё же выполнил её просьбу.

Выпущенная из ментального плена Мари открыла глаза и уставилась в потолок. Рени ласково коснулась её мертвенно-белой щеки (она и на ощупь была как мрамор) и у неё сжалось сердце.

— Детка, как ты себя чувствуешь? — спросила она, стараясь не выдать тревогу.

Девушка, к удивлению Ника, среагировала на её голос и повернула голову. Взгляд её был пуст и ни на что не направлен.

— Матап, ты не пугайся, я справлюсь. Это я сдуру прыгнула. Больше этого не повторится, — проговорила она с большими паузами между словами.

— Родная, помни, что я, Мика, Аннабель — мы все тебя любим. Забудь обо всём и

думай лишь о тех, кому ты дорога, — с силой проговорила Рени.

— Я стараюсь... я очень стараюсь, — Мари с жалобным стоном заметалась по кровати, — но они приходят вновь и вновь...они терзают моё тело... они терзают мою душу... они растоптали моё достоинство, мою гордость, моё уважение к себе... Они не оставили мне ничего... совсем ничего...

— Детка, они больше не придут. Они не посмеют! Теперь у тебя есть я. Хотя я не Сюзанн, внучка Смерти, но я тоже неплохо орудую кочергой. Забудь всё! Это всё неправда! Дурной сон, галлюцинации, вызванные кровавым бешенством. Ничего этого не было!

— Всё, хватит! — сказал Ник безапелляционным голосом и погрузил девушку в сон. — Простите, Рени, но вам пора.

— Хорошо, я уйду, — прошептала она и нашла в себе силы выйти с гордо поднятой головой.

Лишь спустившись вниз и войдя к себе в спальню, королева вампиров схватилась за косяк и бессильно поникла. В последнее время она так уставала, что порой держалась исключительно на одной силе воли.

После лекарств и краткого сна Рени стало значительно легче. Обнаружив, что муж ещё не вернулся, она встала и на всякий случай заглянула в гостиную. Служба банкетов поработала на совесть. Остатки еды и грязная посуда были убраны. На столе, накрытом новой чистой скатертью, стоял букет роз, подаренный Палевским, все остальные цветы куда-то исчезли.

Она подошла к лестнице, ведущей на второй этаж, но внутреннее сопротивление не дало ей подняться наверх. «Похоже, Ник не ограничился устным предупреждением и подстраховался, поставив запрет на вход к Мари», — мелькнула у неё мысль.

Вернувшись в спальню, Рени побродила по громадному ковру, мягко пружинящему под её босыми ногами — без мужа ей было слишком пусто и одиноко. Подойдя к окну, она настежь распахнула его створки. «Моя любовь, где же ты? — беззвучно позвала она. — Отзовись, ты мне нужен! Возвращайся скорей! Скажи мне как помочь Мари... и тебе, мой ангел!»

Вместо ответа в лицо ей ударил тёплый южный ветер, насыщенный дождём и палящим солнцем. Он позвал на свободу, и она жадно вдохнула воздух, отдающий вездесущей бензиновой гарью.

Несмотря на ночное время и хмарь, небо на горизонте отливало чистейшим ультрамарином. Когда растущий месяц выглянул из-за облака и лукаво ей подмигнул, Рени решила. Она надела комбинезон-хамелеон и, чтобы не беспокоить охрану, через окно ускользнула на улицу. Как и её четвероногие собратья, Кошка любила гулять по крышам.

Никем не видимая, Рени с лёгкостью птицы перелетала с дома на дом. Она направлялась к Неве. Оказавшись на Стрелке Васильевского острова, она миновала Дворцовый мост и пошла вдоль Университетской набережной. Гуляющие там люди не видели королеву вампиров, но они чувствовали её присутствие и расступались, давая ей дорогу. Дойдя до прищельца из древних Фив, она покровительственно похлопала его по гранитному лбу и тот довольно заурчал, приветствуя живущую в ней Бастет. Усевшись на спине сфинкса, Рени обняла ладонями колени и замерла. Сначала её немигающий взгляд (не менее загадочный чем у того, кто служил ей своеобразным тронem) устремился к свинцовым водам реки, а затем ускользнул в иные, запредельные дали — туда, куда нет хода обычным смертным.

ГЛАВА 31. Убийство любви — плохая примета. Трудности межрасовой любви, или бедная Лиза

У Палевского не было конкретной цели, он ехал наугад. Послушный его воле мерседес с ровным урчанием нёсся по ночному городу. Поначалу за стеклом автомобиля мелькали огни уличной рекламы, затем широкие проспекты сменили старинные узкие улочки, где было относительно тихо и темно.

Переехав Сампсониевский мост, мерседес свернул направо и остановился рядом с пустынной набережной. Станным образом дорога привела короля вампиров к штаб-квартире, хотя его сейчас меньше всего волновала работа. Некоторое время он сидел в машине, раздумывая, стоит ли здесь оставаться, но затем выбрался наружу и направился к Неве. Облокотившись на гранитный парапет, он бросил взгляд на тёмную реку, которая вековым спокойствием несла свои маслянистые воды.

Заразившись величавым равнодушием Невы к суете смертных, Палевский окончательно пришёл в себя. Правда, сколько он ни старался не думать о Старейшем, ему это не удавалось. Поневоле его мысли возвращались к удивительному гостю, но теперь он уже гораздо спокойней воспринимал его рассказ. Единственно, что легло ему на душу тяжёлым грузом, это сообщение о том, что по крови Эльжбета приходилась ему дочерью. Палевский был воспитан в традициях католичества и, хотя он уже давно не верил ни в чёрта ни в бога, от этого ему было не легче.

«Грех есть грех, независимо от того веришь ты или нет», — Палевский полез в карман за сигаретами. Он успокаивал себя тем, что фактически Эльжбета была ему никто. «Вот только она так не считала», — угрюмо подумал он и перед его внутренним взором прошло множество сцен, которые ему закатывала первая жена, и то как он терялся в догадках, не понимая, чем они вызваны. «Теперь всё встало на свои места. Эльжбета видела во мне отца, причём отца любимого, судя по оговоркам, оттого ей было горько вдвойне, но мне-то было откуда знать? — в раздражении Палевский отшвырнул сломанную сигарету и достал из пачки новую. — Бред какой-то! Нет, мы не отец и дочь. В конце концов, я родился неизмеримо позже, чем она... Дьявол! Тогда почему меня не покидает чувство, что это была кровосмесительная связь?»

Чтобы отвлечься от неприятных мыслей он попытался проанализировать, прав ли Старейший, говоря, что Эльжбета манипулировала его сознанием. «Милый, к чему столько думать об улучшениях? — услышал он мягкий и в то же время энергичный голос первой жены. — На мой взгляд, ты уже создал замечательную расу, хватит доработок, они нескончаемы. Ведь ты не только учёный, ты глава Совета. Пора уже вплотную подумать об укреплении власти, и для начала хотя бы избавиться от угрозы вмешательства Старейшего. Когда исчезнет нездоровое двоевластие, тебе будет гораздо легче управлять вампирским сообществом. Пойми, сейчас мы вынуждены действовать с оглядкой на него, а это тормозит наш прогресс. Зато объединённые единой властью вампиры будут непобедимы, ты же понимаешь, что при наших способностях нам нет равных на планете».

Палевский грустно усмехнулся:

«Понимаю, действительно *нездоровое двоевластие*. Да, моя королева, слишком близко я подпустил тебя к управлению. Точней, я оказался слишком беспечен и не придавал

значения тому, с каким упорством ты рвалась к властному Олимпу, попутно устраняя других конкурентов; меня же ты оставила на закуску. С другой стороны, откуда мне было знать, что ты способна на такое? Ведь ты была моей душой, моим сердцем. Ослеплённый любовью, я ничего не замечал...

Я даже не замечал, что Эльжи незаметно переключала меня с лирической волны, и мы вели беседы только о политике. Действительно, о чём ещё со мной говорить? Не о чувствах же в самом деле! Ими только я как дурак бредил. Понимаю, моя королева, сие для тебя было страшно скучное занятие.

Матка боска! Я был настолько ослеплён любовью, что не стал бы бороться с Эльжбетой за власть!.. Значит, пришла пора завязывать с этим безумием юности».

Палевский щёлкнул зажигалкой, но горечь сигаретного дыма не смогла перебить ту горечь, что отравляла ему душу. Несмотря ни на что он любил первую жену и ничего не мог с этим поделать. Вдобавок, стоило ему немного ослабить контроль и она, как встарь, тут же воспользовалась его слабостью.

Будто наяву он увидел ту, которую столько лет пытался забыть. Поворот изящно посаженной головы, синий сумеречный взгляд из-под полуопущенных ресниц и его сердце затопила безбрежная как море тоска. «Уйди, Эльжи! — взмолился он. — Уйди по-хорошему! Ты занимаешь не своё место! Ведь столько лет уже прошло, теперь моё сердце принадлежит Кошке, а не тебе!» — «Да? Ну так попробуй, выгони меня, — сказала Эльжбета и её губы тронула слабая улыбка. — Смирись, Михаэль! Или вырви себе сердце. Хочешь ты или нет, но оно моё навечно». Палевский стиснул зубы: «Что ж, если нет иного выхода, то я его вырву!» — «Правильно, милый! Убей его, ведь оно — источник твоей слабости. У тех, кто бессердечен, есть громадное преимущество: никто не смеет сказать, что они марионетки в чужих руках». — «Замолчи! Это всё гордыня!» — «Гордыня? Михаэль, ты даже не человек, какое тебе дело до их бога и его заповедей?»

— Ну да! Как же я забыл? Ко всему прочему, я ещё чужой среди своих! — Палевский оглянулся по сторонам. — Проклятье! В этом городе есть хоть одна урна? — проворчал он, не находя искомого.

Ближайшая урна обнаружилась около штаб-квартиры и он, выбросив окурок, снова сел в машину. Возвращаться домой ему не хотелось. «Бедная Кошка! Прости, милая, но сейчас в моей душе царит такой раздрай, что я боюсь обидеть тебя неосторожным словом или, хуже того, делом, а ты ничем не заслужила такого к себе отношения, — повинился он перед той, которую добросовестно пытался полюбить. — Ведь совсем чуть-чуть и дружеская привязанность переросла бы в нечто большее... но нет. Возможно, я слишком осторожничал, боясь, что за поступками Рени кроется такой же расчёт, что у Эльжи. Ну а теперь уже поздно о чём-либо сожалеть».

Мерседес плавно тронулся с места и, вывернув на мост, остановился. Палевский распахнул дверцу у пассажирского сиденья.

— Садись! — приказал он, и девушка беспрекословно забралась внутрь. — Позволь узнать, какого дьявола ты здесь делаешь?

Ответа он не получил. Лиза, замерев, смотрела исключительно перед собой.

— Впрочем, не важно, — мрачно произнёс Палевский, покосившись на девушку.

Лихорадочно блестящие глаза выдавали, что она до крайности взволнована, что вызвало у него дополнительное раздражение. «Матка боска! Сейчас мне только очередного влюблённого феникса не хватает для полного счастья! — сердито подумал он. — Причём

опять та же девчонка. В третий раз уже встречаемся. К чему бы это?»

Машина резко рванулась с места, и девушка испуганно вскрикнула: на повороте её швырнуло на дверцу.

— Пристегнись! — сказал Палевский и сбавил скорость. — Что ты возишься? Ремень пристегни! Или это непосильная задача для твоего умишка? — рывкнул он, видя, что его пассажирка суетится, а воз и ныне там.

В результате девушка опустила руки и судорожно всхлипнула и тогда он, потеряв терпение, сам пристегнул ремень.

Видя, что её трясёт как в лихорадке, Палевский вздохнул.

— Хватит клацать зубами! Не бойся, не съем, — он потянулся к бардачку, где у него лежала бутылка коньяку. — Возьми стакан... да вот он, стоит прямо перед тобой! Пей! Пей всё, до дна!

— Я вас не боюсь, я нервничаю, — спустя некоторое время пролепетала Лиза, набравшаяся храбрости.

— Да? А есть разница? — фыркнул Палевский и приложился прямо к горлышку бутылки.

— Вы что делаете? — всполошилась девушка. — Вы же за рулём, вам пить нельзя!

— Мне всё можно, — Палевский бросил на неё оценивающий взгляд. — Адрес!.. Вот ведь!.. Милая, я спрашиваю, где ты живёшь?

Спохватившись, Лиза хотела ответить, но вместо этого хватанула ртом воздух и закашлялась.

Видя, что она пытается вытереть рукавом забрызганную панель, Палевский бросил ей блок с салфетками.

— Не занимайся ерундой, машину почистят. Если нужно, возьми салфетку.

— Спасибо.

Сконфуженная девушка вытерла заалевшее лицо и сжала в ладони салфетку, не зная, куда её деть.

— Не нужно нервничать, для человека ты выглядишь вполне нормально, — машинально произнёс Палевский и открыл одно из отделений. — Бросай сюда. Итак, где ты живёшь?

Лиза назвала адрес в спальном районе города у метро «Ломоносовская», и он отметил, что девушка живёт на другом конце города. Быстро считав её мыслефон, он недовольно поморщился: «Дела обстоят именно так, как я и думал».

— 3-зачем вам это? — судорожно вымолвила Лиза и Палевский задался тем же вопросом, а именно, на кой чёрт ему эта девчонка.

— Не переживай, я не покушаюсь на твою честь. Просто отвезу тебя домой, — ответил он и предупредил: — Впредь не ходи здесь ночью, для человека это небезопасно.

— Вы так говорите, будто сами не человек, — робко заметила Лиза.

— С чего вдруг? — усмехнулся Палевский и взял себе на заметку, что девушка всё же не дура и поскольку ей не стереть память, то стоит быть осторожней, чтобы не давать ей пищу для ненужных размышлений.

***

По ночному городу, свободному от пробок на дорогах, они довольно быстро добрались до дома Лизы. Она жила на улице с красивым названием «Бульвар Красных зорь». Вот только в самой улице, застроенной панельными пятиэтажками, ничего красивого не было. Остановившись у нужного подъезда, Палевский выбрался из машины и открыл дверцу со

стороны Лизы. С любой женщиной, независимо от происхождения, он держался как истинный джентльмен. Таким его воспитали приёмные родители, которые были мелкопоместными дворянами и гордились тем, что они шляхта.

Когда девушка выбралась наружу, он собрался было уехать, но она набралась храбрости и пригласила его в гости.

После краткого раздумья Палевский согласился. Он решил, что ему не мешает развеяться, окунувшись в новую для себя обстановку. Тем более он ещё не видел, как живут простые петербуржцы.

Как оказалось, жили они не очень. В тёмном подъезде пахло сыростью и нечистотами. Лифта не было и на пятый этаж им пришлось подниматься по лестнице с раскуроченными железными перилами. «Хватает же у кого-то силёнок на подобную глупость!» — насмешливо подумал Палевский, стараясь ни к чему не прикасаться.

На тесной лестничной площадке девушка открыла дверь, и они оказались в крошечной прихожей её квартирки.

Войдя в комнату, Палевский с любопытством огляделся. «Стыдливая нищета», — резюмировал он. Действительно, в комнате было чистенько, но убого. Стены, поклеенные выцветшими бумажными обоями, когда-то были зелёными, но время превратило их в грязно-фисташковые. Из обстановки главенствовала мебель из прессованных опилок, сошедшая с конвейера ещё в застойные времена; её полосато-лаковая квадратура удручала своей кричащей безвкусицей.

— Хотите чаю? — робко спросила Лиза.

Палевский пожал плечами, не понимая, что он здесь делает, но девушка восприняла это как знак согласия и убежала в кухню. Оставшись один, он походил по комнате и, снова подивившись царившей здесь нищете, подошёл к окну.

Не найдя там тоже ничего достойного внимания, он сел на бугристый древний диван, который жалобно скрипнул под ним. «Уйти, что ли, пока девчонка возится на кухне?» — тоскливо подумал он, но тут на пороге комнаты появилась девушка и отрезала ему путь к бегству.

В руках у Лизы был большой металлический поднос и проголодавшийся Палевский, глянув на него, пожалел, что по дороге не заехал в супермаркет. Судя по угощению, с едой в этом доме было также плохо, как и со всем остальным. На подносе стояли две разнокалиберные чашки с обещанным чаем и белое блюдо с печеньем и конфетами, каких он никогда не видел.

Радостно-взволнованная девушка водрузила свою ношу на шаткий стол и посмотрела на него сияющими глазами.

— Извините, я никого к себе не ждала, потому могу предложить только это.

Услышав её мысль-опасение, что печенье настолько старое, что им можно сломать зубы, Палевский отдёргнул руку.

— Ничего страшного! Я не настолько голоден, чтобы соблазниться раритетным угощением.

После его реплики, девушка густо покраснела. Пребывая в возбуждённом состоянии, она не отдавала себе отчёт, каким образом гость отвечает на её невысказанные мысли.

— Ой, простите ради бога! Я давно уже не была в магазине. Когда ты один, то много не нужно... — смущённо пробормотала Лиза и вскочила на ноги. — Подождите, хорошо? Я только сбегаю в «24 часа»! Это совсем близко. Куплю что-нибудь свежее к столу и сразу же

назад.

Прикидывая, на что ей хватит денег, девушка замешкалась. До полочки оставалось всего ничего и, как всегда, перед ней в её кошельке царило безденежье. «Боже мой! Кажется, последние деньги я истратила сегодня в столовой, в надежде перехватить в займы у Ларисы Павловны. Стыд-то какой! Мне же ни на что не хватит оставшейся двадцатки! Что же делать? — всполошилась Лиза, но тут же на её личике появилось решительное выражение. — Не беда, займу у соседки! Разбужу её несмотря ни на что, даже если она пригрозит вызовом милиции в такой поздний час! Вымолю тысячу займы, хоть стоя на коленях!»

Покачав головой, Палевский потянулся было за бумажником, но вспомнил, что оставил его в машине.

— Давай сходим вместе, — предложил он, но девушка энергично затрясла головой.

— Нет-нет! Вы же гость, как можно? Просто подождите меня, честное слово, я скоро!

Лиза сорвалась с места... и уткнулась в грудь гостя, выросшего на её пути.

Взяв за плечи, Палевский развернул девушку к столу.

— Сядь! Не нужно никуда ходить, мне хватит того, что есть. Давай просто посидим и побеседуем.

— И о чём вы мы будем беседовать? — осведомилась Лиза, бросив на него быстрый взгляд.

— Дай подумать... — Палевский напрягся, считывая более глубокие слои её памяти. — Давай поговорим о том, почему ты видишь меня в своих снах, — проговорил он, с удивлением глядя на разворачивающиеся перед ним действо.

Какая-то мистика, подумалось ему. Он не жил во времена Людовика XIV, поскольку родился в девятнадцатом веке, но то что хранилось в памяти девушки выглядело пугающе реалистичным.

Хотя люди часто не узнают себя, видя со стороны, Палевский узнавал свои привычки в привычках двойника. У него была та же манера обращения с окружающими и оружием, тот же почерк и те же пристрастия в еде.

Единственно, что выпадало из общего ряда это явная склонность двойника к девушке, что сейчас сидела напротив него и смотрела на него влюблёнными глазами.

«Вот дьявол! Это уже ни в какие рамки не лезет!» — обескураженный Палевский уставился на Лизу, ища чем бы она могла привлечь его внимание и ничего не находил... кроме сходства с Рени. Тем не менее страстные сцены, подсмотренные в снах девушки, зажгли кровь в его жилах, хотя несколько минут тому назад он считал такое невозможным.

«Подойди!» — велел он девушке. Сначала его поцелуй был нежен, а затем он грубо впился ей в губы. «Живо в ванну!» — последовал приказ, и ошарашенная Лиза, отпрянув, мучительно покраснела. Когда она скрылась за убогой дверью, Палевский тихо засмеялся. «Так-так! Человеческая самка — это нечто новенькое в моей жизни. Чего вдруг меня пробрало? Интерес к тому, что нашёл в ней мой двойник? А ведь он её любил, это видно по всему. Что ж, посмотрим, стоит ли она таких жертв».

Король вампиров с сомнением посмотрел на диван, служивший Лизе кроватью, и раздумал снимать рубашку. Стоило ему лечь и в спину их величеству тут же впились вылезшая пружина. «Да уж! Совсем как в молодости, секс в военно-полевых условиях», — вздохнул Палевский и, подложив руки под голову, закрыл глаза. Отсутствие привычных удобств не помешало ему и он, воспользовавшись передышкой, тут же задремал.

— Ну, в чём дело, милая? — спросил он, ощутив присутствие девушки. — Так и будешь стоять? Ложись!

— Я бы легла только некуда.

Открыв глаза, Палевский подвинулся.

— Сними этот жуткий халат, — потребовал он.

Девушка подчинилась и он, оглядев её обнажённое тело, понял, что зря не послушался инстинктов. Вид, запах — всё отвращало его от неё. Тем не менее он привлёк девушку к себе, но после неудачного соития всё же был вынужден признать своё поражение.

Огорчённый Палевский никак не мог уснуть. Спустя некоторое время он повторил попытку, но с тем же результатом. Безотказный с вампирками, его дружок был настроен решительно и, наплевав на самолюбие хозяина, отказывался иметь дело с человеческой самкой.

Тогда Палевский попытался хотя бы поспать, но и здесь его ждала неудача. Как он ни вертелся, пытаясь улечься поудобнее, в тело ему обязательно впивалась одна из пружин старого дивана. Устав от поисков, он лёг на спину и в неё вонзилась уже не одна, а сразу несколько железок, и он беззвучно выругался. Когда вдобавок ко всему сонная девушка прижалась к нему спиной, в его душе полыхнула багровая ярость. Он злился на убогую обстановку и глупую девчонку, которая только и делала, что бредила любовью к нему.

Чтобы избавиться от раздражения, Палевский прибег к испытанному способу и переключился на работу. В первую очередь девушка была интересна ему как менталист и он задумался почему её память не поддаётся стиранию. «Судя по всему, она уникальна, — пришёл он к выводу и пожалел, что она раньше не попалась вампирским патрулям. — Это могла быть новая генетическая линия. Интересно, какими именно процессами в мозге может быть обусловлен данный парадокс? Нужно будет пройтись по её сиональным плоскостям, хотя сомнительно, что это поможет разгадать её загадку...» Когда он начал прикидывать каким образом и на каком оборудовании исследовать девушку, его вдруг осенило, что он не может отправить её в институт.

«Девчонка как открытая книга, попадётся на глаза Бернштейну или другому старейшине из медицинской братии и всё, пиши пропало. Вмиг разстреляют, что я с ней переспал... Проклятье! Если бы переспал! Узнают в Совете старейшин, стыда потом не оберёшься. Affront! В глаза, конечно, ничего не скажут, но за спиной будут смеяться», — расстроился Палевский и его взгляд невольно устремился к шее Лизы. Но отчего-то ему не хотелось убивать девушку и не только из-за того, что он уже составил целый план по её исследованию, но и из-за той мистической связи, что возникла у него с двойником из её снов.

«Ладно, ликвидировать девчонку я всегда успею. В конце концов, что мешает поселить её отдельно от остальных менталистов и устроить ей индивидуальное исследование?.. Пожалуй, так даже лучше. Запихать её в клетку к остальным подопытным кроликам будет слишком уж чёрной неблагодарностью. Она и так ничего хорошего в своей жизни не видела, так пусть хоть узнает, что есть совсем другая жизнь. Главное, чтобы Кошка ничего не разнюхала, а то она вмиг придушит моего трепетного кролика...»

Довольный найденным решением Палевский сладко зевнул и спустя пять минут уже спал сном младенца и никакие пружины ему больше не мешали. Во сне он обнял Лизу, и она вскрикнула от боли, когда он инстинктивно выпустил когти и они пропоролы кожу на её груди.

Король вампиров слизнул кровь с её тела и, подогреваемый хищническими инстинктами, наконец-то справился со своей фобией к человеческим самкам. Правда, в сексе он не отличался нежностью (это давал о себе знать его предок рай Реотан), так что будь Лиза меньше влюблена в него, она бы испугалась его повадок, граничащих с садизмом.

Правда, наутро всё вернулось на круги своя. В Палевском вновь проснулась фобия. Вспомнив свои ночные подвиги, он с досадой глянул на девушку, но она просто лучилась счастьем и это несколько смягчило его сердце. Вот только стоило ей прикоснуться к нему, и он с трудом скрыл охватившее его омерзение. Но влюблённая девушка ничего не замечала, в том числе и смертельной опасности, которой только что избежала. При её прикосновении первым порывом короля вампиров было отшвырнуть её от себя, что при его силе наверняка закончилось бы трагически.

С каменным выражением на лице Палевский заявил, что ему пора, но девушка обняла его и он замер, борясь с желанием её убить.

— Лиза, я спешу.

— погоди, не уходи! Дай мне ещё немного побыть принцессой из сказки, — счастливо прошептала девушка и, заглянув в лучащиеся холодом глаза короля вампиров, заметно сникла. — Ты женат? — спросила она упавшим голосом.

— Да! — резко ответил Палевский и попытался высвободиться из объятий девушки, но она ещё крепче прижалась к нему.

— Постой! — она вскинула голову и жалко улыбнулась. — Михаил, я всё понимаю! В твоей жизни нет места для меня и всё же, пожалуйста, не отнимай у меня надежду. Чтобы дальше жить, я должна хоть изредка видеть тебя... Нет-нет, дай мне ещё минутку! Пусть потом я не смогу посмотреть тебе в глаза, но я должна сказать!

— Милая, давай не сейчас, — поморщился Палевский, не склонный выслушивать очередное признание в любви.

— Умоляю! — с отчаянием воскликнула девушка. — Я хочу, чтобы ты знал, я влюбилась в тебя с самой первой нашей встречи. Никогда не забуду, как ты вышел из машины и закурил. Потом у тебя развязалась лента, и её унёс порыв ветра с Невы. С летящими по воздуху волосами ты показался мне волшебным принцем. Нет, я узрела ангела, спустившимся с небес! В этот момент ты был так красив, что у меня разболелось сердце... казалось, ещё немного и я умру от счастья.

Лиза потеряно улыбнулась.

— С той поры я сама не своя. Я больше не живу, а постоянно грежу о тебе. Наяву и во сне, — сказала она и судорожно вздохнула. — И с каждым разом мне всё трудней проснуться. Ведь там, во сне, мы вместе, и ты меня любишь. Прости! Я знаю, что чересчур навязчива, но ничего не могу поделать с собой.

«Во всяком случае, это прозвучало искренне, — оценил Палевский признание Лизы. — Всё больше убеждаюсь, что врачи древности правы, и любовь — это действительно болезнь». Признание девушки тронуло его, но он поймал себя на мысли, что его симпатия к ней сродни симпатии к домашним животным. «Что не диво, девчонка похожа на взлохмаченного несчастного щенка. Дьявол! Теперь постоянно преследует ощущение, будто я страдаю зоофилией», — вздохнул он и, взяв Лизу за талию, поставил её на пол.

— Милая, любовь любовью, а завтрак по расписанию. Будь добра, приготовь мне кофе и, пожалуйста, покрепче.

— Кофе?.. Покрепче? — эхом повторила девушка и, схватив халат, попятилась от

него. — Хорошо, я сейчас!.. Тебе с молоком? — донёлся из кухни её голос.

— Нет, чёрный! — отозвался Палевский и, открыв дверь в ванную, брезгливо поморщился. — Н-да, к сексу в военно-полевых условиях прилагается такое же мытьё... Ну да, ладно! Бывал я в норах и похуже этой. Проклятье! — зашипел он, стукнувшись локтем о бетонный выступ. — В мышеловке и то больше места, чем здесь.

— Неправда! Это стандартная для пятиэтажек ванна, — возразила девушка и её рука, просунувшаяся в образовавшуюся щель, протянула ему розовый махровый лоскут. — Вот, держи полотенце.

Пока Палевский мылся, Лиза тем временем решала непростую задачу, а именно, где взять обещанное ему кофе. Как всегда, перед зарплатой она осталась без денег и дотягивала до дня полочки на подножных запасах. Поставив чайник на газ, девушка схватила табурет и приступила к планомерному обыску верхних полок. К её великой радости, там нашлась стеклянная банка, чья броская красно-золотая этикетка гласила, что это кофе. Она смерила взглядом остатки слежавшегося светло-коричневого порошка и решила, что на одну чашку его должно хватить. После придирчивого осмотра самой чашки — не дай бог на ней будет хоть пятнышко! — она высыпала в неё растворимый кофе и залила его кипятком.

«Фу, слава богу!» — облегчённо выдохнула Лиза и, подумав, поставила на поднос блюдце всё с тем же раритетным печеньем. Затем она бросилась к ящику и вытащила полотняную салфетку, расшитую васильками. Когда чашка и блюдце перекечевали на её поверхность, она взяла поднос и, копируя походку моделей на подиуме, направилась в комнату. В прихожей она задержалась и, глянув на себя в зеркало, тихо ахнула. Пристроив поднос на столике, она плотно запахнула халат и, затянув до предела его пояс, схватила помаду.

— Лиза, где у тебя фен? — донёлся голос из ванной, и девушка замерла с расчёской в руке.

— Ой, прости! Я отнесла его в ремонт, а то он чего-то забарахлил! — крикнула она, а про себя добавила: «Если честно, то у меня его никогда не было, но тебе ни к чему это знать».

«Надо же, какой лживый кролик, — усмехнулся Палевский. — Вот и верь после этого признаниям женщин».

— Принеси мне какой-нибудь халат! — выкрикнул он.

«Халат?» — запаниковала Лиза и в расстройстве потянула было за поясок своего халата, но тут до неё дошло, что на гостя он не налезет. «Боже мой, боже мой! — заметалась она по квартире. — Где же взять мужской халат? Может, у папы было что-нибудь похожее?» Она вытянула из шкафа синий рабочий халат и обрадованно вскрикнула.

— Вот! Правда, он мятый! Но если подождёшь, то я его поглажу!

— Нет, не нужно.

Выйдя из ванной Палевский, глянул на себя в зеркало и скептически хмыкнул, найдя, что ему только резиновых сапог и разводного ключа не хватает. «Вот и девчонка находит, что из меня получился бы крайне гламурный сантехник», — подумал он и глянул через зеркало на улыбающуюся Лизу. Взяв с подноса чашку, он принялся к её содержимому.

— Это что такое?.. Нет, милая, это что угодно, но только не кофе.

— Честное слово, это очень хороший растворимый кофе! — запротестовала Лиза. — Правда, я не сама покупала, мне подарили его на день рождения.

— Хорошо-хорошо, я тебе верю, милая. Видимо, я не привык к такому сорту.

«Чёрт знает что! На завтрак какая-то бурда и печенье времён неолита», — проворчал Палевский про себя. Он умирал от голода, но не притронулся к предложенному угощению.

— Прости, больше мне нечем тебя угостить, — расстроилась девушка.

— Не переживай, я перекушу где-нибудь по дороге.

Палевский сбросил халат и начал одеваться.

— Эй, стеснительный кролик! — окликнул он смущённую девушку и когда она повернулась к нему, протянул ей чёрную пластиковую карточку, похожую на визитку. — Позвони мне сегодня. Позвони ровно в пять вечера, ни раньше ни позже. Поняла? Да, на работе скажи, что увольняешься. И собери вещи, ты переезжаешь. Лишнего не бери, возьми самое необходимое и то, что дорого как память. Всё остальное тебе купят.

— Кто купит? — вырвалось у Лизы.

— Не имею понятия, но кто-нибудь да купит, — хладнокровно ответил король вампиров и, справившись с запонками, поднял глаза на девушку. — Поможешь завязать галстук?

— Что?.. Да! — очнулась она и озадаченно посмотрела на нарядный шёлковый лоскут, украшенный именной монограммой.

«Боже мой! Чтобы я ещё умела его завязывать!» — впала Лиза в панику, которая уже становилась привычным для неё состоянием.

— Спокойно! Сейчас я прочитаю тебе инструкцию, а ты постарайся точно следовать её указаниям, хорошо?

— Хорошо, — пальцы девушки вцепились в концы галстука. — Только, чур, не ругать меня, если результат будет не очень, — предупредила она.

— Не буду, — согласился Палевский. — Да, ещё одно. Если я хоть раз увижу тебя у моего офиса, то оторву голову. Нет, милая, я не шучу. Будет лучше, если ты сразу уяснишь, что мои указания следует исполнять беспрекословно.

— Шаг в сторону и расстрел? — нерешительно улыбнулась Лиза, утрашённая не столько его словами, сколько серьёзностью его лица.

— Если будешь осторожна, однажды ты поймёшь, что есть вещи гораздо худшие, чем расстрел, — усмехнулся Палевский и, повернувшись к зеркалу, поправил галстук. — Спасибо. Узел кривоват, но терпимо... Кстати, не понимаю, почему жёны так боялись Синюю Бороду. Ведь он предупредил, что всё будет хорошо, пока они не будут совать свой нос, куда не нужно.

— Он же знал, что они обязательно откроют запретную дверцу, — возразила Лиза.

— Нет, не знал. Это был их выбор. Кстати, почему ты считаешь меня Синею Бородой?

— Ну а кто обещал оторвать мне голову? — осведомилась девушка и тихо добавила: — Может, ты будешь добрым Синею Бородой и оставишь ключик при себе?

— Ключ — это часть договора, ты обязана его взять.

Мерседес короля вампиров, стоящий во дворе дома, никто не тронул. Шпана, не задумываясь, обходила дорогу иномарку стороной.

Забравшись внутрь машины, Палевский с удовольствием закурил и мысленно пробежался по списку необходимых дел. О девушке он вспомнил только тогда, когда подумал о графике работ с подопытными ментальниками. «Хорошо бы девчонку тоже прогнать через пограничные состояния и посмотреть, как изменятся характеристики её мозговых полей. Надеюсь, у неё здоровое сердце и она выдержит...»[1]

Входная дверь захлопнулась и Лиза, не подозревающая о кровожадных планах

Палевского, бросилась к зеркалу. Собравшись с духом, она распахнула халат и первым делом осмотрела грудь.

Никаких повреждений на теле не было, и девушка облегчённо перевела дух. «Так и знала, что это ерунда! Разве у человека могут быть когти? Но я же видела... — вновь засомневалась она. — И что ты видела? Что? Ну давай! Будто у Михаила когти на руках? Совсем сдурела? Он тебе что, вампир или оборотень? Нет, подружка, пора завязывать с фэнтези, а то ещё не такое пригрезится!» Тут ей на глаза попались зреющие синяки, оставшиеся от ласк ночного гостя, и она вздохнула: «А вот это уже не сон. Слава богу, что сегодня суббота и не нужно на работу. Интересно, Михаил действительно хочет, чтобы я уволилась и переехала к нему или сказал просто так, чтобы утешить дурочку, что вешается ему на шею?»

Лиза критически осмотрела себя и, надев халат, полезла в карман за карточкой, которую ей оставил Палевский. На чёрной матовой поверхности не было ни без единой надписи. «Вот тебе и ответ! Нужна ты ему как собаке пятая нога», — горько подумала она.

Расстроенная девушка побродила по квартире, ища следы пребывания ночного гостя, а затем подошла к входной двери, за которой он скрылся, и, прислонившись к ней спиной, сползла вниз и заплакала. Плакала она как ребёнок, нисколько не заботясь о том, как выглядит со стороны — плакала громко, навзрыд, размазывая по лицу сопли и слёзы.

Сгоряча Лиза бросилась в кухню и швырнула карточку в мусорное ведро, но тут же упала перед ним на колени. Найдя своё сокровище, она радостно вскрикнула и, поцеловав, прижала карточку к груди. «Пусть это обманка, но это подарок Михаила!»

Когда стрелки древних часов с кукушкой показали без пяти пять, девушка, чувствуя себя последней душой, достала карточку и, моля о чуде, уставилась на неё.

И её ожидания не были обмануты. Вместе с надтреснутым «ку-ку!» на поверхности карточки появилось изображение темноволосой зеленоглазой девушки. Она внимательно глянула на Лизу и слегка улыбнулась: «Bonsoir, mademoiselle! Если вы готовы, то водитель сейчас поднимется и поможет вам с вещами».

Не в силах что-либо ответить Лиза лишь кивнула и изображение тут же погасло. Спустя минуту раздался требовательный звонок, и она деревянной походкой направилась к входной двери.

На площадке стоял очень симпатичный молодой человек, одетый в стильный светлый костюм. Он глянул на неё с тем же удивлением, что и девушка на карточке, и вежливо поздоровавшись, спросил, чем ей помочь. Первым порывом Лизы было сказать, она никуда не поедет, но, на своё счастье, она превозмогла панику. Попросив подождать, она бросилась обратно в комнату. Прощаясь, девушка с тоской посмотрела на родные стены — что-то ей подсказывало, что она сюда больше не вернётся — и взяла приготовленную сумку.

«Это всё?» — спросил водитель и Лиза, кивнув, густо покраснела: «Вот дура! Нужно было взять больше вещей, а то подумают, что я нищенка, которая спит и видит, как бы пожить за счёт богатого покровителя», — укорила она себя.

«Подождите, я захвачу кое-что из одежды...» — воскликнула она. «Не стоит! — быстро ответил молодой человек. — Михаил Янович велел отвезти вас в Гостиный Двор, чтобы вы выбрали себе новую одежду. Ну и всё остальное, что нужно. О деньгах не беспокойтесь, за всё будет заплачено».

«О нет! Мне ничего не нужно! Просто подождите! Хорошо? Я быстро!» Как и обещала, спустя несколько минут девушка появилась. Тяжело дыша, она тащила большую клетчатую

сумку. «Нет-нет, я справлюсь!..» — «Давайте! Я подожду вас в машине». Молодой человек отобрал у неё сумку и неся её так, будто она ничего не весила, начал спускаться по лестнице. Лиза смахнула пот со лба и, закрыв квартиру, побежала следом за ним, но так и не догнала. Когда она выскочила из подъезда, машина уже подъехала, и он распахнул дверцу, приглашая её сесть.

Пристегнувшись, девушка закрыла глаза. «Мог бы сразу сказать, что это мобильник и не делать из меня дуру!» — мелькнула у Лизы мысль. «Господи! Зачем и куда я еду?» — потеряно подумала она и постаралась отогнать тревогу. Слишком уж много загадочного было в её новом знакомом, чтобы она чувствовала себя спокойно, да и тот факт, что он женат, не добавлял ей оптимизма.

---

[1] *Заметки на полях или эссе о неприятии родства*

Берегитесь, люди! Берегитесь! И не гонитесь за теми, кто показался вам прекраснейшей мечтой! Знайте, что устремляясь в погоню за недостижимым идеалом, вы можете нарваться на вампира, и тогда берегитесь! Знайте, что вы для него — все равно, что прах под ногами. Для сверхчеловека значим только сверхчеловек. Подобное признает только себе подобное.

Забавно, но нетерпимость вампиров к ближайшим родственникам перекликается с чувством неприятия человечеством своего родства с высшими приматами.

*Конечно, слишком многое во внешности обезьяны говорит человеку о том, что они — близкородственные виды. Но при виде их карикатурных тел и мерзких ужимок у среднестатистического *homo sapiens* возникает сильнейшее желание откреститься от такого близкого родства.*

ГЛАВА 32. Сотворение Галатеи. Кстати, это ещё не повод лезть в её кровать

Когда Рени ушла, Ник подошёл к кровати и взгляделся в лицо спящей девушки. Оно казалось бледной театральной маской, а полукружья тёмных ресниц на ввалившихся щеках, придавали ей трагический вид. Даже во сне у неё не пропала аура обречённости и душевного надлома.

— Да, золотце, выглядишь ты не лучшим образом, — Ник присел на корточки и поднял левое веко девушки. Зрачок занимал почти всю радужку и это вызвало у него гримасу недовольствия. — Похоже, ты снова вознамерилась тронуться умом. Вряд ли такой пассаж придётся по вкусу Михаэлю, тем более его жене, отчего-то воспылавшей к тебе материнскими чувствами. Но это всё чепуха. Тебе отводится кое-какая роль в моих планах и это самое главное, — пробормотал он и, ухватив ручку принесённого медицинского саквояжа, подтянул его к себе. — Ничего, сейчас почистим тебе мозги, и ты снова будешь как новенькая.

Ник сел в кресло и, порывшись в недрах сумки, извлёк на свет тёмно-синюю коробку и пару прозрачных гибких колец. Одно из них он надел себе на голову, а другое — девушке.

— Порядок! Тиран, приступай к сканированию.

— Готово, мой райделин.

— Погружение вплоть до пятого уровня.

— Вы уверены, мой райделин? Не слишком ли глубокое погружение? В таком случае процесс потребует много времени и замещения базовой информации в мозге, иначе обрывки нейронов могут скомпоноваться в произвольном порядке.

— Уверен. На замещение детских воспоминаний возьми часть информации от базового носителя. Постарайся, чтобы их логика была безупречной, больше мне не нужны подобные эксцессы. Блоки управления не вводить.

— Принято, мой райделин. Передача информации в последовательных аллелях RN-12, QI-150. Контур обратной связи подключён. Базовая система готова: SI-L 75-1 — норма, HC 6734 — норма. Ваша очередь, райделин.

— Я готов. Давай!

Локальный терминал выпустил множество тончайших световых нитей, которые связали воедино Ника, девушку и искусственный интеллект, называемый тираном, и в комнате надолго воцарилась тишина. Старейший сидел в расслабленной позе; глаза были закрыты, но с его лица не сходило напряжённое выражение. Руки, лежащие на коленях, периодически приходили в движение, казалось, будто его пальцы держат хирургические инструменты, и он проводит невидимую стороннему глазу операцию.

Впрочем, так оно и было. И когда в окна заглянули лучи солнца, стало заметно, насколько он устал. Лицо Ника побледнело и заострилось, плечи поникли — в общем, он выглядел не лучшим образом. Тем не менее сосредоточенное выражение и плотно сжатые губы свидетельствовали о том, что он по-прежнему предельно собран. Наконец связующие нити погасли, и он мгновенно распахнул глаза — налитые кровью они невольно наводили на мысли о вампирах.

Мрачный, бледный, красноглазый Ник хоть и выглядел натуральным Дракулой, тем не менее было заметно, что он доволен. Выпустив ментальный щуп, он прошёлся по

энергетическим оболочкам мозга Мари. Их уровни оказались в норме, и он удовлетворённо улыбнулся.

Поднявшись со стула, он склонился над девушкой и внимательно её осмотрел. Она спала и, судя по умиротворённому выражению лица, уже ничто не омрачало её разум. «Слава Священному Ягуару! Похоже, на этот раз у меня всё получилось», — с чувством исполненного долга он сладко потянулся. «Ишь, дрыхнет себе!» — фыркнул он, когда девушка всхрапнула и, не удержавшись, пощекотал ей нос прядью своих волос. В ответ на его выходку, Мари брыкнула одеяло и повернулась к нему спиной. «Вот и вся благодарность», — усмехнулся Ник и осторожно снял обруч с её головы.

— Тиаран, мы с тобой молодцы, — сказал он, складывая приборы обратно в саквояж.

— Спасибо, мой райделин! В этот раз вы превзошли самого себя. Просто ювелирная работа!

— Знаю. Я старался быть предельно аккуратным. Надеюсь, теперь Мариэль в полном порядке и больше не будет выкидывать фортелей наподобие вчерашнего.

Разминая одеревеневшие мышцы, новоявленный Пигмалион прошёлся по комнате, не замечая, что каждая его проходка заканчивается у кровати воссозданной Галатеи.

Во время очередного возвращения к девушке Ник заметил на прикроватной тумбочке золотую лилию, с которой она не расставалась, и по его лицу прошла тень. Поколебавшись, он взял медальон и открыл крышку. При виде чёрной и рыжей прядок его передёрнуло. С отвращением на лице он швырнул медальон и тот, ударившись о тумбочку, свалился в щель между ней и стеной.

«Дурачьё! У одной ума кот заплакал и у мальчишки не больше, если ему всё неймётся, и он рвётся с ней встретиться, — Ник глянул на Мари и злорадно улыбнулся. — Даже не мечтай, золотце! Вам не быть вместе, пока я не разрешу, а я не разрешу никогда. Моррисон слабак, он не сможет держать тебя в узде, и ты будешь вертеть им как хочешь, а это слишком уж лёгкая жизнь для той, кому предназначено быть рабыней. И вообще, ты — моя собственность. Риза такое натворила, что тебе вовек за неё не рассчитаться. Так что, *криа*[1], знай своё место!»

С этой мыслью он подвинул спящую девушку к стене и с довольным стоном растянулся на кровати. «Красота!» — его взгляд упал на плечи и шею Мари, которая по-прежнему была в вечернем платье, и память тут же подсунула ему видение девушки в обнажённом виде.

«Вот крейд!» — Ник поспешно закрыл глаза, но это не помогло, скорее наоборот, стало только хуже. Проклинаая тиаран, который устроил ему дневной сеанс порнофильма с Мари в главной роли, он сосредоточился на головной боли, которая всё сильнее давала о себе знать. Но девушка в его воображении не отступала и продолжала танцевать, нимало не заботясь о его неудобстве. «Да что б тебя!» — рассерженный Ник стукнул кулаком по кровати и Мари сердито заворчала. «Молчать!» — мысленно рявкнул он и она, повернувшись, положила ногу ему на пах. Ник страдальчески поморщился, но стерпел. «Сразу видно, что её бабка была банальной шлюхой, — проворчал он и ему сразу вспомнилась Ваурея, мать Ризы. Надменная красавица была эталоном знатной эрейки и он, несмотря на предвзятость, был вынужден признать это. — Ладно, Ваурея действительно была великолепна и, нужно отдать ей должное, она хорошо воспитала дочь. Во всяком случае у Ризы были прекрасные манеры и образование, чего не скажешь о внучке». Припомнив громкий смех и безвкусную одежду Мари, Ник вздохнул и вновь развернул её лицом к стене: «Нет, золотце, одной красоты мало, чтобы привлечь моё внимание. Я не столь дурно воспитан. Эрейка *безритена*[2] обычная

мужичка, она даже на роль криа не годится. Распорядитель нашей рабской конюшни такую как Мариэль не взял бы даже задаром». Прекрасное лицо скривила жестокая улыбка властителя, привыкшего с младенчества распоряжаться жизнью и смертью людей. «Криа, — пробормотал засыпающий Ник, — такие податливые и послушные, готовые исполнить любой приказ хозяина. По-собачьи преданные криа... их пинаешь, а они целуют тебе ноги. Крейд! Что-то я не вовремя вспомнил о домашних игрушках... Опять? Ну всё, хватит с меня!» До смерти уставший Ник отпихнул девушку от себя и направился к дивану у окна. Стоило ему лечь, и его мгновенно сморил сон — правда, длился он не особо долго. Проснувшаяся Мари швырнула в него подушкой.

— Какого чёрта ты здесь делаешь? — воскликнула она на повышенных тонах. — Эй, Реази! Я с тобой разговариваю! Хватит дрыхнуть!

— Отстань, — сонно пробормотал Ник, когда девушка попыталась стащить его с дивана.

— Фиг тебе! Давай выметайся из моей комнаты. Живо! У меня здесь не постоянный двор.

— Всемогущий Ягуар! — Ник с болезненным стоном схватился за голову. — Вот что ты орёшь как базарная торговка?

— Я ору? Даже не начинала! Но сейчас ты услышишь, как я это делаю, — рассердилась Мари и набрала в грудь воздуха.

— Убью! — предупредил Ник, уставившись на неё недобрый взглядом.

— Ха, убьёт он! — фыркнула девушка, но кричать раздумала. У незваного гостя действительно вид был не очень. — Чего это ты такой умученный? Перепил что ли? — деловито поинтересовалась она. — Ладно, не психуй! Сейчас сгоняю к Ладожским. Ванька говорит, что от похмелья нет ничего лучше, чем огуречный рассол...

— К крейду рассол! Ты можешь просто заткнуться и дать мне поспать? — проговорил Ник сквозь зубы. — Мари, я серьёзно! Услышу хоть звук, честное слово, убью!

— Гляди, какие мы все из себя нервные!.. Но-но, не замай! — Мари попяtilась, когда он яростно сверкнул глазами. — Между прочим, я на своей территории, так что нечего включать Чистильщика.

— Ну, всё! Моё терпение иссякло! — прорычал Ник.

В то же мгновение неведомая сила подняла девушку в воздух и опустила в пространство между ним и спинкой дивана. Эта же сила с головой завернула её в невидимый воздушный кокон и заодно лишила голоса. С минуту Ник наблюдал за яростными, но абсолютно безмолвными попытками Мари освободиться, а затем по-кошачьи прижал её рукой к дивану и закрыл глаза.

«Реази, скотина ты эдакая! Отпусти немедленно или я тебя самого урою! Я тебе что, подопытная мышь?.. Реази! Прекрати прикидываться, что ты спишь!» Некоторое время Мари ещё трепыхалась в сетях невидимой ловушки, но волшебные игрушки Старейшего действовали безотказно и ей не оставалось ничего иного, кроме как смириться. Правда, это не мешало ей вынашивать ужасные планы мести. Увлечшись, она не сразу заметила, что рука Ника с талии перебралась ей на живот и не собирается на этом останавливаться. «Реази!!!» — мысленно завопила Мари, но тщетно, он её не слышал... или делал вид, что не слышит. Тогда она невероятным усилием сумела всё же повернуться, но силовое одеяло сработало как упругий мяч и, подброшенная вверх, она в результате плюхнулась на Ника сверху. «Merde!» — в панике девушка заглянула в его лицо и облегчённо перевела дух: «Слава богу,

спит как сурок!» Она попыталась сползти на прежнее место, но он вдруг поднял руку и прижал её к себе. Воздушная прослойка между ними сдулась и Мари возвела очи горе: «Реази!.. Зараза ты эдакая, я же чувствую, что ты не спишь!» Но сколько она ни вглядывалась, на спокойном лице не дрогнула ни единая чёрточка.

«Может, он это во сне?» — засомневалась Мари. Поначалу она насторожённо наблюдала за Ником, не доверяя его закрытым глазам, но он вёл себя смирно, и она постепенно успокоилась. Правда, когда она попробовала скатиться с него, он снова удержал её на месте. «Ну и ладно! Если его устраивает роль матраса, то мне-то что? Я могу и полежать», — фыркнула девушка. Удивлённая его явными сексуальными поползновениями, она бросила на Ника оценивающий взгляд. Благо, в кои веки он не пилил её тяжелым взглядом, и его можно было рассмотреть без помех.

Лёжа практически носом к носу, Мари с всё возрастающим интересом изучала незваного гостя и вскоре выяснила, что имеет дело с эталоном классической мужской красоты. У Ника был высокий выпуклый лоб, соболиные брови, прямой нос с чуть заметной горбинкой и тонко вылепленными крыльями ноздрей, а завершали картину чётко очерченные полные губы и волевой подбородок, но без характерной в таких случаях квадратуры. Ко всему прочему, у него была очень чистая смуглая кожа, имеющая не тёмный, а апельсиновый оттенок. Обычно такой цвет бывает у белокожих людей, загоревших в южных широтах. И всё же больше всего Мари восхитили его ресницы — длинные и густые, они богатыми опакалами лежали на гладких щеках, на который не было ни малейшего признака растительности. Впрочем, как и у всех мужчин вампиров.

«Что ж, мистер Совершенство и вблизи выглядит неплохо», — пришла она к выводу и, поймав себя на том, что её взгляд всё время возвращается к губам Ника, тяжело вздохнула: «Лицом и голосом — герой, но, к счастью, не моего романа. Правда, когда лежишь на его эрегированном члене, в голову отчего-то лезут всякие идиотские мысли. Например, о регулярности в сексе. Эта самая регулярность здорово прибавляет уверенности в себе, причём не только мужчинам». Мари сдула прядь волос — она упала спящему на лицо и заставляла его забавно морщиться — а потом, не зная больше чем заняться, смежила ресницы.

Как только девушка закрыла глаза, уголки губ Ника дрогнули в едва приметной улыбке. Он стойчески выдержал долгую физиогномическую инспекцию и рассуждения о регулярности в сексе, но тут Мари завозилась, занимая более удобную позицию, и он поспешно стряхнул её с себя. Но было уже поздно. И хотя вместе с бельём она подмочила ему репутацию непробиваемого мачо, отчего-то Ник не слишком расстроился. Избавившись от напряжения в паху, он расслабился и мгновенно уснул.

Мари. Юридические сложности с клонами. Кошмар! У меня новая родня!

Проснулась я оттого, что слышала голос Мика.

— Гляди-ка, Кошка, а наш гость не теряет времени даром, — произнёс он ироничным тоном.

И тут я с ужасом обнаружила, что по-прежнему лежу на Нике, хотя прекрасно помню, что он стряхнул меня с себя, перед тем как я уснула. Вот ведь гад! Специально лежал и притворялся, будто он спит, пока я изучала его физиономию. Ну, ничего! Отольются кошке мышкены слёзы! Посмотрим, как ты запоёшь, когда я встану и родители увидят твои мокрые штаны.

— Вот только не надо смотреть на меня, как на шалаву, — скатившись с Ника, я

быстренько одёрнула мятвый подол платья. — *Papa*, честное слово, я здесь ни при чём! Это всё он! — сдала я его, причём без малейшего зазрения совести.

Всё же я встала так, чтобы родители не сразу его застукали, а то кто знает, как они отреагируют. Не дай бог, погонят замуж за Ника, невзирая на наше близкое родство, тогда я точно повешусь.

— Мари! — состроил Мика укоризненную мину. — Ну что за выражения!

— Прости, это всё Ладожский со своими русизмами.

Я посмотрела на Рени, на лице которой застыло странное выражение: было такое чувство, что она вот-вот заплачет, и мой взгляд метнулся к виновнику моего предполагаемого грехопадения.

Нет, ну что за гадство! Обнаружив, что Ник по-прежнему сладко дрыхнет, я схватила его за руку и что есть силы дёрнула на себя. Фиг тебе! Так просто ты не отделаешься. Сам объясняй родителям, чего вдруг припёрся ко мне и устроил свои распроклятые обнимашки.

— Реази! Тут к тебе пришли! — выкрикнула я в полный голос.

В результате моего недружественного акта вампирская легенда шлёпнулась на пол, правда, на все четыре лапы, и Ник зыркнул на меня злобным взглядом. Нет, вы только посмотрите на него! На физиономии такое выражение, будто это я во всём виновата. «Придурок! Думать нужно, что творишь!» — «Уж по кому психушка плачет, так это по тебе», — прилетело ответное послание. Аж подпрыгнув от возмущения, я покрутила пальцем у виска, мол, сам дурак и не лечишься! На этот выпад Ник уже никак не отреагировал. Вид у него был пасмурный, но без капли смущения на физиономии.

— Bonjour! — сказал он родителям и, откровенно зевая, перетёк в вертикальное положение. — Прошу прощения, ночка выдалась крайне тяжёлая...

— Оно заметно, — сказал Мика ледяным тоном, но тут Рени взяла его под руку.

Со словами: «Дорогой, не сердись! Сейчас я всё тебе объясню», она потащила моего вампирского предка в сторонку.

Судя по долгому молчанию, родители вели мысленный разговор. Когда он закончился, Мика подошёл ко мне.

— Детка, как ты себя чувствуешь? — спросил он озабоченным тоном.

— Язык показать? — поинтересовалась я, с недоумением глядя на неожиданно спешащую троицу, кучкующуюся около меня.

Похоже, Ник и родители знали нечто такое, чего не знала я, но не собирались делиться своим знанием со мной.

Отойдя в сторонку, Мика и Ник заговорили на латыни — хотя в Академии нас заставляли её учить, я ни черта не поняла из их болтовни, что не мудрено при таком количестве медицинских терминов. Рени тем временем наоборот подошла ко мне чуть ли не вплотную и уставилась в моё лицо каким-то ищущим беспокойным взглядом. Внезапно на её глазах навернулись огромные слезищи, отчего я окончательно перепугалась и порывисто её обняла.

— *Maman*, да что случилось-то?

— Нервный срыв... Спокойно, детка, всё в порядке. В последнее время я как последняя идиотка лью слёзы по каждому пустяку, — не очень убедительно соврала Рени и будто сто лет меня не видела, так стиснула в объятиях, что бедные мои рёбра!

Ей-богу! Она смотрела на меня так, будто я воскресла из мёртвых. Но только я собралась потребовать ответа, что всё это значит, как тут вампирская матушка сбежала к

Нику. Повиснув у него на шее, она с такой страстью его поцеловала, что на меня напал столбняк.

Ха! Вопреки моим ожиданиям, Мика даже глазом не моргнул — будто это в порядке вещей, когда жена прямо на глазах у мужа милуется с другим.

Voici la merde![3] Да что здесь происходит? Обалдевшая от происходящего, я с подозрением уставилась на Ника.

— Реази! — подобравшись, я выпустила когти. — Мне плевать, что ты Старейший! Сейчас же верни их в нормальное состояние или я уделаю тебя, как бог черепаху!

Угроза сработала — правда, не так, как ожидалось. Ник схватился за голову и со страдальческой миной сгорбился на диване.

— Священный предок! Заткните её немедленно или я за себя не ручаюсь! — простонал он.

Ой-ой! Надо же, какие мы все из себя нежные! Но только я собралась высказать всё, что я о нём думаю, как Рени-предательница зажала мне рот ладонью и поволокла вон из комнаты.

— Тихо, Мари! С нами всё в порядке, а Нику действительно нужно отдохнуть. Давай дадим ему ещё немного поспать.

— Ни фига! Это моя комната! Пусть валит в гостевую и там дрыхнет сколько угодно! — возмущённо промычала я, борясь с нестерпимым желанием цапнуть Рени клыками, и она, будто почуяв это, убрала ладонь. Слава богу!

— Хватит упираться! Ничего страшного, если он поспит в твоей комнате, — заявил ещё один предатель и наставительно добавил: — Кстати, детка, не нужно забывать о приличиях. Будь добра, почисти парню одежду.

— Что? — оторопела я, не понимая шутит Мика или говорит серьёзно.

— Будь осторожна при чистке, это натуральная шерсть, — сказал Ник и прямо в руки мне порхнули его брюки.

Взъярившись, я собралась швырнуть их обратно, но тут Мика взял меня под мышку и вынес из комнаты, а затем Рени погнала меня в химчистку при нашем доме. Вот кто они после этого? Не родители, а натуральные деспоты!

Когда я вернулась из химчистки... кстати, нужно было видеть какими глазами на меня смотрела приёмщица, когда я показывала ей, где именно нужно удалить пятна... У-у-у! Честное слово, сейчас же поднимусь наверх и убью эту заразу Реази!.. Ладно, спокойствие, только спокойствие! В общем, когда я вернулась из химчистки со злополучными брюками и поднялась наверх, воспользовавшись тем, что на пути мне не попались родители, Ник уже не спал. При моём появлении он сел на диване и смерил меня мрачным взглядом. Это было так знакомо, что даже отлегло от души. Слава богу! Кажется, всё возвращается на круги своя и это замечательно.

— Давай! — буркнул он. — Рад, что тебе понравились мои ноги и зад, — добавил он, надевая брюки.

Вот что за гадство! Ненавижу телепатов! Я развернулась было к выходу, но оклик Ника не дал мне уйти:

— Куда намылилась? А кто покажет гостевую комнату? Или предлагаешь воспользоваться твоей ванной?

— Нет! — поспешно воскликнула я, припомнив кавардак в своей помывочной. — Идём, я покажу тебе гостевую.

Идя по коридору, я покосилась на Ника, бесшумно скользящего рядом. Мы все умеем тихо ходить, и всё же ума не приложу, как ему удаётся двигаться по довольно скрипучим паркетным полам, абсолютно не производя шума. В Академии такую ходьбу буквально по воздуху спецназовцы называли «поступью призрака».

— Кстати, ты так и не сказал, что делал в моей комнате.

— И не собираюсь.

Ах так? Настроение резко упало. «Свинтус! Просто хочется завизжать от злости! А что? Это мысль!» — злобно подумала я. Поймав недобрый взгляд Ника, я всё равно открыла рот, собираясь назло ему исполнить свою задумку. К счастью, вовремя подкативший порыв благоразумия уберёг меня от воплощения дурацкой идеи в жизнь.

Злость прошла так же быстро, как накатила. Заметив, что Ник не спускает с меня глаз, я фыркнула:

— Кстати, мог бы сказать спасибо.

— С чего вдруг я должен говорить тебе спасибо? — поинтересовался он.

Вот ведь неблагодарный свинтус! А кто носился с его брюками, пока он дрых?

— Ладно, проехали. Не должен, так не должен, — замяла я стрёмную тему, а то ещё подумает, что я сексуально озабоченная.

— Что здесь думать? Это видно невооружённым взглядом, — последовал незамедлительный ответ.

Нет, ну какая скотина! Мало я стыда натерпелась со спермой на его брюках, так он ещё вздумал меня подкалывать!

Я развернулась к Нику и уперла руки в боки.

— Слушай, Реази! Думаешь, раз ты Старейший, то тебе всё позволено?

— Да, именно так я и думаю, — заявил этот гад и, прижав к стене, встал вплотную ко мне. — Ну, что теперь скажешь? Думаешь, кто-то запретит мне делать с тобой, всё что я захочу?

— Да! — я отвернулась от его губ. — Я тебе запрещаю! Понял?

Вдруг пальцы Ника легли мне на горло и начали медленно сжиматься. Глядя в его горящие фосфорическим блеском глаза, я молчала. Не знаю, что уж у него заклинило в башке, но откуда-то я знала, стоит издать хоть звук и он сломает мне шею. Думаю, это длилось несколько минут, хотя мне они показались вечностью, затем хватка Ника ослабла и я, ускользнув от него, бросилась к гостевой. На моё счастье, до неё было рукой подать.

— Тебе сюда, — я указала на дверь и отскочила вглубь коридора.

Проклятье! Сердце колотилось как сумасшедшее и колени были как ватные. Всё же он здорово меня напугал, тем не менее меня трясло не столько от страха, сколько от злости.

Ник помедлил в дверях.

— Не нужно паниковать. Это было предупреждение, я не собирался тебя убивать. Просто впредь не забывай, кто я и кто ты.

Последняя фраза была сказана таким тоном, что я догадалась, о чём он бредит.

— Мы не на Арее, и я тебе не рабыня. Понял? Если ты застрял в прошлом, это твои проблемы, — проговорила я сквозь зубы и, шагнув к Нику, сгребла его за рубашку. — В следующий раз лучше сразу убивай, потому что это первый и последний раз, когда я прощаю тебя.

Губы Ника скривились в презрительной улыбке.

— Прошлое или будущее — не важно. Ничто не изменит того, что я райделин правящего

дома, а ты незаконнорожденная дочь Ризы. Криа, знай своё место! — его пальцы стиснули мои запястья.

Поцелуй застал меня врасплох. Вот ведь скотина! Сначала душит, затем обливает презрением и после этого как ни в чём не бывало снова лезет целоваться. Настоящий маньяк! Впрочем, так оно и есть. В одном Ник прав, я постоянно забываю о том, что он и есть Старейший — безжалостный убийца, которому не зря дали кличку Чистильщик. Думаю, ужасные истории, которые о нём рассказывают...

— Большинство из них выдумка, — раздражённо сказал Ник и, оттолкнув меня, захлопнул дверь.

Находясь в полном раздрае, я прислонилась к стене. Это, вообще, что было? Я ему нравлюсь, но из гордости он не может смириться с моим происхождением и решил малость придушить? Несмотря на боль в шее, меня разобрал смех, и я закашлялась. Вот ведь зловредный индюк!

Интересно, с чего вдруг Ник заявился в мою комнату? Неужели из-за вчерашнего флирта? Ну так я строила глазки не только ему, но и Штейну. Мог бы догадаться, что это всё игра. К тому же слабо верится, что он не знает о Тьене... Стоп! А вдруг это его проделки? Ведь ему ничего не стоит перехватить наши письма.

Merde! Расстроенная я плюхнулась на ступеньку лестницы. Настроение упало. Вот что теперь делать, если Ник действительно препятствует нашей переписке? Если только сразу повеситься. С его раздутым самомнением он же из принципа не даст нам встретиться.

И тем не менее меня не покидало ощущение, что поступки Ника вызваны отнюдь не тем, что я ему нравлюсь. Здесь было что-то иное. Из-за сексуального подтекста я не сразу обратила внимание, но в его действиях определённо прослеживалась система. Даже в процессе удушения и последующем поцелуе чувствовался... эксперимент. Будто он проверял мою реакцию. Кстати, а что с ней не так?.. Да, с ней точно что-то не так. Агрессия и сексуальные поползновения, а я, несмотря на лёгкий испуг, практически спокойна, хотя раньше уже билась бы в истерике...

— Чего ты там сидишь, да ещё с таким кислым выражением на физии? — поинтересовалась Рени, стоя внизу лестницы, и на её лице промелькнуло беспокойство. — Детка, с тобой всё в порядке?

— В полном, — заверила я вампирскую матушку. — Поберегись!

Сев на перила, я с индейским воплем съехала вниз. При этом моё настроение резко скакануло вверх. Фигли кукситься, когда ещё ничего не ясно? Ежели чего так изукрашу Реази физиономию, что он живо забудет дорогу в мою кровать. Опля!

— Классное сальто-мортале! — одобрила Рени мой соскок с перил и, обняв, вновь придиричиво заглянула мне в лицо, а затем отвела заблестевшие слезами глаза.

Чёрт знает что! Да что с ней такое сегодня?

— Матап, чего это ты в наседочном настроении? Сон, что ли, плохой приснился?

— Что-то типа того, — уклончиво ответила вампирская матушка и, приняв хавшись, подпихнула меня обратно к лестнице. — Не стыдно? Живо в душ и переодеваться!

— Это не я пахну, это Реази! — возмутилась я.

— Какая разница? Одежду нужно поменять, — последовал непреклонный ответ.

После исполнения приказа родительницы, я направилась было к лестнице, но тут услышала голоса в гостевой комнате. Решив, что раз Рени там, то можно не стучаться, я бесшумно приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Вот опять! Матап смотрела на Ника с такой

безграничной благодарностью, что это уже начинает раздражать. Особенно в свете того, что он только что пытался меня придушить. Правда, я уже не верю, что это было всерьёз.

Нет, я так больше не могу! Кровь из носу, но я должна знать за что этому поганцу рассыпают столь щедрые комплименты! Ну, скажите хоть что-нибудь, взмолилась я.

---

[1] Криа — рабыня

[2] Ритен — система обучения в эрейских знатных семьях, применяемая с раннего детства.

[3] Voici la merde! — Вот дерьмо!

Бог меня услышал, но краем уха, не вникая в суть просьбы. Они говорили, но я ни черта не понимала. Если в разговоре с Микой это была сплошная медицинская тарабарщина, то сейчас болтали на спецназовской фене. Причём оба разве что не цвели и пахли. Вот какое это имеет отношение ко мне? Да никакого! «Ах, мой дорогой, не передать, как я счастлива! Господи, Ник, огромное тебе преогромное спасибо! Отныне я навечно у тебя в долгу», — прощобетала Рени с радостным воодушевлением и расцеловала его в обе щёки. Столь бурные эмоции моей вампирской матушки смутили даже этого поганца. Закончив вгонять Ника в краску, она взялась за меня:

— Мари! Хватит уже подслушивать! Давай спускайся вниз, пора обедать.

— Не пойду! — выкрикнула я. — Вы злые! Специально ничего мне не говорите! Я знаю, вы хотите, чтобы я умерла от любопытства!

— Она опять орёт. Можно, я её убью? — с угрозой в голосе проговорил Ник.

— Нет, нельзя, — ответила Рени и с покровительственным видом похлопала его по плечу. — Привыкай, дружок, тебе с ней жить.

— Ни за что! — сказали мы с Ником и злобно посмотрели друг на друга.

— Оба марш вниз! Живо! — перешла Рени на командирский тон. — Я хочу, чтобы мы пообедали все вместе, а Мика, того и гляди, смоеся в свой институт.

— Я немного задержусь, — сказал Ник, и она согласно кивнула.

— Хорошо, милый. Как только будешь готов, спускайся, хорошо? Мари, ты идешь?

— Да, пять минут, и я спущусь.

Рени ушла и смутное беспокойство оформилось в тревогу. Аннабель, мой неотвязный хвостик! Она ни разу не заглянула ко мне, хотя день уже в разгаре. Я бросилась к двери.

— Её здесь нет, — догнал меня голос Ника.

Он был прав, сестры не было дома. Торопиться не имело смысла, я аккуратно прикрыла дверь гостиной и направилась к лестнице. Снизу не доносилось ни запахов, ни звуков готовки и всё же, вопреки здравому смыслу, я надеялась застать мышонка дома.

Увы, кухня сияла стерильной чистотой, чего не водилось, когда Аннабель была дома, и сердце, почуявшее беду, тоскливо сжалось. Тогда, под влиянием момента, я сказала Соне, что боюсь потерять младшую сестру и это были не пустые страхи. Шансов на выживание у мышонка действительно было очень мало — процентов пять, да и то половина из них это надежда. Если уж начистоту, девочка её возраста, угодившая в зону военного конфликта, к тому же чужачка для местных, вообще не имела шансов на выживание. Конечно, прецеденты были, но таких малявок негласно страховал кто-то из взрослых членов семьи, хотя правилами это запрещалось. Период кровавого бешенства в то же время был первичным испытанием вампирских способностей. Наставники присматривали за фениксами, но вмешивались лишь тогда, когда ситуация складывалась совсем уж неблагоприятным образом и грозила бессмысленной гибелью целой группе. Единичные потери никого не интересовали.

Сидя за столом Рени пила кофе.

— Присаживайся, детка. Есть будешь? — спокойно спросила она и усмехнулась. — Правда, я теряюсь, что вам с Ником подать: завтрак или обед.

— Завтрак. Без кофе я никакая, — ответствовала я и потянулась за своей пол-литровой

кружкой.

— Ну-ка, не тронь свою бадью! — Рени погрозила мне пальцем. — Солнышко, пора переходить к цивилизованной посуде, а то с такими лошадиными дозами ты скоро станешь кофеиновой наркоманкой.

«Никак грядёт очередная воспитательная пауза», — огорчилась я, но даже спорить не стала. Ладно. Чай не в первый раз, всё равно Рени надолго не хватит.

— Оптимистка! — фыркнула моя вампирская матушка и подвинула ко мне фарфоровый кофейник и изящную чашечку из старинного китайского сервиза.

«Эх, явно не моя доза! Где же ты, моя подружка, фаянсовая кружка?» — мысленно пропела я и, демонстративно поморщившись, налила кофе в фарфоровый наперсток. Промолчать-то я промолчала, но тяжело вздохнуть мне никто не запрещал. Верно? И вообще, нельзя поощрять домашних тиранов, даже если они любимые.

Видя мои выразительные гримасы, Рени засмеялась.

— Нахалка! Ну, и к чему столь трагическая мина на лице? Здоровье нужно беречь, — насмешливо сказала она и, видя мои вопросительные взгляды, по-прежнему бросаемые в сторону плиты, серьёзно добавила: — Не беспокойся, детка, Аннабель отправили в генетический центр, под наблюдение специалистов. Прости, я знаю, что ты хотела бы с ней попрощаться, но вы с Ником так сладко спали, что я не решилась вас будить.

— Понятно, — вздохнула я и опустила голову.

«Эх, вот и начались весёлые денечки. Держись, мышонок!» — мысленно подбодрила я Аннабель. И тут до меня доехало содержание последней фразы, сказанной вампирской матушкой. От возмущения я аж подпрыгнула на месте.

— Слушай, я же сказала, что я тут не при чём! Это все Реази! Как подлый змей он заполз в мою кровать и пригрелся на моей груди!

— Полно сердиться! Между прочим, вы очень мило смотрелись вместе, — сказала Рени, и я с огорчением почувствовала, как запыльхали уши, выдавая моё смущение. — Детка, такие парни на дороге не валяются. Нужно ковать железо пока горячо, — наставительно добавила она.

Своим тоном заправской свахи она окончательно добила меня.

— Мой хороший, а ничего, что Реази приходится мне родным дядей?

— Родство второго порядка у нас не является препятствием для брака, — заявила вампирская матушка и она была права. У нас запрещались браки только между родителями и детьми, а также между братьями и сёстрами, то есть между родственниками первого порядка.

Вот гадство! С вчерашнего дня Реази активно портит мне жизнь. Если родители активно насядут, то, в конце концов, они своего добьются. Особенно, если Мика возьмёт сторону Рени.

Одна надежда, что Ник отработывал на мне какой-то свой эксперимент и на самом деле я ему нужна как рыбе зонтик. К тому же он явно перенёс на меня своё отношение к сестре. Может, это не совсем ненависть, но сильнейшая неприязнь присутствует совершенно точно. Вдобавок в нём сильны эрейские сословные предрассудки, которые разделяют нас куда верней, чем всё остальное. Он принц, а я та, которую обязательно продали бы в рабство, случись мне родиться на Арее. При мысли о таком раскладе меня аж передёрнуло. Судя по оговоркам Ника, рабы у них были абсолютно бесправны и полностью зависели от воли своих хозяев. Правда, стоили они баснословно дорого и позволить их себе могли лишь очень

богатые эрейцы, но это не исключало того, что числились они на положении домашних животных. Видимо, особый вкус издевательствам над рабами придавало то обстоятельство, что в их качестве могли оказаться твои вчерашние друзья. Ведь в рабство у эреев продавали совсем не бедняков.

— Думаю, таких невест, как я, у Чистильщика воз и маленькая тележка. Причём уверена, что большинство из них уже в гробу и в белых тапочках, — сказала я.

Как и положено по закону подлости, именно в этот момент Реази нарисовался на пороге нашей кухни. «Merde! Ну, сейчас начнётся!» — с расстройством подумала я и не ошиблась.

— Bon appétit! — произнёс Ник, адресуя улыбку исключительно Рени, и, посмотрев на меня, насмешливо добавил: — Нужно быть объективнее, Мариэль. Не я, а именно ты та змея, что пригелась на моей груди, и тому есть свидетели.

«Старейший, а подслушиваешь. Не стыдно?» — мысленно укорила я Ника. «Твои вопли даже глухой услышит», — фыркнул он в ответ.

— Подумаешь! В любом случае, это не я припёрлась к тебе, а ты ко мне, — буркнула я вслух.

— Я пришёл исключительно по просьбе Рени.

— Матап, это он о чём? — обрадовалась я. Наконец-то, есть с кого требовать ответ, что здесь происходит.

— Точно хочешь знать? — поинтересовалась Рени и вздохнула. — Ладно, скажу. Кое-кто у нас вчера напился до невменяемого состояния и, сверзившись с лестницы, хорошенько приложился головой. Спасибо, что Ник ещё не ушёл. Он всю ночь просидел с тобой, выводя из комы.

Это была правдоподобная версия, у меня действительно был провал в памяти. Я помнила, что поднималась по лестнице, но не помнила, как дошла до своей комнаты. И всё же интуиция говорила мне, что собака ещё не везде порылась... Ну да, ладно! В общем-то, это всё объясняет. Похоже, Ник не только привёл меня в чувство, но и убрал кое-какие старые фобии, за что не мешало бы сказать ему спасибо... Я подняла голову и моё доброе намерение сдохло на корню, натолкнувшись на его уничижительный взгляд. Ну, уж нет! С таким отношением фиг ему, а не благодарность!

«Вот чего пырится, будто увидел чудо чудное?» — проворчала я про себя и на всякий случай постаралась припомнить, что именно отразило зеркало в ванной перед моим уходом оттуда. Вспомнила. Н-да, видок не очень, но это ещё не повод расстраиваться. Подумаешь, забыла причесаться и выгляжу лохудрой. С кем не бывает? В конце концов, я у себя дома. И тут я увидела, что на мне надето. На этот раз мне под руку попала совершенно попугайская пижама, оранжевая с зеленым. Своей расцветкой она вызывала отторжение даже у меня самой.

Ой, да фиг с ним, с внешним видом! Чего я всполошилась? Главное, что Тьен меня сейчас не видит, а остальное ерунда...

Увы, несмотря на уговоры, презрительный взгляд Реази по-прежнему пронимал аж до самых печёнок — что было особенно обидно после вчерашнего триумфа. За ужином я чувствовала себя настоящей принцессой и тот же Ник смотрел на меня если не с одобрением, то вполне благосклонно.

«Дура! — поставила я себе краткий диагноз. — Вот какое тебе дело до его мнения?»

Действительно, какое?.. Э, нет! Лучше не сворачивать на эту тропинку, а то она заведёт

в такие дебри... Господи, в какие такие дебри? Посмотри, это уже не твой старший по патрулю, он Старейший, вампирская легенда! И что?.. Вот именно, и что с того?

Это в каком смысле: «и что с того?», поинтересовалась я у себя.

Проклятье! Что-то я совсем запуталась! И Реази, как назло, несколько не облегчал мне задачу. Этот гад не только хорошо сохранился, он ещё и выглядел как модель на подиуме, хотя о чём это я? Кукольным мальчишкам до него как до Луны. Вот что за гадство! Кто-то, значит, лохудра лохудрой, а у мистера Совершенство вид такой, будто ему только что сделали укладку и, вообще, вид свеженький, будто он только что из спра-салона. Вот и одежда тоже, Ник сменил костюм на чёрную футболку и джинсы, но даже этот унисекс смотрелся на нём, как прикид от дорого кутюрье.

Я поднесла к губам чашку с кофе, но там было пусто и это чуть не довело меня до слёз.

Voici la merde! Да что со мной творится? Расстраиваюсь, как девчонка-подросток, у которой свидание, а у неё выскочил прыщ на носу.

Сев напротив, Ник с иронией посмотрел на меня. «Лучше прыщи, чем твоя попугайская пижама», — приласкал он меня. «Вот сам их и разводи, а мне они ни к чему. Воображала чёртов!» — буркнула я мысленно. Естественно, в ответ на хамство мне прилетело такое, что от злости у меня сами собой сжались кулаки и запылали щёки (пропади они пропадом!), выдавая, насколько сильно меня задело слова Ника.

Ну всё, это война!

К счастью, только я открыла рот, чтобы высказать Реази всё, что я о нём думаю, как этот гад отвернулся и, судя по лицу, забыл о моём существовании. Виной тому был кофейник, который Рени поставила перед ним. В общем, то обстоятельство, что Ник тоже кофеман, несколько реабилитировало его в моих глазах.

— Please! — пропела я сладким голосом и протянула к нему свою чашку.

— Нет! — отрезал он. — Тебе нельзя. После препарирования твои мозги ещё не пришли в норму и дополнительный возбудитель им ни к чему.

Похоже, Реази был прав. После его отказа я расплакалась, причём на полном серьёзе.

Само собой, Рени не выдержала моих слёз, проливаемых с трагическим выражением на лице, и под свою ответственность попросила его налить мне ещё одну порцию кофе. Ник смерил меня долгим взглядом, но всё же пошёл ей навстречу.

Ха! Думали так легко отделаться от меня? Не выйдет! Я схватила свою кружку ёмкостью в пол-литра и поставила её под носик кофейника. Рени хотела было возразить, но Ник ничего не сказал, и она промолчала. Конечно же, этот гад был в своём репертуаре и налил в кружку ровно столько кофе, сколько его поместилось бы в тот напёрсток, что выдала мне вампирская матушка.

— Домострой! Сатрапы! — в отчаянии завопила я. — Какое самодурство! Уйду в пустыню и буду там проповедовать культ кофе! Тогда никто не помешает мне пить его от пуза!

— Скатертью дорога, — напутствовали меня оба сатрапа.

Хорошо, что Мика появился, а то, глядишь, меня действительно выперли бы в пустыню.

— Что здесь происходит? — поинтересовался глава семьи, сонно хлопая глазами.

— *Rara*, эти изверги не дают мне пить кофе! — пожаловалась я.

— Правильно делают, — зевнув, ответил ещё один сатрап.

— Нет, вы нарочно издеваетесь надо мной! — я грохнула пустой кружкой по столешнице. — Скажите, что такого может со мной приключиться от нормальной дозы

кофе?

— Детка, тогда ты будешь кричать ещё громче, — Мика вопросительно посмотрел на задержавшегося у нас гостя. — Что это с ней? Девиантное[1] поведение, вызванное стрессом нейронов?

— Да, — кивнул Ник. — Гиппокам[2] ещё не пришёл в норму и некоторое время Мариэль будет вести себя, как подросток. Желательно держать её в узде и не давать особо разгуливаться, а то она живо сядет на шею.

— Ну, конечно! Вы ещё пропишите меня в сумасшедшем доме! — прошипела я вне себя от злости.

Неожиданно вспыхнувшая ярость розовым туманом заклубилась перед глазами. Наверное, на моём лице была написана жажда убийства, если взгляд Мики похолодел и обрёл остроту ножа.

— Будешь вести себя таким образом, живо окажешься у меня в институте, — сказал он резким тоном, и я поспешно опустила глаза. С предка станется запихать меня в психушку, а потом доказывай, что у тебя все дома.

Гнев иссяк так же быстро, как и нахлынул. Охваченная раскаянием я вскочила на ноги и, обогнув стол, со слезами обняла Рени.

— Мамап, прости меня! Я больше не буду!

— Давай свою бадью, — сказала она и, не обращая внимания на неодобрительные взгляды мужчин, налила мне полную кружку кофе. — Пей, детка, и успокойся.

— Рени, я же просил ей не потакать, — сказал Ник, сосредоточенно помешивая сахар.

Звяканье его ложки, пусть тихое, вновь пробудило во мне раздражение. Ненавижу этого надутого индюка! Ненавижу! Ненавижу!

— Думаю, ничего особо плохого от одной кружки не случится, тем более что ты здесь, — спокойно заметила Рени.

Она сказала это с каким-то подтекстом, судя по тому, что Мика оторвался от чтения новостей и бросил на неё непроницаемый взгляд.

Ник покачал головой.

— Извини, Рени, но мне нужно домой...

— Ты уже дома! — перебила она его и с улыбкой погладила меня по голове.

Мурр! Во мне распустился цветок счастья. Мамочка, я тебя люблю!

— Детка, может, пойдёшь к себе? — спросила Рени, но я лишь крепче прижалась к ней и замотала головой.

— Ни за что! Я их знаю, без тебя они живо запихают меня в институт и разберут на органы, — заявила я, абсолютно убеждённая в своей правоте.

— Вот что ты несёшь? — проворчал Мика и бросил на Реази выразительный взгляд.

Вот гады! Я им не сумасшедшая, так что нечего переглядываться! Но тут Ник сказал, что ещё немного побудет у нас и я успокоилась.

Не знаю были это проделки старших или я сама отрубилась, но больше я ничего не помню из того дня. Проснулась уже на следующий день, в своей комнате и, слава богу, на этот раз уже без Ника. Вспомнив вчерашние закидоны, я подивилась тому, как сильно меня колбасило. Да, похоже моя черепушка основательно пострадала при встрече с лестницей.

Слава богу, сегодня всё было в порядке.

После утренних процедур я тщательно причесала волосы и, немного поколебавшись, потянулась к помаде. Попугайская пижама упокоилась в корзине для мусора, и я вытянула из

комода тёмно-синий спортивный костюм — подарок Рени. В отличие от меня, у неё хорошо со вкусом, так что Реази будет не к чему придраться.

Зеркало отразило стервовую девицу с прилизанными волосами, которой не хватало только мечей или бластера для полноты образа. Я выхватила воображаемый клинок и, состроив зверскую физиономию, рубанула им по воздуху. Вот так! Теперь никто не посмеет сказать, что я выгляжу как попугай.

Время было ещё раннее и я, придя в хорошее настроение, села за ноут. «Тиаран! На чём мы остановились?» — спросила я и вместо привычной заставки на мониторе выплыла морда оскаленного ягуара. Понятно, подарок Ника оккупировал мои гаджеты. Ну и ладно, кто бы возражал! Сверкнув на меня зелёными глазами, ягуар спросил вежливым мужским голосом, какой именно раздел интересуется высокородную райдиэль, и по моему запросу выдал нужные материалы.

Высокородная райдиэль с головой ушла в пространственно-временную теорию, разработанную эрейскими учёными, и вернулась в реальность только после того, как Рени захлопнула крышку ноутбука и сердито сверкнула глазами.

— Мари! Сколько можно тебя звать?

— Извини, мой хороший! Я тебя не слышала.

Я вскочила со стула и потянулась так, что хрустнули косточки, а затем обняла вампирскую родительницу и чмокнула её в щёку. Проверяя в каком она сегодня состоянии, я бросила на неё изучающий взгляд. Слава Всемогущему Ягуару! — тьфу! уже нахваталась словечек от Реази! — кажется, болезнь отступила, и Рени выглядела как обычно; конечно, если не замечать того, что она заметно похудела. Не дав разгуляться тревоге, я взяла её под руку, и мы заговорили о всякой ерунде.

Когда мы подошли к лестнице, я притормозила и глянула вниз, но не почувствовала опасности, хотя на бессознательном уровне вроде бы и должно было прийти предупреждение, но на нет и суда нет.

Отец и Ник уже сидели за столом, но при нашем появлении оба встали. Вот что значит хорошее воспитание! У некоторых оно забито в подкорку, так что они даже не думают, совершая нужные действия.

Придерживая подол несуществующего платья, я с видом королевы опустила на отодвинутый стул, но затем не удержалась и прильнула щекой к плечу Мика.

— *Rara*, ты у нас настоящий джентльмен, — пропела я и весело прищурилась. — Или теперь мне называть тебя дедом?

— Ну, даже не знаю, — призадумался Мика. — Детка, давай уж оставим всё, как есть: во избежание путаницы, — сказал он, и у меня потеплело на душе.

Вот дурочка! С чего я решила, что он выгонит меня из дома, когда... Спohватившись, я запретила себе думать о том, о чём подумала, и потянулась к блюду с круассанами. Мурр! Теперь понятно, откуда у нас с Миком общая любовь к ним. Нет, всё же хорошо иметь кровных родственников! Тут Рени протянула мне вчерашний напёрсток с кофе, и я вздохнула. Конечно, есть некоторые кровники, которых очень хочется прихлопнуть чем-нибудь тяжёлым, но, с другой стороны, они же не виноваты, что уродились такими урод...

Поймав многообещающий взгляд Ника, сидящего напротив, я поняла, что вот-вот заработаю ментальную оплеуху.

— Реази, будь добр, передай мне апельсиновый джем, — попросила я тоном благовоспитанной барышни и, получив требуемое, не менее благовоспитанно улыбнулась.

В конце концов, как говорит Рени, мы тоже не лыком шиты и ежели чего тоже можем со всем великосветским достоинством отхлестать по мордам...

Вот нет, заводиться больше не нужно! Я подавила проснувшееся раздражение и вопросительно посмотрела на Ника.

— Слушай, ты сказал, что Коалиция Священных королевств запретила клонирование из-за проблем с наследованием. Дети, которые были старше клона, не хотели признавать его отцовских прав. Думаю, ты сам догадываешься, к чему я веду. В принципе, у вас с Микой та же ситуация, — я посмотрела на мужчин, глядящих на меня с одинаково неодобрительным видом. — Да-да, я лезу не в своё дело... Между прочим, почему это не в своё? Очень даже в своё! Зная, какие вы оба редкостные поганцы... — я замахала руками. — Нет-нет, прошу прощения за неполиткорректное высказывание, так что давайте без репрессий! Тем не менее вам никуда не деться от этой проблемы, поэтому будет лучше, если вы сразу всё решите и не будете третировать друг друга.

Мика так долго смотрел на меня, что я даже занервничала. «Прости, *papa*, но я её дочь и от этого никуда не деться», — мысленно сказала я, зная, о ком он думает. Мика грустновато улыбнулся: «Детка, не нужно беспокоиться, тебя это никак не касается. И вообще, что было, то быльём поросло».

— В общем-то, Мари права. Нам нужно утрясти не столько вопрос с родством, сколько с управлением, — сказал он вслух.

— Можешь не волноваться, — Ник поднял голову и прямо глянул на того, кто был клоном его родного отца. — Ничего не изменилось с той поры, когда я сказал тебе, что больше не буду вмешиваться в дела вампиров.

Мика с сомнением покачал головой.

— Вряд ли нам удастся сохранить прежнее статус-кво. Это только вопрос времени, когда станет известно, что ты Старейший.

— Не о чем здесь думать! — вмешалась Рени. — Это семейное дело, а не политики.

— Семейное дело? — Мика с недоумением посмотрел на неё.

— Естественно, — усмехнулась моя вампирская матушка. — Ник член нашей семьи...

— Нет! — дружно воскликнули мы с отцом.

— Да! — твёрдо сказала Рени. — И чтобы привыкнуть, он будет жить у нас.

— Тогда я в пустыню, ближайшей лошадью, — сообщила я и, приподнявшись, протянула ей свою пустую чашку. — Если только ты подкупишь меня ещё одной порцией кофе.

— Вымогательница! — фыркнула Рени, но всё же поддалась на мою угрозу.

Довольная как удав я села на место. Хоть какой-то толк от этого паразита. Вот чего он снова пырится на меня? Сегодня я при полном параде, даже губы нарисовала, так что нечего кривить мне недовольные мины.

Проверяя впечатление от маминых слов, я посмотрела на отца. Он сидел с непроницаемым выражением на лице. Похоже, её идея пришлась ему не по душе. С другой стороны, куда он денется? Когда дело касалось семейных вопросов, то как Рени решила, так оно и будет. Я уже как-то говорила, если она что-нибудь вобьёт себе в голову, то отвлечь её от задуманного практически невозможно. В настойчивости достижения поставленной цели Терминатор по сравнению с ней жалкий имитатор. Если бы он напоролся на мою вампирскую матушку, она бы с ходу поставила на нём крест, из его же собственного квазикристаллического скелета.

Кстати, о Терминаторе из далекого прошлого. Я перевела взгляд на Ника. Судя по хмурому выражению на физиономии, он тоже не в восторге от идеи Рени. Представив, что меня ждёт, когда в доме будут находиться эти два подарка, да ещё с открытым ментальным полем во время расслабона, я невольно вздохнула. Это значило, что лично мне придётся безвылазно сидеть за ментальным щитом, чтобы уберечь себя от постоянной головной боли. «Реази, ты меня знаешь, лучше сразу откажись, — мысленно возвала я к нему. — Это тебе не в патруле, дома я тебе сама пропишу столько штрафных часов, что мало не покажется. Ну, конечно, я уже вся дрожу от страха!» — фыркнула я, когда он бросил на меня свой коронный мрачный взгляд.

Не ответив мне, Ник пытливо посмотрел на отца, но тот сделал вид, что не замечает его взгляда. Я победно хмыкнула. «Так тебе и надо! Думал Мика примет тебя с распростёртыми объятиями? А вот фиг!»

Поскольку процесс ратификации внесения Ника в семейный реестр приобрёл затяжной характер, Рени перешла к действиям. Взяв кофейник, она встала и подойдя к отцу, наклонилась, чтобы его поцеловать. И тут произошло нечто странное — на её лице промелькнула столь дикая ярость, что у меня возникло желание протереть глаза. Может, показалось?

Мама с обычной нежностью поцеловала отца и поставила перед ним чашку с кофе.

— Мой ангел, хватит уже отмалчиваться! Почему ты не хочешь признать мальчика членом нашей семьи? — промурлыкала она, обихаживая нашего капризулю.

Нет, всё-таки мне не показалось, Рени нервничала. Когда она вот так, не контролируя себя, сплетала и расплетала пальцы, это говорило о крайней степени расстройства. Да и во взгляде, устремлённом на отца, сверкали нешуточные искорки гнева. Ник хотел что-то возразить, но Рени не дала ему сказать.

— Подожди, милый, не вмешивайся. Сейчас мы уладим кое-какие семейные дела, и ты ответишь, согласен или нет поселиться у нас на правах близкого родственника. Хорошо? — властно сказала она и, обращаясь к отцу, добавила с непонятной яростью: — В чем проблема, дорогой? Между прочим, по крови мальчик приходится тебе родным сыном. Такое среди вампиров встречается не часто и другие на всё идут, чтобы занять хотя бы отдаленных кровных родственников. Почему Ник, имея родной дом и близких людей, должен обретаться в одиночестве?

В голосе Рени слышалось раздражение, которое никак не вязалось с поднятой темой. What is it? Я с недоумением посмотрела на Мика. Плохо дело! Внешне он держался невозмутимо, но по некоторым признакам чувствовалось, что он действительно виноват.

Merde! Я расстроилась, предчувствуя бурю.

Н-да, что-то отец совсем не в форме! Он никогда не увиливал от проблем, но сейчас, не реагируя на слова мамы, он пригубил кофе, и взялся просматривать прессу. Вот ведь! Ничего умней придумать не мог?! Короче, атмосфера за столом совсем накалилась.

Наконец, Мика не выдержал.

— Кошка, ты соображаешь, что несёшь? Я же младше Старейшего по возрасту, — сдержанно проговорил он и бросил неприязненный взгляд на виновника домашнего скандала.

Ник сделал вид, что его это не касается, зато Рени сразу же перешла в наступление.

— Глупости! В любом случае, ты биологическая копия его отца, поэтому нечего увиливать от ответственности.

— Ничем не подтверждённое утверждение, — проворчал Мика.

— Да? А в зеркало ты давно заглядывал? — усмехнулась Рени.

— Это не доказательство.

— Не будь смешным! Ты прекрасно знаешь, что всё рассказанное мальчиком, чистая правда.

— Предположим, но это ничего не меняет.

Великий вождь всё сказал и вновь потянулся к ноуту, но тут уж не выдержал Ник:

— Согласен. Это ничего не меняет.

Рени хотела было возразить, но на этот раз он не дал себя перебить.

— Подождите, мадам! Я ценю ваш душевный порыв, но вы кое-что упускаете из виду.

Это Михаэль обязан мне своим появлением на свет. Так что в нашем случае вопрос первородства — крайне спорный вопрос, — проговорил он со скрытым раздражением.

О, кажется, наш мистер Совершенство разозлился не на шутку! Даст бог, вдвоём они одолеют Рени, понадеялась я.

Увы, моим надеждам было не суждено сбыться. Когда моя вампирская матушка упирается рогом, никакой бог не поможет.

— Вы оба принадлежите к древней цивилизации. К тому же у нас не было подобных прецедентов, поэтому будет правильным применить к вам законодательство Ареи. Милый, так что ты говорил о правах клонов в вашем обществе? — вкрадчиво пропела Рени.

— Они наследуют права оригинала, — нехотя признался Ник.

— Кошка, мы сейчас не на Арее, — заметил Мика.

Со стороны казалось, что он полностью поглощён своими делами, но это была фикция. Как пресловутый Гай Юлий Цезарь он мог одновременно читать, слушать и отдавать распоряжения, причём по совершенно разным вопросам.

— И вообще, я вам не овечка Долли, — добавил он с некоторой обидой в голосе.

В воображении тут же возник круторогий клыкастый баран, чёрный и красноглазый, во главе стада таких же кровожадных овечек. Мика бросил на меня укоризненный взгляд и я, не удержавшись, засмеялась. «Поросёнок!» — улыбнулась Рени и даже у Ника дёрнулись уголки губ, но он тут же напустил на себя неприступный вид. Ах, так? Я представила мостик и двух баранов, которые упёрлись лбами и злобно сверкают глазами, не желая уступать друг другу дорогу. Отступление, разбег. Удар! Ещё удар! И бултых в пропасть.

— Вот именно, ведёте себя как два упрямых барана, хотя дело не стоит выеденного яйца, — заявила Рени и повернулась к Нику, сидящему рядом с ней. — Милый, как бы ты ни упирался, биологически Мика твой отец.

Но бараны так просто не сдаются.

— Клон отца, — уточнил Ник. — Кроме внешней формы, Михаэль не имеет ничего общего с раем Таятаном. К тому же ментально он куда слабей чем отец.

— Это имеет для тебя значение?

— Да!

— Предположим, с раем Таятаном случилось бы несчастье, и он стал слабей котёнка, — гнула Рени свою линию. — Разве тогда он потерял бы право быть твоим отцом?

— Мой отец не потерпел бы такого! — воскликнул Ник.

— Я спрашиваю не об этом, — стояла Рени на своём. — Ответь, лишился бы рай Таятан в твоих глазах отцовских прав и уважения?

— Нет, — буркнул Ник, прижатый к стенке.

— Тогда ответь, может быть, Мика таков, что не заслуживает твоего уважения?

— Он многое сделал для своего народа, — последовал расплывчатый ответ.

— Для нашего народа, — поправила Рени. — Милый, если эрейское право говорит, что Мика тебе отец и сам ты хорошо к нему относишься... не спорь, я это вижу! то я не понимаю, в чём тогда проблема! — воскликнула она и Ник покачал головой.

— Мадам, проблема не во мне, а в вашем муже. Извините, но я, пожалуй, пойду.

Ник встал, собираясь уйти, но Мика наконец-то оторвался от своих дел и поднял на него глаза.

— Понимаю, тебе неприятен этот разговор, но нам действительно необходимо определиться со степенью родства, — проговорил он сдержанным тоном и на его лицо легла тень раздумья. — Никотан, думаю, это ты не можешь переступить через себя и признать во мне отца. Тем не менее это будет наилучшим выходом в данной ситуации.

— Прости, но я никогда...

— *Айе, райделин Никотан, афея наураэс лут катем дайс.*

Нужно было видеть лицо Ника, когда отец выдал эту фразу на непонятном языке. Это была какая-то дикая смесь радости, неверия и сумасшедшей надежды. Некоторое время он стоял столбом, а затем какой-то деревянной походкой подошёл к Мику и, опустившись на одно колено, коснулся губами его руки.

— *Айе, рай Таятан, аседа баркес тумада.*

В следующее мгновение он вылетел из кухни, и мы с Рени растеряно посмотрели ему вслед, а затем обе уставились на Мика.

— Это что было? — не выдержала я.

— Вот именно! Дорогой, что это было? — поддержала меня Рени.

— Ты же сама хотела, чтобы мальчишка стал частью нашей семьи, — ответил Мика с невозмутимой миной на лице.

— И что? — воскликнули мы хором с Рени.

— Девочки, я исполнил ваше желание. Так что хватит меня пытаться, у меня дел невпроворот. Мари, будь добра, скажи Нику, что в половине десятого я жду его у себя в кабинете. Детка, я всё вижу! Прекрати корчить злобные рожицы. Не нужно тратить моё время, доказывая обратное. Да, это было и твоё желание. Хочешь, чтобы я полностью озвучил твои мысли?

— Нет! — поспешно воскликнула я и, поблагодарив Рени за завтрак, побежала исполнять поручение отца.

Ненавижу телепатию! Повезло же людям. Ври сколько угодно, и никто ни о чём не догадается.

Вот так одним махом Мика усыновил самую легендарную личность в мире вампиров, и я уже всерьёз озаботилась проблемой выживания рядом с ними. Может, попросить их дома ставить ментальные щиты? Вот только чего-то совсем не хочется поднимать этот вопрос. Представляю, какую нотацию выдаст мне Мика, а о реакции Ника лучше вообще не думать. Как-то я уже имела глупость просить отца приглушить излучение поля в доме, на что он отреагировал крайне раздражённо, мол, некоторым поганкам неплохо иметь совесть. Если в более развёрнутом виде, то прозвучало это примерно так: «Нужно понимать, что старейшины тоже люди, и хотя бы дома они хотят расслабиться и отдохнуть». Я всё понимаю, но почему совесть должна быть только у меня? Они хоть представляют на что похоже нахождение с ними в одном доме? Это примерно то же самое, что жить в

трансформаторной будке.

— Эй! — я заглянула в комнату Ника. — Отец...

— Я знаю! — перебил он меня. — Передай, что я приду в десять.

— Тебе надо, ты и передавай! — возмутилась я.

— Мариэль!

— Чёрта с два! Я вам не девочка на побегушках! И вообще, мне пора собираться в пустыню.

— Тогда не забудь прихватить с собой вчерашнюю пижаму, — прилетело мне послание.

Я снова заглянула в комнату Ника. Интересно же, чем ему приглянулась моя попугайская одежда.

— Это ещё зачем? — небрежно спросила я.

— Тогда гадюки примут тебя за свою.

— Не улавливаю логики.

— Они подумают, что ты к ним с дружеским визитом из тропиков.

— А! — понимающе кивнула я и добавила: — Только, если ты согласишься мне своё ядовитое жало.

— Зачем тебе второе?

— Я запасливая.

Обменявшись ещё несколькими репликами в том же духе, я всё же отправилась к отцу и передала ему ответ Ника. Наш дуче кивнул с таким видом, будто уже знает о переносе времени встречи и мне очень захотелось пристукнуть обоих чем-нибудь тяжёлым. К счастью, мы, парламентарии, выдержанные товарищи и не злимся по пустякам. Короче, на что только не пойдёшь ради мира во всём мире, и, прежде всего, в собственной ячейке общества.

---

[1] Девиантное (от лат. *deviatio* — отклонение) — поведение, нарушающее социальные нормы определенного общества.

[2] Гиппокам — область в головном мозге, которая отвечает прежде всего за память, является частью лимбической системы, связан также с регуляцией эмоциональных ответов. Гиппокамп по форме напоминает морского конька, располагается во внутренней части височной области мозга. Гиппокамп является главным из отделов мозга по хранению долгосрочной информации.

ГЛАВА 33. Ревность с шантажом — крайне рискованное занятие

Следующим днём, когда мужчины собрались в штаб-квартиру, Рени проводила их до дверей. Перед уходом она поцеловала Ника и на его скулах проступил по-девичьи нежный румянец. Смущение придало ему особую человечность и даже некоторую незащищённость в глазах Рени, что вызвало в ней уже истинно материнские чувства к кровнику мужа. Поддавшись порыву, она заботливо поправила галстук юноши, хоть тот был идеально завязан, и придиричливо оглядела, как на нём сидит костюм.

Палевский вздохнул и с тяжёлым сердцем шагнул за порог. В отличие от Ника, его не удостоили даже взглядом, не говоря уж о поцелуе. Ощувив спиной гневный взгляд Рени, он внутренне поёжился, но выдержал характер и не обернулся. Рени злилась на него, и он снова терялся в догадках, не зная, как она догадалась об измене. В своих сотрудниках он был уверен, никто из них не проговорился бы о его делах — даже в мыслях.

Личный штат главы СС был подобран из тех, кто имел особые способности в области ментальной защиты. Может быть, они были не такие выдающиеся, как у шефа СБ, но прорваться через блокировку тех, кто непосредственно служил Палевскому, не могли даже самые сильные из старейшин. Поэтому оставался лишь один вариант, а именно, Рени узнала всё сама. И это было уже не в первый раз, когда она каким-то непостижимым образом узнавала о его загуле на сторону.

Скандалы у них случались, и Палевскому они даже чем-то нравились. «Кошка ревнует, значит, любит», — говорил он Штейну. К тому же у него всегда была отмазка. Когда женщины слишком сильно на него напирали, он вздыхал и говорил, что у него ревнивая жена, к тому же спецназовка, и он не хочет однажды проснуться с перерезанным горлом.

В тех редких случаях, когда Палевский не мог устоять и Рени при помощи своего внутреннего детектора узнавала, что он действительно ей изменил, тогда начиналось страшное. Она не скандалила, она методично изводила его тем, что днём превращалась в идеальную жену, а ближе к вечеру исчезала и тогда уже он умирал от ревности, не зная, где она и с кем. Палевский поднимал на ноги кучу народа, но никто из его ищеек так и не сумел вычислить тайное логово Рени. Всё же она не зря числилась у Штейна одной из лучших сотрудниц.

Так длилось около двух недель, а затем всё снова приходило в норму. Как ни в чём не бывало Рени возвращалась на супружеское ложе и устраивала ему такой чувственный фейерверк, что куда там последователям Камасутры! Наутро, придя в себя, Палевский был готов придушить жену, но злость быстро таяла, и впредь он зарекался давать ей повод для ревности.

На этот раз всё было по-другому. Рени не уходила по ночам, как поначалу он опасался. Она перенесла всё своё внимание на Ника и Мари, и в упор не замечала его. Это оказалось не менее болезненно. Он уже не знал, что хуже: предполагаемые загулы жены с гарантированным прощением или открытая демонстрация равнодушия с полной неизвестностью, что будет дальше.

Огорчённый домашними неурядицами Палевский настолько ушёл в себя, что впервые в жизни не услышал, что ему говорят.

— Что ты сказал? — спросил он, преодолев самолюбие.

— Я сказал, что Рени очень тебя любит и я не понимаю, как ты мог ей изменить, да ещё с таким ничтожеством, как человеческая девчонка.

— Не лезь не в своё дело.

Ник пожал плечами и внутренне усмехнулся: «Я-то не полезу, а вот за Рени поручиться не могу».

***

Оставшись одна в прихожей, Рени села на диванчик, пережидая приступ слабости.

Неожиданное пополнение в семье её радовало. Она не забывала, кто такой Ник, но он ей нравился чисто по-человечески. Возможно, потому что это было обоюдное чувство, заметное по тому, как он был внимателен и прислушивался к её советам. К тому же она не сомневалась в том, что Старейший на самом деле молод. Конечно, не настолько, как он выглядел, но уж точно не законсервированный тысячелетний старец, чьи чувства давным-давно перегорели и это скорее биоробот, чем живой человек.

Припомнив, как Ник засмутился от её внимания, Рени тепло улыбнулась. «Хорошо, что Мари сейчас его не видит, а то не обошлось бы без ехидных комментариев. И чего она так взъелась на бедного мальчика? Вчера весь вечер изводила его и так достала, что по всему чувствовалось, что он готов прибить её на месте. И в кого только она такая язва?» — вздохнула она, стараясь не думать о муже. Вот только он был не из тех, кто даёт забыть о себе.

Мысли Рени переключились на мужа, и были они невесёлыми. Она действительно могла определить, когда он ей изменял и в этом не было ничего сверхъестественного, его выдавало чувство вины, которое для неё было так же ясно, как следы чужой помады. По возвращении Палевского от Лизы она сразу же поняла, что он с кем-то переспал, и с той поры её с невероятной силой терзала ревность.

«Вот тебе и вся любовь! Одна болтовня, за которой нет ни грамма истинного чувства», — горестно подумала Рени. Муки уязвлённой гордости не давали ей дышать и решение, как всегда, пришло внезапно. Она никогда не искала встреч со своими соперницами, считая это ниже своего достоинства, но в этот раз она вознамерилась изменить своему обыкновению. «Ну нет, мой ангел! Если уж пошла такая пьянка, то не мне одной получать в пиру похмелье. Просто так я это дело не оставлю. На этот раз я хочу знать, на кого ты меня променял», — прошипела она и её глаза загорелись фосфорическим блеском.

Обдумывая детали предстоящей операции, она вскочила и заходила по холлу. Вскоре план действий был готов, и на её лице появилось отстранённое выражение.

Неожиданно Рени упала духом. Снова забравшись с ногами на полосатый диванчик, она прислонилась спиной к мощному стволу комнатной пальмы. «Стоит ли? — засомневалась она. — Вдруг соперница окажется лучше и Мика действительно к ней не равнодушен? С чем же я тогда останусь?.. Господи, одни только вопросы и никаких ответов! — горько подумала она. Но привычка к дисциплине позволила ей подавить ненужные эмоции. «Нечего раскисать, дорогуша! Забыла свой девиз? “Всё или ничего!” Решение принято, назад пути нет. Как говорили предки, за нами Москва. Подъём!»

На втором этаже Рени зашла в гардеробную и придирчиво осмотрела свои наряды. «Нужно быть во всеоружии, чтобы выбить из Томаса необходимую информацию, — она насмешливо фыркнула. — Не знаю, как он относится к остальной половине, но женщин точно не пропускает при каждом удобном случае. Другое дело, что при этом он бежит от

брака, как чёрт от ладана».

После некоторых размышлений она остановилась на шёлковом костюме от известного модельера, заказанный и сшитый по её меркам. Одев его, Рени посмотрела на себя в зеркало и решила, что выглядит одновременно строго и сексапильно. «Отлично!» — она села за старинный театральный трельяж и, включив его подсветку, тщательно нанесла макияж.

По окончании сборов Рени ещё раз придирчиво осмотрела себя в зеркале и пришла к выводу, что находится в полной боеготовности. Направляясь к Штейну, она хотела проверить одно своё предположение, а во-вторых, нуждалась в его помощи, как шефа СБ. Правда, чтобы ею воспользоваться, ей нужно было пережить посещение его кабинета. Слишком уж рискованный способ она выбрала, чтобы надавить на него. Перед выходом из дома Рени ещё раз проверила пистолет.

***

Спустя некоторое время в кабинете Штейна раздалась мелодичная трель, и он с досадой посмотрел на мигающий селектор.

— Hol's der Teufel! Я же просил меня не беспокоить! — с досадой рявкнул он на секретаршу и, выслушав её объяснения, неохотно произнес: — Извини за ор и спасибо за напоминание. Прими посетительницу, но сразу не запускай в кабинет. Я скоро закончу, а ты пока организуй приём на высшем уровне. Эй, Марта, и чтоб без этих ваших бабских глупостей! Поняла?

Получившая не совсем обычное распоряжение начальства, девушка во все глаза уставилась на незнакомку, появившуюся на пороге приемной. Изящная невысокая брюнетка в строгом тёмно-зелёном костюме оказалась потрясающе красива и излучала ощутимую ауру власти. В Марте вспыхнула ревность, но она не могла не признать красоту незнакомки, и мстительно подумала, что та чересчур тоща. Поймав недоумевающий взгляд тёмных глаз, девушка опомнилась и вскочила из-за стола. Она чопорно кивнула, приветствуя посетительницу.

— Простите, фрау, но герр Штейн ещё занят. Не могли бы вы немного подождать?.. Присаживайтесь, пожалуйста! Если хотите, я принесу что-нибудь из напитков.

Любезный тон её не обманул, Рени внимательно оглядела красивую блондинку с холодными голубыми глазами и понимающе усмехнулась. Оставаясь в рамках вежливости, секретарша, тем не менее ясно давала понять, кто здесь главный.

— Не утруждайтесь, милая. Я не нуждаюсь в ваших услугах.

— Что ж, ваша воля. Не смею вас принуждать.

Судя по обиженному тону, секретарша Штейна уловила оскорбительное высокомерие, прозвучавшее в её словах, и Рени упрекнула себя за заносчивость. В душе она жалела девушку — слишком уж та была уязвима из-за своей любви. «Дурочка! Зря ты на что-то надеешься. Лучше бежала бы отсюда пока не поздно. Ведь не зря к твоему обожаемому шефу приклеилась кличка Ледяной тигр. Со временем Томас выпотрошит тебя до доньшка, а затем выбросит за ненадобностью, — подумала Рени, глядя на склонённую головку с идеальным пробором в белокурых волосах, и досадливо нахмурилась. — Нашла о ком переживать! Тут бы со своими бы делами разобраться. Кстати, чего я зря теряю время? Очевидно же, что из-за своей ревности эта дурочка продержит меня в приёмной до морковкина заговенья, да и Томас наверняка не горит желанием встретиться со мной. Ну-ну! Если гора не идет к Магомету...»

Встав с мягкого кожаного дивана, чья низкая посадка максимально затрудняла подъём

посетителей, Рени направилась к кабинету Штейна, и секретарша с не менее решительным выражением на лице бросилась ей наперерез.

— Остановитесь, фрау! Герр Штейн не вызывал вас!

— Понимаю ваше беспокойство, милейшая мадмуазель, но Томас обещал принять меня без промедления. Хочет он того или нет, но он сдержит своё слово.

Невзирая на бурные протесты девушки, Рени распахнула двери и заглянула в кабинет.

— Привет, затворник! Вижу, чтобы отбиться от нежелательных посетителей, ты обзавёлся свирепой стражей. Только у твоей белой медведицы кишка слабовата против меня, — заметила она, насмешливо глянув на раздосадованную девушку.

Рени переступила порог кабинета и удивлённо приподняла бровь.

— Что-то я не вижу других посетителей, так какого чёрта ты держишь меня за дверью?

— Здравствуй, — буркнул недовольный Штейн. — Извини за задержку. Не сердись на Марту, она не виновата. Это я приказал немного придержать тебя. Думал, что успею побыстрому разделаться с одним неприятным делом, — он поднялся с места, не выпуская из рук документы. — Кофе хочешь? Сейчас я распоржусь и...

— Нет уж, спасибо! Сыта по горло гостеприимством твоей секретарши, — перебила его Рени. — Предлагаю без промедления приступить к делу. Кстати, заранее предупреждаю, оно не из приятных.

Подойдя к камину, Штейн в качестве молчаливого приглашения отодвинул уютное кресло.

— У меня есть встречное предложение. Давай не будем гнать коней. Ведь мы друзья и давно не беседовали за жизнь, — в его голосе прозвучали миролюбивые нотки, хотя было заметно, что он недоволен визитом жены Палевского.

— Томас, мне некогда играть в кошки-мышки. Слишком мало времени в моём распоряжении.

Рени прошла мимо Штейна, и опустилась в кресло у стола для совещаний. Вздохнув, он вернулся в рабочее кресло и с сосредоточенным видом снова взялся изучать документы.

В кабинете повисло неловкое молчание. Время шло, а он упорно не поднимал глаз.

Видя такое дело, Рени зловеще усмехнулась и с грохотом отъехала на своём кресле. Она положила ногу на ногу и на её лице появилось укоризненное выражение.

— Как это по-детски, Том! — проговорила она тоном строгой мамочки и покачала головой. — Ведь ты же знаешь, зачем я пришла, потому крайне глупо с твоей стороны — пытаться отмолчаться. Ну, милый, я жду! Не испытывай моё терпение.

— Hol's der Teufel! Рени, но нельзя же так! Что ты прёшь на меня как танк? — прорычал Штейн и швырнул папку на стол. По нему было видно, что он готов вспылить, но сдерживается. — Извини, но я не могу пойти на предательство по отношению к Мику. И к тому же это ваше личное дело. Зачем ты вмешиваешь в него безопасность? — он исподлобья глянул на гостью, и на его лице появилось бесстрастное выражение. — В общем, я уже всё решил и даже не проси.

— Видишь ли, дело в том, что я обращаюсь не к главе СБ, а к своему давнему другу. Ведь это так? Я права? — холодно сказала Рени. Вопреки произнесённым словам, тон её речи был далеко не дружеским. — Или ты давний и преданный друг только моему мужу? — напружинившись, она впиалась взглядом в хмурое лицо. — Что, Томас, только Мика имеет для тебя значение? Только ему, без остатка, принадлежат твоя любовь и преданность? — требовательно проговорила она.

Последние слова Палевская явно подчеркнула, придавая им особое значение, и на лице Штейна промелькнуло озадаченное выражение. Вдобавок она была слишком серьёзна и разговаривала с ним как коллега по работе. «Скорей уж как противник, вооружённый до зубов», — угрюмо подумал он и, насторожившись, слегка подался вперед.

— Ты это на что намекаешь, Запятая? — спросил он, подозрительно глядя на Палевскую сузившимися глазами.

Вспомнив по старому опыту, что переход шефа СБ на кодовое имя агента не сулит ничего хорошего, Рени подобралась, готовясь к неприятностям.

— Томас, не прикидывайся! Ты всё прекрасно понимаешь, о чём это я, — проговорила она, уже жалея, что подняла неприятную и крайне скользкую тему.

Как только до Штейна дошел смысл сказанного, его лицо исказилось мгновенной вспышкой ярости.

— Das ist ja unerhört! — потрясённо воскликнул он.

Серые глаза, отливающие серебром, излучали смертельный холод и Рени, заметив, что рука Штейна переместилась к ящику письменного стола, напряжённо улыбнулась и стиснула в пальцах рукоять пистолета, лежащего в сумочке.

— Не глупи, Томас! Не делай того, о чём потом пожалеешь, — проговорила она ровным тоном, не спуская глаз с разъярённого шефа СБ, а затем в установившейся мёртвой тишине громко щёлкнул замочек закрывшийся сумочки.

Это был очень рискованный момент, но Штейн удержался от выстрела, и Рени продемонстрировала ему пустые руки.

— Прости! Я не за этим пришла к тебе, — она откинулась на спинку кресла и, коснувшись затылком мягкого изголовья, с усталым видом прикрыла глаза.

Спустя некоторое время она выпрямилась и прямо глянула в застывшее лицо Штейна.

— Томас!.. Неужели это так трудно понять? — в её тихом голосе зазвучали тоскливые нотки. — В конце концов, я прошу о такой малости. Всё что мне нужно это адрес девушки.

Это был крик души, который заставил его опомниться. Штейн вернул оружие на место и демонстративно положил руки на стол. Для верности, он сцепил их в замок и костяшки его пальцев побелели.

В течение бесконечно долгого времени, как показалось Рени, он смотрел на неё тяжёлым холодным взглядом и она, невзирая на всю свою спецназовскую закалку, внутренне поёжилась, но продолжала держаться так, будто она здесь хозяйка положения.

Несмотря на все его старания, на прекрасном лице не отразилось ни малейшего волнения, и Штейн сдался. Такое самообладание многого стоило, и он поневоле восхитился мужеством Рени. «Недаром Кошка считалась одним из лучших полевых агентов. Жаль, что болезнь заставила её уйти от нас», — подумал он и, придя в себя, с усталым видом помассировал виски.

— Хорошо! Если ты так просишь, я дам тебе этот чёртов адрес, но вся ответственность за последствия лежит на тебе, — он недобро глянул на Рени. — И учти на будущее, шантаж главы СБ, это далеко небезопасное занятие, даже для тебя.

Внезапно Штейн осознал, насколько был близок к её убийству и его охватил запоздалый страх.

— Mein Gott! — простонал он, вцепившись в волосы. — Иванова, мать твою! Ты хоть понимаешь, что я чуть было не всадил тебе пулю в лоб? Да что с тобой, душой набитой, разговаривать! Только пустое сотрясение воздуха!

Ругаясь на чём свет стоит, он вскочил и заметался по кабинету.

Рени терпеливо слушала истерику главы СБ и, когда он начал повторяться, она заёрзала на месте. Заметив это, Штейн замолчал на полуслове и, бросившись в кресло, швырнул в её сторону заготовленную записку.

— Пошла вон! — рыкнул он без особого накала в голосе.

Рени ещё в полёте перехватила драгоценную бумажку и, спрятав её в сумочку, направилась к выходу. Но на полпути она вернулась. Штейн подался было назад, разгадав её намерение, но она опередила его и, обхватив лицо упряма ладонями, притянула к себе его голову и поцеловала прямо в губы.

— Спасибо! Томас, ты настоящий друг, — растроганно проговорила Рени и виновато добавила: — Прости! Поверь, я никогда бы не пошла на такую низость, если бы ни крайняя нужда. И да, если больше не захочешь меня видеть, у меня к тебе просьба, поддержи Мику, когда меня не станет. Хорошо? Пожалуйста, будь верен ему до конца.

В глазах Штейна окончательно погас опасный серебряный огонь. Чувствуя себя виноватым, он не выдержал. Порывисто прижав к себе приятельницу, он чмокнул её в макушку.

— Дура ты, Рени, — произнес он снисходительным тоном. — Знаю, все вы бабы со сдвигом, и мозги у вас набекрень, но до сих пор вы удивляете меня своими дурацкими выходками, — на его лице промелькнула быстрая улыбка. — Но Мике можно только позавидовать: ему повезло с тобой. Даже не знаю, кого я больше из вас люблю, но почему-то кажется что тебя, дорогая.

— Но-но! Не увлекайся! — воскликнула Рени. С трудом вырвавшись из пылких объятий Штейна, она притворно вздохнула: — Дорогой, поезд уже ушёл. Раньше нужно было думать. Как и все остальные девчонки из спецназа, я отдала дань увлечению тобой. Теперь побереги своё верное сердце для другой, — она положила ладонь на его грудь. Ощувив ровные толчки надёжного вампирского сердца, она грустно улыбнулась. — Только обещай мне не выбрасывать старые привязанности. Хорошо?

— Не беспокойся, всё будет хорошо... скажи, ты на меня не сердишься? — обеспокоенно спросил Штейн.

— О нет! Не сержусь ни за первое, ни за второе, — Рени слегка усмехнулась. — Особенно второе было глупо с твоей стороны, но мужчинам свойственно размахивать оружием. Ладно, Томас, даст Бог, ещё увидимся, — прощаясь, она легонько провела ладонью по его щеке и исчезла за дверью.

Штейн закрыл глаза, и некоторое время сидел в оцепенении, прислушиваясь к затихающему стаккато лёгких каблучков. Затем он вскочил с кресла и, схватив стеклянную безделушку со стола, что есть силы швырнул её в стену. Раздался жалобный звон стекла, и во все стороны брызнули блестящие осколки. Один из них рикошетом отлетел в его сторону, и задел по щеке. Из глубокого пореза потекла обильная алая струйка, но царапина тут же затянулась.

«Идиотки! Все бабы как есть идиотки! Даже самые лучшие из них... Нет! Ну, надо же было додуматься до такой чуши! Я уж было подумал, что она осознала ошибку, но нет. Хладнокровная дрянь! Нужно было пристрелить её под горячую руку. Всё равно семь бед — один ответ, — Штейн яростно заметался по кабинету. — Дожил! Меня во многом обвиняли, но до такого ещё никто не додумался. Здорово! Оказывается, я ещё и педераст!.. И самое обидное, что это сказала распроклятая девчонка, к которой я действительно испытывал

нечто похожее на любовь».

С расстройства Штейн вытащил «Столичную» и налил себе полный стакан водки. Проглотив обжигающе холодную жидкость, он одобрительно крякнул и потянулся к салатнику с хрусткими солёными огурцами. Когда внутри разлилось тепло, он закурил. Под действием только что состоявшегося разговора в его голову полезли давние воспоминания и, в частности, о том, как он впервые встретился с Палевским. Не подозревая о том, Рени ударила его в самое больное место.

Чёрное ожерелье

— *И унёс серый волк царевну за леса и доли, прямиком в тридевятое царство, тридесятое государство и стали они там жить-поживать да добра наживать...*

— *Бабушка, а у них были детки?*

— *Ну, конечно же, внучек. Иначе откуда взялись бы оборотни?*

Антология вампирских детских сказок

ГЛАВА 34. Жизнь иногда бывает невыносимо подлой, главное — не сломаться

Вампирская база в самом начале двадцатого века ещё не имела единого руководства. Старейший по своим соображениям почти не вмешивался в её внутреннее управление, если дело не касалось его генетических экспериментов или контактов с внешним миром. Потому внутренняя жизнь вампирской базы протекала хаотично, разбитая на зоны влияния отдельных групп или даже банд. Поэтому под главенством лидеров на ней сложились самые разные порядки — от вполне демократических до самой жестокой тирании и между ними полный набор промежуточных режимов.

Белокурый мальчик-феникс, красивый как ангел, оказался сразу же замечен вампирами в одном из глухих сел в Европе. Но Томасу не повезло — он угодил в одну из самых жестоких банд. Похитители сразу же его инициировали, хотя в то время ему не исполнилось десяти лет. Причиной послужило то, что он приглянулся вожаку банды, предпочитавшему однополые связи, причём только со своими сородичами. Очнувшись после инициации, по отдельным фразам бандитов Томас узнал, что выжил только чудом, о чём впоследствии ещё не раз пожалел.

Вспоминая прошлое, Штейн и сейчас болезненно поморщился, жалея, что не может ещё раз собственноручно прикончить всех тех сволочей, которые безнаказанно издевались над ним в его вампирском детстве. Пабло, главарь банды в чью безраздельную собственность он перешёл, помимо всего прочего оказался садистом. На первых порах, не выдержав ужасов подневольной жизни, мальчик частенько сбегал, но скрыться от банды было невозможно. При помощи ментала Пабло легко вычислял его местонахождение через ноосферу, а найдя, в наказание отдавал его ближайшим поделникам. Он знал, что таким образом больше всего унизит гордого мальчишку, дух которого он никак не мог сломить, несмотря на жестокие побои.

Поскольку ментал был его единственной защитой, Томас быстро научился с ним управляться. Уникальные способности позволили ему создать совершенно непробиваемый мыслешит, наличие которого он маскировал внешними мыслями-обманками.

Теперь мальчик мог защитить свой внутренний мир, но ему по-прежнему приходилось терпеть издевательства бандитов. Для своего возраста он был рослым и сильным и дрался как одержимый, но тем хуже было для него. Чем ожесточённей он сопротивлялся, тем сильнее ему доставалось. Тогда Томас сменил тактику.

Древний принцип «разделяй и властвуй» действовал безотказно, а умный мальчишка становился всё хитрей и изворотливей. Явных дураков Старейший уничтожал, но слабости делают даже умников дураками, особенно когда есть тот, кто их подмечает и использует в своих целях.

Освоившись в новой для себя среде, Томас начал стравливать бандитов. Внутренние

разборки в банде становились всё ожесточённой и дело порой доходило до стрельбы, так что Пабло было чем заняться. Порой он не появлялся дома по несколько дней, а если заходил, то ненадолго и почти не обращал на него внимания, к великому облегчению мальчика.

Тем не менее Томас был предельно осторожен и лишний раз не рисковал, чтобы не попасться. Он вносил смуту в ряды бандитов только тогда, когда ему становилось совсем уж невмоготу. Тем более что Рубус, один из приближённых охранников Пабло, начал косо поглядывать на него. Это был мрачный неразговорчивый головорез, вдобавок умный и наблюдательный, к его досаде.

Вскоре охранник понял, кто является основной причиной ссор в банде и положил им конец. Проследив за мальчиком, он застал его за подготовкой очередной каверзы и до полусмерти избил. Тем не менее Рубус никому не рассказал о его проделках, иначе ему было бы не жить. Правда, Пабло, желая знать, кто так разукрасил Томаса, добавил ещё от себя, в результате чего он еле выжил.

В банде, состоящей только из мужчин далеко не все её члены, предпочитали однополые связи, поэтому гораздо больше было невольниц из числа вампирок. Совсем уж на рабском положении находились люди-ментальники. Их содержали в отдельном загоне, как скот. Более полугода непосильной работы, и изощренных издевательств никто из них не выдерживал. Зачастую ментальники сходили с ума или кончали жизнь самоубийством, видя, как их хозяева развлекаются. Невозможно остаться в здравом уме, видя, как живых людей используют в качестве мишени и на спор бросают в них ножи, или за малейшую провинность сдирают кожу.

Так что юные вампиры, по сравнению с ментальниками, находились в привилегированном положении, но и им приходилось несладко. Помимо сексуальных игрушек они служили своим хозяевам разменной монетой и даже своеобразной дичью. Чтобы банда не потеряла свирепость, обрастая ненужными сердечными привязанностями, вампирский молодняк частенько продавали с подпольного аукциона. Временами для развлечения Пабло устраивал охоту на двуногую дичь — в наказание тем членам банды, которые слишком привязывались к своим сексуальным игрушкам. Условия были таковы, что шансов на выживание почти не было. Как правило, выбранные жертвы погибали и зачастую от руки тех, кого они любили. Это была не жестокость, а своеобразный подарок — умереть, не мучаясь.

Убыль в рядах юных вампиров Пабло пополнял за счёт рейдов к соседям. Конечно, тех потеря молодняка не радовала, но до вооружённого конфликта дело обычно не доходило. Такое безрассудство сулило слишком много неприятностей. Свирепая, до зубов вооружённая и крайне мобильная банда Пабло обязательно нападала на смельчаков, пытающихся дать им отпор, и дело для них заканчивалось крайне плачевно. В лучшем случае бедолагам удавалось сразу же откупиться. Конечно, если было чем после учинённого погрома. В худшем — приходилось платить постоянную дань.

При всей своей свирепости бандиты редко убивали сородичей, дело было не в принципах и тем более не в уважении к себе подобным. Они боялись привлечь внимание Старейшего, который радикально подходил к решению проблем, мешающих нормальному течению эксперимента на базе, и безжалостно уничтожал виновников чрезмерной смуты.

Томас был одним из долгожителей среди невольников Пабло. Мальчик был слишком красив, и он никак не мог заставить себя расстаться с ним, хотя знал, что пора передать его другому или продать с аукциона. Несколько раз Пабло заносил его в списки и каждый раз

вычёркивал. При всей своей бесчеловечности он по-своему привязался к упрямому мальчишке и даже начал давать ему некоторые послабления, не обращая внимания на глухое недовольство остальных членов банды. В общем, он сам угодил в ту же ловушку, что и остальные, только не находилось желающих указать ему на это.

Незаурядная сила воли давала Томасу силы жить, но по истечении трёх невольничьих лет, будучи уже подростком, он твёрдо решил, что пора уходить за грань, раз уж нет другого выхода. Тем более что в последнее время разъярённый Пабло слишком часто вымещал на нём досаду за неудачные походы к соседям. Неожиданно те начали давать грамотный отпор и его банда, неся потери, каждый раз позорно бежала. Колотя мальчика, Пабло рычал, что не даст победить себя какой-то интеллигентской гниде, начитавшейся книг и теперь возомнившей себя великим полководцем. Вот только тот, кто ему противостоял, был не только из среды учёных, которых не разрешалось трогать, он был из числа неприкосновенных. Выступить против таких значило выступить против самого Старейшего, а это было заранее проигрышное дело. Как было уже не раз проверено, возмездие следовало незамедлительно и каждый раз с заранее известным результатом. Старейший полностью уничтожил провинившееся вампирское гнездо, как говорится, со всеми его чадами и домочадцами. Он не щадил никого — ни бандитов, ни их жертв.

После очередного поражения Пабло с горя напился и подзуживаемый Марком, отдал мальчика на поругание своим подельникам, хотя уже давно этого не делал. Отвыкший от коллективных изнасилований Томас дрался как одержимый. В результате его привязали и вволю поиздевались. Причём привычный к побоям, он куда болезненней воспринимал презрительные реплики Марка. Ведь он единственный из всех бандитов относился к нему более или менее по-человечески.

Это унижение послужило последней каплей. Уязвлённый до глубины души Томас поклялся умереть, но отомстить обидчикам.

На помощь ему пришёл счастливый случай.

В руки Марка попал русский пистолет ТТ. Оружие было из новоделов, к тому же его произвели в стране, где народ восстал и там творился полнейший бардак. После пристрелки в заброшенных катакомбах Марк заявил, что пистолет — полное дерьмо и вместе с коробкой патронов швырнул его в ближайшую расселину.

Дрожа от нетерпения Томас едва дождался ночи. Спустившись вниз, он отыскал пистолет и коробку с патронами, но она была пуста. К его радости, магазин пистолета оказался полон.

Оружие придало ему уверенности. И наконец день возмездия настал.

— Эй, сучонок, живо спускай штаны. Учти, тварь, будешь кочевряжиться, я так тебя отделаю, что мало не покажется, — лениво цедя слова проговорил Пабло. На ходу расстёгивая штаны, он направился к мальчику.

Томас замер, глядя на приближающегося насильника. Он знал, что в случае неудачи жить ему осталось считанные минуты, а затем с отчаянным воплем схватил пистолет и, забыв о намерении как можно дороже продать свою жизнь, выпустил всю обойму в ненавистное лицо.

Застигнутый врасплох Пабло всё же попытался увернуться, но судьба по-прежнему благоволила мальчику и одна из пуль угодила бандиту прямо в глаз.

Оглушённый от выстрелов Томас поначалу не понял, что произошло, а затем его затопила свирепая радость. Он победил, ненавистный враг был мёртв. С раскуроченной головой он

лежал на полу и его единственный глаз невидяще смотрел в потолок. Тут он увидел повисший член Пабло и это вызвало у него такое омерзение, что он схватил нож, но тут ворвались бандиты, привлечённые звуком выстрелов.

Первым в комнату влетел Марк. При виде мёртвого Пабло на его губах промелькнула удовлетворённая улыбка, и он обернулся к встревоженным бандитам. «Ша, парни! Как говорится, король умер, да здравствует король. Сами знаете, Пабло зациклился на любимчике Старейшего, а это чревато для нас большими неприятностями. Так что не вините подстилку, вините меня», — проговорил он, видя, что Рубус вознамерился пристрелить мальчика.

Марк был правой рукой Пабло. Поскольку ему никто не бросил вызов, его авторитет был неоспорим, а это значило, что его уже признали новым главарём банды. Охранник немного помедлил, а затем убрал оружие в кобуру. Марк одобрительно хлопнул его по плечу. «Ты прав, мой неразговорчивый друг! Мальчишка слишком хорош, чтобы вот так пускать его в расход. Верно, парни? — он подмигнул остальным. — Не знаю, как вы, а я соскучился по малышу. Да вы не бойтесь, я не Пабло, жадничать не буду. Подстилка, как положено, будет общей».

С этими словами Марк с плотоядной улыбкой на лице направился к мальчику.

Зная, что его ожидает, Томас подобрался в ожидании нападения. И оно не замедлило последовать. Для начала Марк ударил по нему из ментала, но пробить его щит оказалось ему не под силу, и он досадливо поморщился — это роняло его авторитет в глазах банды. Тогда он в несколько молниеносных прыжков загнал мальчишку в угол и тот, ощерившись как волчонок, наставил на него бесполезный пистолет.

— Стреляй, что ж ты медлишь? — издевательски сказал Марк и, подойдя вплотную, отобрал у него оружие. — Кретин! Думаешь, я считать не умею или не знаю, что в обойме ТТ было восемь патронов? — самодовольно добавил он, под хохот подельников.

Глаза мальчика наполнились слезами ярости. Свершившая месть потеряла для него всякий смысл, как только он понял, что его обманули и специально подставили под удар. Зная о его запредельной ненависти к хозяину, честолюбивый Марк его руками убрал соперника, к которому иначе не смог бы подобраться, — ведь Пабло обладал звериным чутьем на опасность.

«Какой же я дурак! Ну почему я не оставил хоть один патрон для себя? — тоскливо подумал Томас. — Нет, я больше не вынесу такой жизни! Я должен что-то сделать, чтобы вырваться из этого ада!» Выхватив припрятанный нож, он набросился на Марка. Но тот был хорошим бойцом и, перехватив его руку, выкрутил её так, что кость не выдержала и с хрустом сломалась.

Пока мальчик корчился от невыносимой боли, Марк схватил его за волосы и с восторгом взгляделся в искажённое мукой лицо. Ему до сих пор не верилось, что затея удалась и желанная добыча у него в руках. Конечно, его радовал пост главаря, но главной наградой был он, презренная подстилка Пабло.

Это было какое-то наваждение. Стоило Марку увидеть нового невольника Пабло и его охватила сильнейшая досада. Это был самый красивый мальчик, какого ему доводилось видеть, и он хотел иметь его в своём безраздельном пользовании.

Поначалу это было не так остро. Пабло уступал ему мальчика, но со временем он делал это всё реже и реже. Видя, что главарь злится, Марк уже не решался даже намекать, что пора бы передать его другому хозяину. Вот тогда и выяснилось, что тяга к юному невольнику это

не просто похоть, а нечто большее.

Несколько раз он делал осторожные попытки подкупить Томаса, но подарки ни к чему не привели. Не идя на сближение, мальчик с презрением отвергал все его подношения и в душе Марк был ему благодарен за то, что он не выдал его хозяину. Иначе быть бы ему дичью на очередной охоте: Пабло не прощал покушений на свою собственность. Вот поэтому, затеяв переворот в банде, он лелеял мечту не только вырвать власть у прежнего вожака, но и завладеть сказочно-красивым мальчишкой, обладание которым он ценил гораздо выше всех остальных унаследованных сокровищ.

— Наконец-то, гадёныш, ты полностью в моей власти, и я могу делать с тобой всё что захочу, — сказал он торжествующе и, запрокинув голову мальчика, впился страстным поцелуем в нежные губы, так давно манящие его.

Неожиданно мальчик обмяк в его руках и, обняв, приник к нему всем телом. Марк принял его покорность за капитуляцию и, победно улыбнувшись, стал судорожно расстёгивать штаны.

— Правильно, щенок! Если и дальше будешь умницей, то не прогадаешь. Сумеешь мне угодить, и я вознагражу тебя по-королевски. Будешь и дальше жить припеваючи, не хуже, чем у Пабло, — пробормотал он и, стиснув зубы, застонал от сжигающего его сексуального позыва.

— Не торопись, мой дорогой, — подняв голову, пропел мальчик, ещё плотнее прижимаясь к опешившему Марко. — Ведь теперь ты мой хозяин и у нас в запасе масса времени. Пабло больше не в силах нам помешать, так к чему такая спешка? Пойми, любить нужно не спеша, каждое мгновение наслаждаясь друг другом. Вот так, — он расстегнул рубашку Марко и, слегка касаясь кончиками пальцев, провел по его обнаженной груди. Затем последовала серия легких поцелуев и у того по спине побежали мурашки.

Марко застонал от удовольствия, и какое-то странное чувство коснулось его исковерканной души, вызывая в ней непередаваемый восторг. Мальчик тем временем продолжал своё обольщение. Проводя ладонями уже по его спине, он спускался все ниже.

— Зачем ты хочешь всё испортить, моя любовь? Неужели тебе доставляет удовольствие, когда этот скот глазеет на тебя? Поверь, наша любовь — только для двоих, — и мальчик улыбнулся ему такой светлой улыбкой, что Марк потрясённо замер, глядя в прекрасное лицо, обрамленное белокурыми кудрями.

— Мой ангел! — прошептал он и бережно коснулся нежной щеки. — Если ты не лжёшь, всё будет так, как ты захочешь.

— Не давай пустых обещаний, моя любовь. Скот позади тебя уже глазеет жадными глазами в ожидании своей очереди. Ты же обещал им меня.

— Не бойся, я никому тебя не отдам. Люби меня, и я убью каждого, кто посмеет хоть пальцем тебя тронуть, — позабыв обо всём Марк, обхватил ладонями лицо мальчика и с новым чувством потянулся к его губам. — Подари мне ещё один поцелуй, для меня ты как жажда в пустыне, которую ничем не утолить...

В напряженной тишине раздался грохот выстрела в упор, и Марк взвыл от боли, получив пулю в живот из собственного оружия.

— Дурак! Зачем ты так? Без меня у тебя не будет шанса выжить! — с отчаянием воскликнул он, цепляясь за мальчика. — Безмозглый щенок! Я стольким рисковал ради тебя и вот она благодарность... Я же видел, что ты уже на пределе, мне не хотелось тебя потерять... — пуская кровавые пузыри, он с нежностью добавил: — Чего ты испугался,

глупыш? Нам было бы хорошо. Слова — шелуха. Поверь, я никогда бы тебя не обидел...

Томас отшатнулся от бандита.

— Лжёшь! Ты такая же подлая тварь, как Пабло! — гневно выкрикнул он. — Ничем не лучше! Думаешь, я забыл, как ты издевался надо мной?

— Всё изменилось... Поверь, мой ангел, перед смертью не лгут, — сказал Марк и, пуская кровавые пузыри, поднялся на ноги. — Я сожалею, малыш... Знаю, что вёл себя по-дурацки... случись сейчас нам быть вместе... всё вышло бы совсем по-другому.

Лицо мальчика исказилось от гаммы разнообразных чувств и он, растерянно пятясь от наступающего бандита, выстрелил в него снова и снова.

— Ах ты, подлый змеёныш! — простонал Марк, сотрясаясь от полученных пуль, и вновь шагнул следом за мальчиком. — Нужно было сразу тебя прикончить... Тварь!.. Как смел ты обмануть меня?.. Ведь я, дурак, тебе поверил.

Томас упёрся спиной в стену, и бандит выбил пистолет из его руки.

— Ты умрёшь, моя любовь... я подожду... не бойся, я тебя не брошу... мы уйдём вместе, — торжествующе прохрипел Марк и рухнул как подкошенный.

«Оружие!» — резко сказал внутренний голос и Томас бросился к пистолету. Цель была близка, но тут на его пути возник Рубус и дал ему подножку. Когда он упал, охранник повторно выкрутил ему сломанную руку — под довольный хохот остальных подонков.

Это был конец, и Томас обречённо закрыл глаза.

Правда, повторно оставшись без жоака, бандиты на какое-то время забыли о нём. Явного лидера больше не было, и они ожесточённо заспорили. Но мальчик понимал, что это временная отсрочка. Как только выберут жоака, им займутся вплотную и, прежде чем убить, пропустят через все круги ада. Слишком уж многим из банды он насолил, пользуясь покровительством Пабло.

«Вставай!» — приказал внутренний голос и Томас подчинился, хотя от боли у него мутилось в голове. Он доверял внутреннему советчику, ведь тот всегда приходил ему на помощь, когда он попадал в сложную ситуацию. Ноги не держали, и мальчик обессиленно прислонился к стене. «Что теперь?» — спросил он. «Ложись!.. Уши!» — рявкнул внутренний голос, и он без раздумий упал на пол и зажал уши, хотя это движение выбило его из сознания. Правда, не на долго. Сильный взрыв и осколок, вскользь задевший его по многострадальной руке, быстро привели его в чувство.

Бандиты, увлечённые переделом власти, забыли об осторожности, за что и поплатились.

Металлическая дверь слетела с петель и в жилище Пабло ворвались вооружённые люди в странном обмундировании. На них были каски, похожие на пробковые шлемы, и толстые жилеты поверх свободных пятнистых комбинезонов. Ружья тоже выглядели непривычно и больше походили на пистолеты с удлинённым дулом и непомерно большим магазином. Когда началась стрельба, Томас увидел, как один из нападающих повёл дулом и сразу упало несколько бандитов. Ружья стреляли не одиночными патронами, а целой серией, как пулемёты. И ещё он заметил, что захватчики убивают без промедления и массово, чего себе не позволяли даже самые жестокие из бандитов. «Выходит, это банда того самого интеллигентного хлюпика, которого Пабло никак не мог победить. Теперь понятно почему. У этого типа есть индульгенция Старейшего», — подумал мальчик и, крадучись, направился к укромной норе, где он прятался, когда Пабло слишком уж расхотелся и ему грозили побори не на жизнь, а на смерть.

Тем временем уцелевшие бандиты Пабло, сдаваясь, подняли руки. Захватчики отобрали

у них оружие, а затем, нещадно лупцуя прикладами, заставили их лечь на пол. После этого несколько групп отправилось на поиски, кто успел сбежать, и вскоре они присоединились к товарищам на полу. Затем их построили и повели на площадь.

Томасу тоже не повезло. До укрытия оставалось всего ничего, но парень в жилете заметил его и схватил за шкурку. Как щенка, он вынес его на улицу и пинком отправил к остальным бандитам. Он упал прямо под ноги Рубусу и тот не преминул пнуть его под рёбра. Тогда он вскочил и с яростью набросился на него — в тайной надежде, что тот его убьёт и на этом его мучения закончатся. Мальчику совсем не улыбалось стать переходящим призом от одной банды к другой. К его досаде, конвой отогнал Рубуса и он вновь пожалел, что не оставил пулю для себя.

Бандитов пригнали на площадь, где Пабло любил устраивать кровавые забавы, и они начали гадать, во что им обойдётся свобода. Правда, те, кто поумней, насторожённо поглядывали на захватчиков, подозревая, что речь пойдёт не о выкупе, а об их существовании как таковом.

Сильнейший ментальный удар, причём направленный не на убийство, а на управление, был для бандитов внове. Он вызвал паралич, и они застыли не в силах пошевелиться. Томаса спасла привычка постоянно скрывать мысли. Ментальный щит отразил нападение чужака и он, петляя как заяц, бросился к катакомбам. Увы, фортуна вновь его подвела. Настигший его повторный ментальный удар оставил у него ощущение гранаты, взорвавшейся в голове, и он не сразу понял, что жуткий крик исходит от него самого.

— Да успокойся ты! — приказал жёсткий мужской голос и в нос ему ударил резкий запах нашатырного спирта. — Ну вот, я же говорил, что сейчас всё пройдёт.

Действительно, безумная боль прошла, остались лишь вялость и холодный пот, стекающий по спине и вискам.

— Как тебя зовут? — спросил всё тот же голос.

Охваченный безразличием ко всему, тем не менее мальчик открыл глаза и натолкнулся на взгляд чужака.

— Пошёл к чёрту! — устало уронил он и отвернулся.

Томасу было всё равно, что с ним сделают, единственно чего он хотел, это чтобы его оставили в покое. И смертный покой устраивал его как нельзя лучше. Интеллигентный хлюпик — а он не сомневался, что видит жоака напавшей на них банды — оказался крепким молодым мужчиной. Причём взгляд льдисто-зелёных глаз был таков, что он понял, будь Пабло жив, он всё равно бы ему проиграл. Мальчик помрачнел. Чужак был умней и, следовательно, опасней, чем его бывший хозяин.

— Я сказал, убирайся!

Злобно оскалившись, Томас дрыгнул ногой, но чужак уклонился от его удара и смерил оценивающим взглядом.

— Того, чего ты боишься не будет. И вообще, я предпочитаю женщин. Ну и в качестве залога будущего доверия...

Несмотря на отчаянное лягание мальчика он поднял его на ноги и развернул лицом к бандитам.

— Здесь есть кто-нибудь, кто тебе дорог? — спросил чужак и понимающе кивнул. — Я так и думал.

В следующее мгновение бандиты попадали замертво и Томас непонимающе посмотрел на него.

— Теперь о твоём прошлом знаем только я и ты. Поэтому забудь обо всём и начни жизнь с чистого листа. Всё, что с тобой приключилось, не более чем мерзкий сон. Понял?

И чужак, не дожидаясь ответа, посмотрел поверх головы мальчика.

— Жанна! — позвал он. — Подойди ко мне.

Спустя минуту к ним подбежала кудрявая рыжеволосая девушка с санитарной сумкой на плече.

— Привет, Михаэль! — расплылась она в улыбке, но тут же состроила серьёзную рожицу. — Чего звал?

— Да вот, есть тут один нервный молодой человек, у которого сломана рука. Пожалуйста, наложи ему шину, а затем отправь в школу.

— Ладно, сделаю... — девушка сконфуженно прижала пальцы ко рту. — Ой! Опять я не по форме. Так точно, сэр! — козырнула она.

Чужак улыбнулся.

— Жанна, не испытывай судьбу, надень каску, — сказал он и направился к группе своих людей.

— Я, значит, не форси, а сам-то? Чай, тоже голова не железная, — вполголоса проворчала девушка и зарылась в свою сумку. — Ну, чего рот раскрыл? Показывай, где у тебя сломана рука.

— Вот! — Томас протянул ей пострадавшую руку.

Жанна исследовала перелом и озабоченно нахмурилась.

— Да, парень, не повезло тебе. Таких сложных переломов я ещё не видела. Как бы гангрена не началась, тогда точно останешься без руки.

«Пожалуйста, помоги!» — беззвучно выкрикнул мальчик, испуганный её словами, и внутренний советчик снова пришёл ему на помощь. Осколки кости зашевелились, образуя единое целое и он закусил губу, чтобы не закричать от боли.

— Боже! — потрясённая девушка молитвенно сложила руки. — Да ты у нас уникам. Тот я думаю, чего Архангел возится с тобой. Можно я посмотрю? Не бойся, я осторожно.

Она вновь исследовала руку Томаса.

— Болит? — спросила она и мальчик кивнул. — Тогда для верности давай наложим шину. Хуже точно не будет. Когда пополнишь регенерационный запас, кость окончательно срастётся.

Закончив бинтовать, Жанна весело глянула на мальчика.

— Как тебя зовут, прекрасное дитя?

— Томас, — сообщил он, хотя не намеревался этого делать.

У него была голова кругом. Он всё ещё не понимал действительно ему повезло или это отсрочка перед новой чередой издевательств.

— Том, значит. А фамилия у тебя есть? — не унималась девушка.

— Отвяжись, — буркнул Томас, не желая сообщать, что у него есть лишь кличка как у собаки. — Слушай, а этот ваш старший сильно дерётся, когда злой? — закинул он удочку.

— Кто, Михаэль, что ли? — улыбнулась девушка. — Да нет, он у нас не дерётся, но когда злится, мало не покажется. Так посмотрит, что можно описать.

— И это всё? — скептически фыркнул мальчик.

Жанна пожала плечами.

— В общем-то, да. Ну или убьёт, если сочтёт, что его предали.

— Это нормально, — кивнул Томас.

— Нормально? — удивилась девушка.

— Конечно. Он же вожак, — сказал Томас и поинтересовался: — А что это за школа, о которой он говорил?

— Недавно открыли. Михаэль считает, что дети должны обязательно учиться, поскольку они наше будущее. Он говорит, что нам пора создавать своё государство, где во главе угла будут стоять закон и порядок. Что-то типа того, когда девственница с мешком золота на плечах может пройти по дороге и её никто не тронет.

— Что? — изумился Томас. — Он точно не псих?

— Сам ты псих, — обиделась Жанна. — Михаэль лучший из всех, кого я знаю.

Она вздохнула.

— Такой красивый парень, а сердце камень. Сколько девчонок к нему подбивали клинья, а всё без толку.

Услышав это, Томас напрягся.

— Может, ему мальчишки нравятся?

— Скажешь тоже! — фыркнула девушка. — Говорят, он всё ещё страдает по какой-то девице из прошлого. Ну не знаю, что там за красавица, чтобы так по ней убиваться. Ну что, идём? — спросила она.

— Идём, — согласился Томас.

«Похоже, их вожак действительно интеллигентный хлюпик, а раз так, то я не пропаду», — решил он и встал с лавочки. Сделав шаг, он задохнулся от боли в груди — это напомнил о себе пинок Рубуса.

— Так! А чего ты кособочишься? — забеспокоилась Жанна. — Понятно, рёбра. Ну-ка, раздевайся, я посмотрю, насколько плохи твои дела. Давай помогу снять рубашку... Господи! Надо же, какое невинное создание. Да не бойся ты так! Я тебя не съем.

— Я сам, не лезь! — предупредил Томас, мрачно глядя на девушку. Он на дух не переносил, когда к нему прикасались.

Когда он задрал рубашку, Жанна исследовала его ребра и заявила, что, на его счастье, переломов нет, а есть только трещины, и соорудила ему корсет. Закрепив концы бинтов при помощи булавок, она с жалостью посмотрела на мальчика.

— Да, не сладко тебе пришлось, — сказала она и, порывшись в сумке, протянула ему шоколадку. — Бери! Не вредничай. Наверняка же голодный. Мало того, что весь в синяках, так ещё все рёбра наперечёт.

Томас уже был на пределе и слова, полные участия, оказались последней каплей. Он плакал так, что перепуганная девушка попыталась его обнять, но он отпихнул её здоровой рукой, а затем, наревевшись, содрал фольгу с шоколадки и целиком запихал её в рот.

Штейн до сих пор помнил её горько-сладкий вкус.

***

Глава СБ очнулся от тяжёлых воспоминаний и на его лице появилось смущённое выражение. «Чёрт! Может, я действительно слегка того... с учётом прошлого? — озабоченно подумал он, но как только он представил себе однополые объятия, его затошнило от омерзения. — Ну нет! Прости, Мика, ради тебя я готов на многое, но только не это».

Пламенно рыжая шевелюра девушки из прошлого навела его на мысли об Эльзе Тероян, и он недобро ухмыльнулся. «А вот от одной лисички я бы не отказался. В последнее время она слишком часто крутится поблизости. Хвостом машет, а в руки не даётся. Дразнишься, дорогуша? Это ты зря! Дай только время, я быстро отучу тебя от глупостей».

Он нажал кнопку вызова секретаря.

— Вы что-то хотели, герр Штейн?

— Тебя, Марта, тебя! И чтобы без этих твоих новомодных вывертов. Только старые добрые наручники и хлыст.

Вернувшись домой ближе к ночи, Штейн побродил по молодому саду — он жил за городом, в отдельном особняке — а затем поднялся в спальню, но, растревоженный воспоминаниями, никак не мог уснуть. Стоило только закрыть глаза, и перед его мысленным взором возникало страдающее лицо Марка. И как он ни гнал от себя это воспоминание, оно упорно возвращалось.

«Чёртова Кошка совсем меня растревожила!» Не выдержав, Штейн сел в кровати и, запустив пальцы в волосы, помассировал голову. «Mein Gott! Хватит уже думать о прошлом... Сволочь! До сих пор не даёт мне покоя!.. Вот чего я мучаюсь? Неужели поверил этому лживому шакалу? Да с ним всё было бы точно также как с Пабло!»

Штейн вскочил и опрокинул в себя полный стакан водки, а затем, взяв бутылку, вернулся в кровать. Сидя в позе врубелевского демона, он устремил невидящий взгляд в темноту за окном. «Проклятье! Столько лет прошло, а в сердце по-прежнему пустота. Дружеских привязанностей навалом, а настоящей любви как не было, так и нет», — подумал он с горестной миной на лице. «Будем!» — выдохнул он, налив себе ещё один стакан. Затем водка кончилась, а опьянение так и не пришло. Тогда он достал пистолет и выпустил всю обойму по мишени, стоящей в изножье кровати.

Когда рассеялся пороховой дым, Штейн уже крепко спал. Встав рано утром, он споткнулся о бутылки из-под водки, разбросанные рядом с кроватью, и витиевато выругался. «Hol's der Teufel! Пора жениться, пока я действительно не стал первым в истории вампиром-алкоголиком», — с досадой подумал он.

Проходя мимо мишени, Штейн раздражённо сдернул листок с карикатурным портретом Марка, нарисованным его ночными выстрелами и, смяв, забросил в утилизатор. «Хорошо бы и кое-какие воспоминания выбросить из памяти подобным образом...»

ГЛАВА 35. Немного о бедной почве, из которой произрастают пышные цветы фантазии

За закрытыми окнами роскошной квартиры беззвучно буйствовала непогода. Порывистый западный ветер, как всегда, принёс в Петербург дожди и небольшие наводнения. Тёмные тучи, гонимые сильным ветром, неслись бесконечной чередой по серому низкому небу, вызывая чувство глухой тоски и безнадежности. Не переставая, плакали окна — по ним текли целые потоки холодной воды.

Лиза зябко куталась в оренбургский пуховый платок. Этот реликт, символизирующий достаток из жизни застойных времен, достался ей от бабушки Дарьи Вадимовны. Она забрала к себе девочку совсем ещё маленькой, где-то в возрасте пяти лет. Дочь была беспутной и гулящей. В кого она такая удалась Дарья Вадимовна не понимала, — ведь сама она была скромной женщиной и выросла в интеллигентной семье, которая всячески скрывала свою принадлежность к избранной богом национальности. По паспортам вся семья числилась украинцами, не имея к любителям сала прямого отношения.

***

Заметки на полях, или эссе о национальной проблеме

Время было такое, когда из-за так называемого «пятого пункта» евреи не имели возможности устроиться на работу по своему желанию. Их сильно прижимали из-за национальности, установив, в том числе, определенную квоту на приём в многочисленные оборонные предприятия. Впрочем, это им не очень-то мешало. Во всяком случае, в ленинградских НИИ их работало предостаточно.

Кстати, большинство евреев вполне адекватные умные люди, пока не столкнёшься с ними на почве экономических интересов, тут им другие национальности, как правило, проигрывают по всем статьям. А что делать? У евреев торговля и все близко связанное с ней — многовековой национальный вид спорта. С профессионалами трудно тягаться в их родной стихии, поэтому злиться на них бесполезно.

Я считаю, что просто нужно учиться — это самый правильный подход к любым национальным особенностям своих «коммунальных соседей» по стране. У кого-то — умению вести свои дела, у кого-то — трудолюбию, у кого-то — умению отстаивать свои интересы. В этом плане у нас очень много положительных национальных примеров. Глядишь, со временем перестанем друг на друга «крыситься», и у нас наконец-то будет нормальная страна с нормальными традициями. Но это всё мечты-мечты... ладно, заканчиваю душевный стриптиз и возвращаюсь к своей сказке.

***

Родители маленькой Даши, будущей бабушки Лизы, воспитывали девочку в большой строгости. Её отец, будучи военным по профессии и призванию, соответственно по характеру был большой самодур. К сорока годам он дослужился до полковника, а мать, как оно частенько случалось в семьях военных, из-за частых переездов специальности не имела и числилась домохозяйкой. Потому она железной хваткой держалась за мужа, и его слово было законом в их маленькой семье.

Но как-то в одночасье родители скоростижно скончались. Отец умер от неудачно прооперированной язвы, не перенеся послеоперационного периода, а через полгода умерла от инсульта мать будучи ещё не старой женщиной, по современным меркам. Это

наследственное заболевание в их семье передавалось по материнской линии. Все женщины в их роду, как правило, умирали в возрасте сорока с небольшим лет.

Таким образом, двадцатитрехлетняя Даша осталась совсем одна. Это произошло настолько внезапно, что девушка была в полной растерянности, не зная, что ей делать, — ведь она привыкла, что родители во всем руководят её жизнью. С горя она быстро выскочила замуж, но неудачно. Муж оказался дебоширом и пьяницей, к тому же большим любителем походов на сторону. Когда он совсем запил, бросив её с маленьким ребенком, Дарья тихо обрадовалась. Ей уже было стыдно появляться в женской консультации из-за постоянных венерических заболеваний, которыми её периодически одаривал любимый супруг.

Замуж Дарья Вадимовна больше не вышла, поскольку внешность имела самую заурядную — обычная немного полноватая женщина, каких миллионы. Работала она инженером на одном из предприятий оборонки, получала свои сто двадцать рублей в месяц и, как могла, поднимала дочку, балуя её при этом несусветно. Женщина во всём отказывала себе, но девочка имела самые нарядные и дорогие вещи, за которые она платила фарцовщикам сумасшедшие деньги.

Плоды такой бездумной любви не заставили себя долго ждать. Дочка оказалась неглупой, в младших и средних классах она училась очень хорошо. К сожалению, по характеру она оказалась легкомысленной пустышкой, потому не сдерживаемая ничем она рано покатила по дурной дорожке. В свои неполные шестнадцать лет, она уже «принесла в подоле», как говорят в народе, и бросила школу. А дальше начался полнейший ужас. В их сталинскую двухкомнатную квартиру, оставшуюся от родителей Дарьи Вадимовны, потянулась всякая шваль с пьянками, драками и гулянками. Пришлось ей срочно размениваться на две крошечные квартирки в блочных домах, да ещё и доплачивать, заняв, где только можно денег на обмен.

В дальнейшем беспутная дочь так и сгинула во время перестройки. Их общие знакомые говорили, что она погибла в Югославии. Работая «челноком», она во время одной из поездок за дешёвым товаром попала под бомбёжку, но официального свидетельства о её смерти Дарья Вадимовна так и не получила. Впрочем, во время перестройки и на долю бабушки Лизы выпало немало лишений. Ходить с внучкой мимо пёстрых витрин ларьков с игрушками она вообще не рисковала, — ведь ребёнку не объяснишь, что у них денег кот наплакал. Сердце женщины просто обливалось кровью, когда Лизочка со слезами просила у неё красавицу «барби» в сказочно-нарядном платье, а она при всем желании не могла её купить.

Дарья Вадимовна слишком устала от бесконечных тяжких мыслей о том, будут ли у неё завтра деньги на еду, устала от бесконечной борьбы за кусок хлеба. На работу она устраивалась каждый раз с превеликим трудом. Частные фирмы, которых в те время было немного, а тех, что платили реальные деньги — и вовсе ничего, женщину в возрасте брали крайне неохотно. Как правило, их возглавляли мужчины и слишком много им поступало предложений от молодых девиц, согласных на всё. Не спасало положение и то, что она переквалифицировалась в бухгалтеры, как и многие женщины, потерявшие работу во время перестройки. Если и брали её на работу, то платили очень мало, или частенько обманывали и, приняв, не платили совсем. В то время наши «бизнесмены» частенько практиковали такую незатейливую экономию — попользуются чужим трудом, обещая заплатить попозже, а затем выгонят работника и на его место возьмут нового.

В общем, беспросветная нищета так подкосила ещё нестарую женщину, что её сердце не выдержало, и в шестнадцать лет Лиза осталась одна. Но она не скатилась на дно, как её

мать. Перебиваясь случайными заработками, девушка сумела окончить школу, а затем поступила на вечерний факультет в ФИНЭК. В то время это было проще, престижный ныне вуз ещё не пользовался такой популярностью в массах.

Лиза работала и училась, а летом ещё подрабатывала, торгуя мороженым с лотка — за что ей нужно было сказать спасибо подруге, которая пристроила её на эту временную подработку. Окончив ФИНЭК, который теперь именуется университетом, она устроилась на работу в плановый отдел довольно солидной фирмы. К сожалению, платили ей мало. Повышенной наглостью девушка не отличалась, а внутренняя гордость и порядочность не позволяли ей иди по головам сослуживцев и любыми способами добывать себе место под солнцем. В общем, она оказалась серьёзной и совершенно не пробивной девицей, из разряда тех работников, которых так любит начальство. Оно сразу же просекает, что на них можно свалить работу как минимум троих бездельников, устроенных по блату, а платить сущие гроши.

В результате в жизни Лизы оказалось слишком много серых будней, до отказа заполненных работой. Вдобавок они сопровождались каждодневной борьбой с нищетой, когда приходилось считать каждую копейку, чтобы хватило на прожитьё до следующей зарплаты. Хорошо, что та же подруга по-прежнему давала ей подработать по выходным и вечерам, но это не слишком спасало положение.

Вот тогда, чтобы отвлечься от убогой действительности, Лиза начала сбегать в сказочный мир книг и фильмов. Как все романтично настроенные девушки, она мечтала о прекрасном рыцаре, который однажды явится и увезет её в своё волшебное королевство. Впрочем, будучи реалисткой, она не надеялась заполучить его в реальности.

И вдруг свершилось чудо! Однажды вечером, когда подруга попросила Лизу подменить её на работе и поторговать мороженым с лотка, у той было назначено свидание, появился Он — сказочный принц на белом коне. И она как с ума сошла — рухнули все внутренние запреты и барьеры. Стеснительная девушка совершила немислимый для себя поступок, она первой подошла к мужчине на улице, чтобы познакомиться.

Кажется, сбылась заветная мечта, и нет в мире человека прекраснее и желаннее. Так почему же Лизе так плохо? А потому что в сердце принца нет для неё места.

«Вот ведь какая глупость приключилась! Кто же знал, что и на сказочных принцев очередь? И только глупое сердце не хочет смириться с тем, что оно попало в чужую сказку и принц, соответственно, чужой, и потому глупо обманывать себя напрасными мечтами. А так хочется! Если не будет и её, прекрасной мечты, то что же в жизни останется?» — написала девушка в своём дневнике и, закрыв его... нет, она не заплакала. Ведь давно известно, что слезами горю не поможешь. Да и еврейские предки нашёптывали ей на ушко: «Бахура[1], кто не умер, тот ещё не проиграл».

«Проходите, гости дорогие! Ужин уже сидит на месте и ждёт только вас», — любезно прошипел Дракула

Посланец Палевского привёз Лизу в район, застроенный новыми домами. Четырёхкомнатная квартира, в которую её поселили, показалась ей сказочным дворцом.

Оставшись одна, девушка с радостью щенка, заполучившего любимого хозяина и новую конуру, обследовала неожиданно свалившееся на неё богатство — явно дорогую мебель и прежде невиданную технику. Единственно, что её огорчало, это отражения. Зеркала и стёкла шкафов с надменностью аристократов подмечали в прищелице малейшие недостатки и, передавая друг другу её изображение, будто говорили, что убого одетым нищенкам здесь не

место.

Тогда Лиза решилась зайти в гардеробную. Несколько раз она туда заглядывала и каждый раз уходила ни с чем. Почему-то ей казалось, что многочисленные вещи: пальто, куртки, платья, костюмы, аккуратно развешанные на плечиках, и прочие женские аксессуары, лежащие на полках, принадлежат не ей, а совсем другой женщине.

На этот раз девушка преодолела робость и выбрала на вешалке самый скромный из нарядов. Некоторое время она с опасением посматривала на дверь — ей всё казалось, что сейчас войдёт настоящая хозяйка и устроит ей разнос — мол, как она посмела надеть её вещи?

Конечно же, никто не пришёл, но ощущение неловкости преследовало её до самого вечера.

Когда стемнело, Лиза позабыла обо всём. Охваченная волнением, девушка гадала придет Михаил или нет.

Она ждала напрасно. В тот, самый первый день, он так и не приехал, да и впоследствии не часто баловал визитами.

Правда, поначалу Палевский появлялся довольно регулярно. Вот только совсем не за тем, чего ожидала девушка. Это были визиты врача, а не любовника. О том же говорили необычные приборы, которые он привозил с собой. Как правило, это были полупрозрачные обручи с переливающимися световыми лентами, ведущими к небольшой квадратной коробке. Он надевал обручи ей и себе на голову и вёл отвлечённые беседы, задавая порой совершенно неожиданные вопросы.

Лиза никогда не посещала психолога, но ей казалось, что именно так они ведут себя с пациентами. При этом Михаил казался таким холодным и высокомерно-неприступным, что максимум на что у неё хватало духу — это предложить ему чашку чая. Но он всегда отказывался и, проведя исследовательский сеанс, сразу же уходил. Бывало, он небрежно целовал её в щечку, но Лиза знала, что это подачка — брошенный нищему пятак на паперти. Но она не могла уйти и отказаться от своей любви, лелея в душе надежду на чудо.

Ей даже не приходило голову, что она лишена выбора и не сможет уйти при всём своём желании. В общем, Лиза оказалась в том же положении, что и некоторые девушки из простонародья. Ведомые жадной лёгкой наживы и собственным эгоцентризмом они без раздумий бросаются в объятия богатых мужчин и при этом не понимают, что теперь являются заложницами их капризов.

В ожидании редких визитов любимого человека девушка целыми днями бесцельно бродила по огромной квартире и маялась от безделья. Встав с утра, она всегда обнаруживала, что громадный холодильник до предела забит свежими продуктами. Откуда они берутся и куда деваются старые было для неё загадкой. Саму квартиру тоже кто-то убирал, но кто это делал и когда, ни разу не показавшись ей на глаза, вообще отдавало мистикой. Ведь Лиза почти не выходила на улицу, боясь разминуться с Палевским. Читать и что-либо смотреть ей тоже не хотелось. Всё равно, глядя на страницу или экран, она вскоре замечала, что в голове совершенно ничего не откладывается. В общем, девушка настолько ушла в свои переживания, что окружающий мир перестал для неё существовать.

Но даже надежда не вечна.

Михаил совсем перестал приходить и Лиза, измученная ожиданием, набралась храбрости и взяла в руки видеофон, оставленный для связи. Зеленоглазая девушка-секретарь улыбнулась ей и без предупреждения соединила с Палевским. Он поднял голову и у Лизы

ёкнуло сердце. Судя по выражению его лица ей были не рады, и это ещё мягко сказано. «В чём дело?» — нетерпеливо спросил Палевский. «Нет-нет, всё в порядке! Извини, что оторвала тебя от дел», — спешно проговорила девушка и сунула видеофон в карман. Как иначе отключить его она не знала. «Вот дьявол! — донеслось до неё. — Лина, больше не смей соединять меня со всякими пустоголовыми дурочками!» — «Извините, сэр! Больше этого не повторится». — «Очень на то надеюсь!»

Разговор оборвался, и Лиза облегчённо выдохнула.

Некоторое время после памятного звонка девушка ещё надеялась, что Михаил приедет, хотя бы извиниться за свою грубость. Время шло, но он по-прежнему не показывался, а выговор секретарю, произнесённый раздражённым тоном, отбил у неё всякое желание звонить ему повторно.

На душу Лизы легла непреходящая тяжесть, вместе с подспудным пониманием, что всё кончено. Любовь не умерла, но вера в чудо иссякла, как родник, засыпанный песком. И тогда дни растянулись в бесконечную череду часов и минут безнадёжного ожидания. До тех пор, пока Михаил приезжал, она каждое утро тщательно красилась и одевалась. Поняв, что он больше не появится, она перешла на привычные джинсы и старенький свитер, захваченные из дома и больше не притрагивалась к дарёным вещам.

Впав в состояние прострации, девушка часами стояла у входной двери и напряжённо прислушивалась к шагам на площадке, хотя знала, что Михаил ходит совершенно бесшумно. Когда мужские шаги приближались, в её душе вспыхивала безумная надежда, когда они удалялись, её снова затягивал чёрный омут безнадёжности.

Периодически Лиза выпадала из своеобразной комы. Происходило это тогда, когда организм настойчиво требовал удовлетворения своих потребностей. Тогда она шла в туалет или в кухню, где доставала из холодильника первое, что попадалось под руку, и съедала, не чувствуя ни вкуса, ни запаха еды. Особенно тяжело ей было по ночам. Михаил больше не приходил даже во сне, и она часами смотрела в потолок, причём без единой мысли в голове.

Понедельник по определению тяжёлый день, а ближе к вечеру Лизе стало совсем плохо. Мало того что мертвенно-тихая квартира угнетающе действовала ей на нервы, вдобавок чувство безнадёжности усугублялись мрачной дождливой погодой. В какой-то момент времени отчаяние накрыло её душу мертвенным саваном, и она поняла, что стоит на подоконнике. Девушка закрыла глаза, набираясь решимости, как вдруг раздались редкие сухие хлопки. В однообразном гуле города они были похожи на одиночные выстрелы, и Лиза непроизвольно вздрогнула.

— Bravo- bravo! Незабываемое зрелище! А сколько в нём драматизма, не передать словами.

Услышав незнакомый женский голос, Лиза до смерти испугалась. Не особо соображая, что делает, она дёрнулась вперёд — чтобы посмотреть, кто с ней разговаривает и, поскользнувшись на мокром подоконнике, чуть было не свалилась вниз. На её счастье, в окне появилась женская рука и толкнула её обратно в комнату.

Вскочив на ноги, Лиза во все глаза уставилась на незнакомку. Она, в свою очередь, смотрела на неё, причём её руки, свободно лежащие на подоконнике, создавали впечатление, будто она стоит на земле, что было невозможно на уровне десятого этажа.

— Ах, какие страсти-мордасти! Джульетта уже готова нырнуть из окна, но где же Ромео? Ау! — незнакомка недовольно скривила губы. — Эй! Почему нет главного героя? — тут её глаза встретились с глазами Лизы и девушка замерла, будто кролик под взглядом

удава. — Милая, ты хорошо подумала? Кто же будет биться головой об асфальт? Кто будет в соплях и слезах умолять коварные небеса вернуть ему потерянную возлюбленную? — продолжала незнакомка с издёвкой в голосе.

Лиза была в ужасе, и всё же что-то ей говорило, что это не ограбление. Это было гораздо хуже. «Она убьёт меня!» — испугалась девушка, но какая-то её часть с жадным любопытством рассматривала ночную гостью. Странные черты лица, удлинённые чёрные глаза на пол-лица, переливающиеся чёрные волосы, собранные в высокий конский хвост, придавали ей вид инопланетянки. Вдобавок на женщине был чёрный бархатистый комбинезон, обтягивающий её как вторая кожа, который лишь усугублял впечатление — впечатление полной чуждости миру людей.

Экзотическая незнакомка заметила интерес девушки, и её глаза засветились призрачным синим светом. Это было настолько не по-человечески, что Лиза в панике попятилась. Впервые в жизни в её душу закрался суеверный ужас. «Нет, это всё глупости! Демонов не бывает!» — уговаривала она себя.

Не смея обернуться, девушка почувствовала, как между лопатками ползут чьи-то ледяные пальцы, и её затошнило от страха.

— Ч-ч-что... что вам нужно?! — выдавила она из себя, не сводя глаз с лица незнакомки.

— Ай-я-яй! Какая трусишка! — злобно прошипела «инопланетянка». В её глазах, отливающих жутким фосфорическим светом, горела безумная ненависть. — Моего мужа увести не побоялась, а как ответ держать, так сразу в кусты? Нет, милочка, так не пойдёт! Посмела взять чужое, имей мужество ответить за это.

«Вот и настал час расплаты, — Лиза обречённо поникла. — Я же всегда знала, что однажды она появится и спросит с меня за мою нечестивую любовь к нему».

— Я не трусишка, — сказала она дрожащим голосом. — Я его люблю.

— Да что ты говоришь? — удивилась незнакомка. — Кто бы мог подумать! Оказывается, у нас с тобой совпадают вкусы на мужчин.

Легко как кошка она вспрыгнула на подоконник и встала вплотную к девушке.

— Но это не означает, что можно тырить всё, что тебе приглянется. Ты же знаешь, своруешь вещь и тебя посадят в тюрьму. Своруешь чужого мужа и тебе свернут шею. Что, не знала об этом? Не переживай, ты не одна такая, — «утетила» незнакомка Лизу. — Многие из женщин воображают, что такое воровство сойдёт им с рук, но они заблуждаются. Рано или поздно возмездие их находит. Правда, я не любительница откладывать дело в долгий ящик. Так что давай разберёмся по-быстрому. К тому же ты сама этого хотела. Прыгай! — приказала незнакомка и шагнула в сторону, давая ей дорогу.

— Нет! — прошептала Лиза и попятилась вглубь комнаты. — Извините, но я передумала...

— Передумала? — усмехнулась незнакомка и одной рукой сгребла девушку за ворот свитера. — А ещё говорила, что не трусишка! — проворчала она, неся её к окну.

С той же нечеловеческой лёгкостью она поставила её на подоконник и подпихнула в спину.

— Прыгай и дело с концом... Что, опять нет? Ладно, я тебе помогу.

В следующее мгновение ноги Лизы потеряли опору. Вися над бездной, под холодным проливным дождем, она беззвучно открывала и закрывала рот, в тщетной попытке закричать, но парализованная собственным ужасом, не издала ни звука.

Что было потом девушка не помнила. Очнулась она уже сидя на полу. С волос и лица

капала вода, мокрая одежда противно липла к телу. От нервного перенапряжения и холода её начал бить озноб и она, сгорбившись, обхватила себя руками. Взгляд Лизы метнулся к окну, но увы, незнакомка никуда не делась. Она сидела на подоконнике и с брезгливым выражением на лице наблюдала за ней.

— Ну что, очухалась? — спросила она своеобразно-шипящим голосом и потянула носом воздух. — Фу! Тебе должно быть стыдно. Большая девочка, а всё ещё писаешь в трусы. Иди переоденься!

Лиза ощутила теплую влагу в джинсах и это оказалось той соломинкой, что сломала спину верблюду. Не выдержав, пережитого страха и унижения, она закрыла лицо руками и её худенькие плечи заходили ходуном.

Насквозь промокшая, с повисшими сосульками волос, девушка выглядела настолько жалко, что Рени возвела глаза горе.

— Эй, нечего реветь! Сама виновата. Незачем было лезть в постель к моему мужу! — воскликнула она, гоня от себя непрошеную жалость. — Господи, я всё понимаю! Может, я не идеал, но променять меня на это убожество? — добавила она с неслышным вздохом.

— Я не ле-е-е-зла! Всего-то раз было!

— А что так? — вновь рассердилась Рени. — Никак плохо старалась?

— Я ста-а-ралась! Но он не хочет!

— Действительно, с чего вдруг такие капризы? Дорогуша, а ты давно себя в зеркале видела? Да на такое чучело распоследний бомж не польстится.

— Неправда! Просто вы злая! — выкрикнула Лиза и, не выдержав напора эмоций, заревела в полный голос.

Полностью погрузившись в процесс, она размазывала слёзы и сопли по щекам — так плачет обиженный ребенок, которого незаслуженно наказали родители.

Пока девушка самозабвенно рыдала, королева вампиров с отсутствующим видом сидела на подоконнике и безучастно взирала на её страдания. Своей неподвижностью она походила на прекрасную статуэтку — прекрасная и по-прежнему очень опасная.

Спустя некоторое время на лице Рени промелькнула досада.

— Господи! Это не девчонка, а какой-то неиссякаемый источник слёз.

Текучей походкой пантеры, такой же изящной и такой же опасной, она направилась к девушке и та, сразу же перестав плакать, отползла назад. «Не такая уж она простушка! Да только меня не обманешь», — усмехнулась Рени. Она снова ухватила Лизу за шкуру и, вздёрнув её на ноги, толкнула в направлении ванной. Войдя вслед за ней, она велела девушке раздеться, и та не посмела её послушаться.

Путаясь в одежде, Лиза разделась и, густо покраснев, прижала руки к груди. Она боялась даже подумать, чего хочет от неё страшная незнакомка.

Рени внимательно осмотрела девушку и, не найдя на её теле вампирских отметок, говорящих о привязке, пожалала плечами. «Марш под душ!» — приказала она девушке и, прихватив с собой банное полотенце, вышла за дверь.

В комнате, из окна которой собиралась выброситься Лиза, она перегнулась через подоконник.

— Ну что, моё солнце, ты как там? Ещё не замёрз окончательно? — спросила она с насмешкой и, не дожидаясь ответа, добавила: — Ладно, хватит играть в прятки. Давай залезай!

Штейн внял её зову и бесшумно прыгнул в комнату. На нём был комбинезон новейшей

модификации, настроенный на слияние с окружающей обстановкой, и Рени усмехнулась при виде забавного зрелища. Штейн лишился туловища и выглядел как злосчастная голова профессора Доуэля из романа Беляева. Правда, к ней прилагались пара когтистых стоп и не менее когтистых кистей рук.

По лицу и длинным волосам шефа СБ струйками стекла дождевая вода, и она бросила ему заготовленное полотенце. Поймав его, тот втянул четыре набора жутковатых когтей и начал тщательно вытираться. Видя, что Штейн не спешит и как недовольный мокрый кот трясёт конечностями, Рени взяла его за руку, и со словами: «Ты ещё займись вылизыванием сам знаешь чего!» потащила его за собой. Проходя мимо ванной, она стукнула в дверь.

— Эй, разлучница! Ты тоже поторапливайся! Я жду тебя в кухне.

Лиза замерла, не сразу сообразив, чего от неё хотят.

— Да-да! Я уже скоро! — запоздало выкрикнула она, не очень надеясь, что её услышат из-за шума воды.

Но это было не так. «Поторопись или в голом виде притащу к столу!» — отчётливо прозвучало в её голове.

— Что?.. Я уже выхожу! Только оденусь!

Одуревшая от происходящего Лиза выскочила из-под душа и, завернувшись в полотенце, с заячьей прытью понеслась в гардеробную, за сухой одеждой.

«Так-то лучше!» — усмехнулась Рени. Она заглянула в холодильник.

— Гляди-ка, а он неплохо её кормит, тут сплошные деликатесы.

— Тебе жалко что ли? — фыркнул Штейн и бросил взгляд на полки, забитые нарядными упаковками. — Тем более девчонка почти ничего не ест.

— Да, ты прав, одна кожа и кости. Грешным делом, я уж было подумала, что Мика из каких-то своих соображений морит её голодом.

Рени смолочила кофе и заварила его в большой эмалированной турке, затем она сделала целую гору бутербродов со всякой всячиной из холодильника и выложила их на стеклянный поднос. В заключение она подогрела в микроволновке горячие блюда и тоже выставила их на стол.

Развалившись на стуле, Штейн с удовольствием наблюдал за её хозяйственной суетой.

— Вот где только были мои глаза? — посетовал он.

— Это ты к чему? — осведомилась Рени.

— Как это к чему? — Штейн вздохнул. — Умница, красавица, к тому же хорошая хозяйка. Такую жену прохлопал, до сих пор простить себе не могу, — проговорил он и выразительно глянул на стоящую перед ним пустую тарелку. — Раз такое дело, то хоть поухаживай за мной.

— Да? — Рени приподняла бровь. — Не помню, чтобы я нанималась к тебе официанткой.

— Не вредничай, mein libchen! — Штейн соорудил умильную мину и протянул ей тарелку.

— Подлиза! Ладно, уговорил.

Первым делом Рени положила ему громадный кусок жареной свинины, затем добавила к мясу маринованных грибов, паштет из гусиной печёнки и гарнир из экзотических овощей, нашедшихся в холодильнике. Немного подумав, она достала стакан и бутылку водки и поставила их перед Штейном.

— Danke schön! — поблагодарил он и плотоядно облизнулся. — Эх, Кошка! Вот умеешь

ты угодить мужику. Сразу чувствуется, что ты настоящая русская баба.

— Ну, конечно! Особенно это заметно по моей физиономии, — улыбнулась Рени, усаживаясь напротив него.

— Иванова, главное дух, а не внешность, — Штейн поднял стакан и шумно выдохнул. — Ну, с богом! Первая, как водится, за прекрасных дам, — он выпил и, покосившись на девушку, стоящую в дверях, насмешливо фыркнул. — Говоришь, что Мика тебе изменяет? Ну-ну!

— Да ничего я не говорю, — вздохнула Рени.

Присутствие высокомерного красавца-блондина оказалось для Лизы полной неожиданностью, и она с боязливым удивлением воззрилась на экзотическую парочку, восседающую за столом.

Не решаясь войти, девушка, как зачарованная, смотрела на неожиданных гостей. Раньше она не отдавала себе отчёта, насколько необычна внешность Михаила. Теперь же, глядя на его сородичей, она терялась в догадках, кто же они такие. «Нет, они точно не люди!» — пришла она к выводу и от этого ей стало совсем тоскливо и неудобно. — Господи, что им нужно от меня?»

Белокурый незнакомец посмотрел на Лизу, застывшую в дверях, и у неё поплыла голова как во время исследовательских сеансов с Михаилом. Повинуясь его жесту, она на негнущихся ногах приблизилась к столу. Разрываемая противоречивыми чувствами — в ней боролись любопытство и желание сбежать — девушка опустила глаза, ожидая, что будет дальше.

Штейн с удивлением посмотрел на неё.

— Hol's der Teufel! Это и есть протее Мика?.. Несколько неожиданно. Честно говоря, как-то в голову не приходило, что она человек. Тебе не кажется, что это отдаёт извращением? Менталистка под контролем это та же рабыня. Или Михаэлю настолько лень ухаживать за женщинами, что он решил воспользоваться этим полуфабрикатом?

Позабыв о страхе, Лиза возмущённо посмотрела на белокурого красавца, но в его взгляде было столько неприкрытого презрения, что она не выдержала и снова потупилась. «Проклятый фашист!» — сердито подумала она.

Рени с не меньшим удивлением посмотрела на шефа СБ.

— Я думала, тебе докладывают о таких вещах.

— Докладывают и что? Между прочим, я не господь бог, чтобы всюду успевать. В сутках у меня, как и у простых смертных, тоже двадцать четыре часа, — проворчал Штейн и повернулся к девушке. — Сядь напротив, чтобы я тебя видел... Смотри мне в глаза! — приказал он, когда она села.

Догадываясь, что её ожидает, Лиза с неохотой подчинилась. Глаза у пришельца были серые, как ненастное питерское небо, и такие же переменчивые. Необычайно красивые глаза, как подумалось девушке. Вот только выдержать их взгляд было ей не под силу, впрочем, как и взгляд Михаила, когда тот проводил с ней сеансы того, что она называла гипнозом. Как и в случае с ним Лиза не могла даже моргнуть, не то что отвести глаза. Когда к горлу подкатила тошнота, такая сильная, что она испугалась, что её сейчас вырвет, лишь тогда пришелец отпустил её и она, наученная горьким опытом, сразу же опустила голову.

— Полегче, Томас! Девочка очень восприимчива. Не понимаю, как так вышло, что её проглядели наши патрули, — услышала она обеспокоенный голос незнакомки.

Преисполнившись благодарности, Лиза с признательностью посмотрела на свою

неожиданную заступницу и обнаружила, что та чувствует себя ничуть не лучше, чем она.

Незнакомка забралась в кресло вместе с ногами и, обняв колени, устало ссутулилась. Она по-прежнему походила на чёрную пантеру, но теперь это была пантера, которой, судя по виду, сильно нездоровилось.

«Простите! Я не хотела вас обидеть!» — пробормотала Лиза, преисполнившись сочувствия, и королева вампиров, задетая её жалостью, бросила на неё высокомерный взгляд: «Не нужно жалеть меня, девочка. Твоё положение более достойно сожаления». Лиза вздохнула. «Вы меня убьёте?» — спросила она, устав бояться.

— Вот и мне интересно, что ты с ней собираешься делать, — подал голос Штейн.

Он вопросительно глянул на Рени и взял сигареты, лежащие на столе. Вещи, принадлежащие Палевскому никто из обслуживающего персонала не трогал.

— Какого чёрта ты так долго медлила с визитом? Я думал, получив координаты, ты сразу помчишься сюда, — Штейн щёлкнул зажигалкой и прищурился, глядя на Рени. — Сразу убьёшь или немного погоняешь? — поинтересовался он равнодушным тоном, и Лиза задумано пискнула.

Рени глянула на девушку, таращившую на неё испуганные глаза, и усмехнулась.

— Разве это дичь? Трусливый кролик, который, того и гляди, снова описается с перепугу. Такую гонять, только себя унижать.

— Неужели оставишь всё как есть? — удивился Штейн.

— Нет, — с усталым видом Рени откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. — Томас, пройдишь по ментальным кольцам девчонки и посмотри внимательнее. Заметил радужные плетения в сиональных плоскостях? Между прочим, она уникам. До сих пор я такое наблюдала только у четверых: у моего мужа, Мари, Ника и тебя. Правда, у вас кольца гораздо ярче, чем её.

— Ты имеешь в виду такое радужное кольцо на чёрной бархатной подложке? — уточнил Штейн.

— Оно самое, — подтвердила Рени, не открывая глаз.

— Ну и что? — Штейн бросил на Лизу скептический взгляд. — Не знаю, зачем она понадобилась Мику, но когда нужда в ней отпадёт, она в любом случае подлежит ликвидации.

На этот раз Лиза даже не пискнула. Просто не смогла. Она уже жалела, что не спрыгнула из окна до появления незнакомки. Одно дело решать самой: жить или умереть, и совсем другое, когда кто-то другой, независимо от твоего желания, распоряжается тобой как вещью.

— Я хочу тебе кое-что предложить, — сказала Рени и Штейн поморщился.

— Может, не надо? А то я тебя знаю. Твои предложения всегда из разряда ультиматумов.

— Брось! Просто они настолько разумны, что ты не можешь от них отказаться. Так что прекрати кобениться. Разве я тебя когда-нибудь подводила?

Штейн затащил сигаретой.

— Ну ладно, что ты там придумала? — спросил он, выдохнув дым.

— Попробуй её инициировать. Я, конечно, не спец, но кое-чего нахваталась у Мика. У вас очень близкий генотип. Думаю, это даст ей больше шансов на выживание.

— Сдурела? Для инициации нужен партнёр, а я парень холостой.

— Ну так женись! Хватит уже болтаться холостяком и вводить в искушение женщин.

— Ага! Уже бегу и падаю! — рассердился Штейн.

— Интересно, к кому это ты собрался бежать? — Рени открыла глаза и бросила на него острый взгляд.

— Да уж не к твоему мужу, — фыркнул он. — Слушай, если я женюсь, ты, наконец, успокоишься?

Рени призадумалась.

— ОК! Но только при одном условии, ты иницилируешь девочку.

— Далась она тебе! Кошка, не сходи с ума. Наверняка на ней уже есть первичная привязка к Мику.

— Девушка чиста, на ней нет его привязки. Томас, рискни. Уверена, ты не пожалеешь.

— Она слишком старая для феникса. Стопроцентно не выживет.

— Не обязательно. Ведь моя Мари выжила. Ладно, чёрт с тобой! Поступай, как знаешь, — отступила Рени, боясь пережать.

Как всегда, при решении сложных вопросов, Штейн запустил пальцы в шевелюру.

— Teufel! Задала ты мне задачу! — недовольно проворчал он. — Ну-ка, рассказывай по порядку! Где и когда ты познакомилась с Микой? — неожиданно рявкнул он на Лизу.

— Что?.. Какой Мика? — пробормотала девушка. — Ах, вы о Михаиле!.. — она замялась. — Ну это... мы с ним встретились во сне.

Штейн озадаченно хлопнул глазами.

— Кошка, ты уверена, что у девчонки все дома? Может, она уже того... поехала по фазе?

— Да нет! Похоже, Мика действительно ей снился. Представляешь, она видела его при дворе Людовика XIV.

— Я тоже хочу это видеть! — загорелся Штейн, но Рени покачала головой.

— Не нужно, Томас! Тогда она точно сойдёт с ума.

— Но ты же залезла к ней в голову и ничего! — возмутился Штейн.

— Я умею, меня Мика научил, — парировала Рени. — К ментальникам нужен особый подход, а ты в её мозгах будешь как слон в посудной лавке.

— Ладно, уговорила, ограничусь импульсом правды.

Под пронзительным взглядом шефа вампирской СБ Лизу на мгновение скрутила невыносимая боль, и по её спине струйками потёк ледяной пот. Несмотря на полуобморочное состояние и трясучку, она чётко изложила всё, что от неё требовали. В первую очередь, она рассказала о знакомстве с Михаилом и сопутствующих этому переживаниях, но это было ещё не всё. В порыве откровенности она также поведала обо всех мало-мальски значимых событиях в своей жизни, включая начало менструации в пятнадцать лет.

Штейн ещё немного подержал девушку на взводе, а затем, убедившись, что выжал её досуха, повернулся к Рени, которая с безучастным видом взирала на проводимый им допрос.

— Как думаешь, она ещё нужна Мику?

Рени пожала плечами.

— Мне откуда знать? Обычно, он не докладывает мне о своих любовницах, — на её лице проснулся слабый интерес. — Хочешь сразу её забрать?

— Нет, я о своём. Нельзя оставлять девчонку без привязки. Люди есть люди. Кто знает, что завтра взбрёт ей в голову. Всего разумней было бы её ликвидировать. Она опасна уже тем, что ей практически невозможно стереть память.

— Откуда ты это взял?

— Из отчётов агентов.

— Понятно, ты следишь даже за Миком, — сказала Рени. — Спокойно, Томас, это была шутка! Я знаю, что ты его охраняешь, — она с озабоченным видом глянула на девушку. — Чтобы успокоить твою паранойю, предлагаю тебе самому провести привязку.

— Придётся так и сделать, — вздохнул Штейн.

Он позвал к себе Лизу и та, как послушная марионетка приблизилась к нему. Пришельцы говорили о ней страшные вещи, но она уже устала бояться. И всё же, несмотря на отупение, когда Штейн схватил её за волосы и впился в шею клыками, она не вынесла и впервые в жизни упала в обморок.

— Девчонка не расшиблась?

Штейн равнодушно глянул на девушку, скрытую от его собеседницы краем стола.

— Крови не видно, значит, цела.

— Ну, что? Теперь ты её иницилируешь? — поинтересовалась Рени и на её лице промелькнуло нетерпеливое выражение: ей уже порядком поднадоел весь этот фарс.

Но у шефа СБ было железное терпение и привычка к выяснению мельчайших деталей, особенно в тех делах, что касались его лично.

— Если ты объяснишь, зачем тебе это нужно, — заявил он, требовательно глядя на вновь ожившую королеву вампиров. Болезнь отступила, и она явно чувствовала себя лучше.

— Ты преувеличиваешь мою заинтересованность в этом деле. Просто жалко ребёнка.

— Прости, дорогая, но я не верю в твой альтруизм.

— Ну и зря! Солнце моё, тебя совсем испортила служба. Томас, тебе просто необходимо жениться, причём в ближайшее время. Иначе твои свиданки скоро будут напоминать допросы с пристрастием, — сказала Рени и с мягкой укоризной посмотрела на Штейна, но тот не попался на её уловку.

— Кошка! Отвечай по существу! — рявкнул он по старой привычке.

— Хорошо-хорошо! Я скажу, если ты так настаиваешь. Во-первых, посмотри на нас, ничего не замечаешь? Просто, как в рекламе, добавь человечку вампирские признаки, — Рени фыркнула. — Томас, не делай из меня дурочку! Ты же сразу обратил внимание на наше сходство.

Штейн с ироничным видом вздёрнул бровь.

— Заботливая жинка решила подобрать себе замену?

— К чертям! — рассердилась Рени. — Я ему не нянька и тем более не сводница! Всё, что в моих силах, я сделаю, чтобы смягчить боль расставания, но так далеко я не захожу. Сердце должно быть свободным в своём выборе, — ответила она и быстро опустила голову.

Штейну показалось, что на её глазах выступили слезы. Ругая себя, он дёрнулся было подойти, но Рени подняла голову, и он снова сел на место: её глаза были совершенно сухими, вдобавок весь её вид излучал вселенский холод.

— Умница, Томас! Всё верно, давай обойдёмся без жалости. Я уже достаточно наелась этого добра, — прошипела королева вампиров и, немного помолчав, как ни в чём не бывало добавила: — Но мне приятно, что Мика ищет меня в других женщинах, даже если это простые ментальники. Если ты думаешь, что я прошу тебя ради него, ты ошибаешься. Я прошу ради самой Лизы. Будь в её любви хоть малейший корыстный мотив, я бы её убила. Но в ней нет расчёта. Она любит безоглядно, всем сердцем, и здесь я понимаю её, как никто другой. Так что пусть живёт.

Неожиданно Штейн расхохотался.

— Кошка, ты проиграла! Теперь я знаю, почему наставник дал тебе кличку Запятая! — на его лице появилось победное выражение, и он процитировал: — *Perdón imposible que cumpla su condena.*[2]

— Всё же догадался паразит, — улыбнулась Рени. — Что ж, с меня обещанная бутылка.

— Ладно, уговорила! — смягчился Штейн. — Исключительно ради тебя попробую одну девицу уговорить выйти замуж. Если она согласится, тогда покажу ей это чудо менталистики и в ближайшее время мы проведём инициацию, а там уж как повезёт. Хотя я слабо верю, что в таком возрасте феникс выживет, — он с тревогой глянул в осунувшееся лицо Рени. — Кошка, как ты себя чувствуешь? Отвезти тебя домой?

— Домой? Шутишь что ли? — Рени вскочила на ноги и с кошачьей грацией потянулась всем телом. — Не бери в голову, милый, всё замечательно! — весело воскликнула она и её глаза засветились охотничьим азартом. — Причём настолько, что пойду немного поохочусь, пока настроение не пропало. Пусть твои сразу поставят на вызов ликвидаторов по одному.. нет сразу по двум лицензиям с правом на убийство. Гулять, так гулять!

---

[1] Бахура (иврит) — девушка

[2]*Perdón(,) imposible(,) que cumpla su condena.* (испанский) — Простить (,) невозможно (,) исполнить приговор. Предположительно изречение Карла V.

ГЛАВА 36. Укрощение строптивой методами вампирской СБ. Не приручай тигров, целее будешь!

Прежде чем явиться на приём к Штейну, Эльза тщательно накрасилась и надела любимое тёмно-зелёное платье — простенькое, но со вкусом. К тому же оно было у неё в фаворе из-за того, что действовало на шефа СБ, как красная тряпка на быка. Немного подумав, Эльза добавила кружевные чулки и туфли на шпильке. «Соблазнять так по полной программе, — игриво подумала она и, глядя в зеркало, послала себе воздушный поцелуй. — Привет, красотка! Ты уж постарайся и дожди сегодня Ледяного тигра, а то столько времени валандаешься, а воз и ныне там».

Прорвавшись через секретаршу-цербера, Эльза заглянула в кабинет.

— Вызывали, сэр? — спросила она официальным тоном, памятуя о народе, сидящем в приёмной.

— Заходи, Тероян.

— Уже зашла, — сказала Эльза, когда дверь кабинета отрезала звуки, доносящиеся из приёмной. — Чего звал? Соскучился что ли? — поинтересовалась она и окинула Штейна оценивающим взглядом.

Они довольно давно уже не встречались, и она начала опасаться за своё пари.

— Угадала! Вообще-то, дорогая, у меня к тебе серьёзный разговор.

«Чёрт побери!» — пробормотала Эльза и без промедления развернулась к двери, причём она удирала так быстро, что Штейну удалось изловить её только на выходе. Он подвёл беглянку к глубокому низкому креслу, из которого было не так-то просто выбраться, и для верности опёрся руками на подлокотники.

— Это ещё что такое? — рыкнул он. — Как смеешь ты уходить без моего разрешения?

В голосе Штейна было что-то необычное, и Эльза с опаской глянула на него, но тут же успокоилась. По лицу было не похоже, что он действительно злится, и она решила, что это их обычная игра.

— Отстань, Томас! Нефиг висеть надо мной, изображая Пизанскую башню, — заявила она с насмешливой улыбкой. — Ну-ну! Нечего пилить меня грозным взглядом. А то я не знаю! Когда ты вот так, с ходу объявляешь мою ценность, добром это не кончается. Обязательно жди какой-нибудь подставы, типа последнего избияния младенцев. Больше я на такое не подпишусь, хоть убей.

Штейн презрительно фыркнул.

— И то верно! Следовало прибить тебя, на пару кое с кем. Тогда вы обе перестали бы действовать мне на нервы.

— Я так понимаю, это ты о нас с Палевской, — сказала Эльза и, порывшись в сумочке, достала сигареты.

Видя, что Штейн медлит, она вопросительно глянула на него — мол, в чём дело? В ответ он состроил недовольную мину, но всё же достал зажигалку. Это была хоть маленькая, но победа и Эльза с удовольствием выдохнула сигаретный дым.

— В чём дело? Кого на этот раз я должна убить или обольстить?

Она закинула ногу на ногу, так что платье задралось выше края ажурной резинки чулок, и тут же пожалела о своей провокации. Вопреки обыкновению, Штейн не стал делать вид,

что ничего не замечает. Наоборот, он сел в кресло напротив и придвинулся так близко, насколько это было возможно. Ноги Эльзы оказались между его коленей, и она усмехнулась.

— Ты рискуешь! Или у тебя там пуленепробиваемый гильфик?

— Проверь, — невозмутимо ответил Штейн и пытливо заглянул ей в лицо. — Ну, чего ты ждёшь?

— Встал не с той ноги? — осведомилась Эльза.

Забравшись глубже в кресло, она скинула туфли, а затем и вовсе забралась на него с ногами.

— Что, струсила, Лисичка? — вкрадчиво проговорил Штейн и, наклонившись вперёд, с явным удовольствием провёл ладонью по её щеке. — Персик! Такая же упругая и золотисто-розовая, до краёв наполненная сладким зрелым соком...

— Кошмар! Не иначе у Марты менструация, — пробормотала Эльза.

Чтобы сбить игривое настроение шефа, она пыхнула ему в лицо сигаретным дымом. Пыхнула от души, так что пространство между ними затянуло плотным белесым туманом, глотнув который она сама закашлялась.

Вопреки ожиданиям, Штейн не рассердился. Разогнав пелену дыма, он вновь протянул руку и его пальцы медленным чувственным движением прошлись по контуру её губ. Затем его рука переключалась вниз и, пройдясь по шее, спустились к плечу и, оголив его, нырнула в вырез платья на груди.

Ошарашенная происходящим Эльза замерла, но сексуальный позыв привёл её в чувство.

— Чёрт побери! Да что с тобой сегодня? — отпихнув руку Штейна, она вернула лямку платья на прежнее место. — Томас, я же сказала, я в ваши с Мартой игры не играю. Так что попридержи коней.

Эльза надеялась, что лёгкий тон, каким это было сказано, позволит им вернуться к прежним отношениям, хотя понимала, что лелеет напрасную надежду. Прежде Штейн фамильярничал с ней, но никогда не позволял себе распускать руки: ни на службе, ни в свободное от работы время. Это было нечто новенькое в их отношениях, и это новенькое ей активно не нравилось. Она по опыту знала, что у Штейна на всё есть своя причина, и тогда в её голове впервые раздался тревожный звоночек. «Неужели он знает? Тогда всё — мне хана!.. Господи! Если Ледяной тигр пронюхает о пари, он засунет меня в такую жопу мира, что вряд ли я выберусь живой... Нет, не может быть! Роза не предаст, а всё остальное всего лишь бездоказательная болтовня», — промелькнуло в её мыслях, тщательно закрытых ментальным щитом.

Стараясь не поддаваться панике, Эльза вновь затянулась сигаретой и с дерзкой улыбкой посмотрела на Штейна, который, с выражением кота, стерегущего пойманную мышь, не сводил с неё пристального взгляда. Отмахнувшись от очередной порции дыма, он с укоризненным видом покачал головой.

— Да, Лисичка, ты девушка редкого нахальства. Только ты имеешь наглость ходить в мой кабинет, когда тебе вздумается, и вдобавок пускать мне дым в глаза. В прямом и переносном смысле.

— О, извини! — Эльза развернулась в сторону пепельницы и затушила сигарету. — Сказал бы сразу, что тебе неприятно, я бы перестала курить.

Остальное высказывание Штейна она благоразумно пропустила мимо ушей.

— Да, мне это неприятно. Будь добра, завязывай с курением.

— Я подумаю над твоим предложением.

— Это приказ, а не предложение.

Ультимативное требование пришлось Эльзе не по вкусу, но она не забывала с кем разговаривает и постаралась ответить, как можно корректней.

— Томас, даже ты не имеешь права вмешиваться в мою личную жизнь, — заметила она.

— Думаешь, мне кто-то указ? — усмехнулся Штейн. — Я на всё имею право, — сказал он таким тоном, будто нисколько не сомневался в этом.

«А вот это уже чистая правда!» — обеспокоенно подумала Эльза и быстро глянула на дверь. «Бежать! Нужно срочно бежать!» — говорила ей интуиция и она не ошибалась. Штейн вновь протянул руку. На этот раз его ладонь легла ей на колено и с прежней неспешностью направилась вверх. Когда его рука забралась ей под подол, она попыталась отодвинуться вместе с креслом, и тут обнаружилось, что оно устоит у стенового выступа и отступить ей некуда. «Вот ведь предусмотрительная скотина!» — невольно восхитилась Эльза и исподволь настроилась на боевой режим. «Интересно, что будет, когда здесь начнётся погром? Впрочем, сомнительно что кто-нибудь посмеет сунуть нос в его кабинет. Штейн может запросто изнасиловать меня на глазах у всех, и никто даже не вякнет», — мелькнула у неё обескураживающая мысль.

Решив, что драться с главой СБ себе дороже, Эльза ограничилась тем, что отпихнула его руку и целомудренно сжала коленки.

— Томас, прекрати! Чёрт побери, сказал бы прямо, что тебе надоели мои заигрывания, я бы от тебя отстала.

— Разве я когда-нибудь жаловался?

— Отвали! Иначе я проверю твой пах на крепость.

— Это ты зря! — ухмыльнулся Штейн. — Моё хозяйство тебе ещё пригодится.

Тем не менее он оставил свои поползновения, и Эльза облегчённо перевела дух, но была настороже, не зная, чего ещё от него ожидать. И всё же ей не верилось, что она добилась того, что не удалось другим. Ведь Штейн прославился тем, что был непробиваем для женских чар. А способов привлечь его внимание, было испробовано немало. Глава СБ не чурался женщин, но сам по себе не проявлял инициативу к знакомству — ему с избытком хватало предложений о встречах. В общем, у него стояла обратная задача, как выбрать одну из множества. Известно о Штейне было и то, что после бурного, но короткого романа он неизменно оставлял очередную пассию, и потому за ним тянулся целый шлейф из разбитых женских сердец. Эльза совсем не жаждала присоединиться к его брошенкам, поэтому старалась не выходить за рамки дружеских отношений. Но иногда она не могла удержаться от озорства и, вытянув его в людное место, с удовольствием ловила на себе злобные взгляды соперниц. К тому же Штейн нравился ей как собеседник — грубоватый, но остроумный. В общем, в его присутствии она чувствовала себя раскованно и свободно — до сегодняшнего дня.

«Что это с ним случилось? — с тревогой подумала она. — Он же не обращал на меня внимания, во всяком случае, как на женщину. Проклятье! Я же была предельно осторожна — лёгкий флирт и ничего более. Господи, только Штейна мне не хватало в качестве любовника! Я же не идиотка, чтобы с ним связываться. Потом хлопот не оберёшься. Да и сексуальные предпочтения у него какие-то странные, народ в казарме о чём-то таком шептался. Зря я не прислушалась, в чём там дело. Любовник-извращенец, да ещё с полномочиями главы СБ. Ну, нет!»

Эльзу передёрнуло: «Проклятье! Томас куда хуже, чем Роза! Если он всерьёз возьмётся

за меня, то вряд ли удастся отвертеться... Может, он уже давно положил на меня глаз и специально не показывал виду, чтобы я не дала дёру?» Она беспомощно оглянулась на дверь.

— Meine Mädchen, чего ты вся как на иголках? — Штейн взял её за руку и с нежностью провёл губами по запястью. — Что, Лисичка, совсем струсила? Не бойся, не такой уж я садист, как бабы треплются. Пока ещё ни одна из них не ушла от меня по своей воле.

«Чёрт побери, кажется, влипла по полной программе. А всё Мориску виновата. Вот сучка! Если бы не она, меня бы здесь не было... Так, нужно что-то делать и срочно!» — промелькнуло в мыслях Эльзы.

— Прости, Томас! Я польщена твоим вниманием, но меня не интересуют интрижки, — проговорила она с напускным сожалением. — Другое дело, если бы ты предложил мне руку и сердце, — добавила она, пряча ликование.

«Теперь ты точно от меня отлипнешь. Ведь стоит упомянуть о браке и тебя как ветром сдувает!» — победно подумала Эльза.

На лице Штейна, не спускающего с неё глаз, промелькнуло хищное выражение.

— Вот что вы за народ, бабы! Так и норовите окольцевать, — проворчал он и запустил руку в карман пиджака.

— Достань и на мою долю, а то мои кончились, — попросила Эльза, уверенная, что он полез за сигаретами.

— Держи.

Она протянула руку к Штейну и с недоумением посмотрела на кольцо с бриллиантом, которое он надел ей на палец.

— Это что такое? — спросила она, подняв на него глаза.

— А самой не догадаться? — усмехнулся он. — Сама же требовала предложения руки и сердца. Вот ты их и получила.

Деморализованная Эльза настолько утратила бдительность, что не сразу осознала, что с задранной до талии юбкой сидит на коленях у Штейна, а её губы и грудь горят от его жёстких поцелуев, больше похожих на укусы.

— Убью! Отпусти немедленно! — прошипела она, активно вывертываясь из его рук. — Отпусти, я кому сказала?!

Штейн глянул на неё потемневшими глазами и на его пальцах, стиснувших её грудь, показались когти. Всё же он пришёл в себя и ослабил хватку. Эльза слетела с его колен и, отскочив в сторону, попыталась придать пристойный вид расхристанному платью. Безнадёжно испорченные чулки, пестрящие многочисленными дырами, она сняла и швырнула их в корзину для мусора.

— Почему я? — с отчаянием воскликнула она.

— Почему бы нет? В конце концов ты ничем не хуже других, — встав, Штейн сладко потянулся и саркастически воззрился на неё. — А ты рассчитывала на место любовницы? Оно уже занято. Так что довольствуйся тем, что есть.

— Скотина! — вырвалось у Эльзы.

— Meine Liebe, ты же не думаешь, что я, женившись на тебе, брошу Марту, — Штейн направился к рабочему столу. — Тероян, я хочу обсудить с тобой кое-какие вопросы. Ведь ты была в Сирии и досконально знаешь тамошнюю обстановку. Как думаешь, бывший офтальмолог удержится у власти? И вообще, весь этот ближневосточный винегрет...

Не слушая, что он говорит, Эльза смотрела на руку с кольцом. Крупный алмаз сиял и переливался разноцветными бликами, подтверждая, что ей ничего не приснилось. «Вот

влипла! — тоскливо подумала она. — Нет, нет и нет! Все что угодно, только не его женой!» Неожиданно она успокоилась и потаённо улыбнулась: «А спор-то я выиграла! Кто бы мог подумать, что непробиваемый глава СБ сделает мне предложение. Ура! Свобода!.. Ладно, от Розы я освободилась, а от Томаса сбегу. В конце концов, если ему так приспичит, то пересплю с ним пару раз, а потом потихоньку сделаю ноги, только он меня и видел. Думаю, Роза с удовольствием переведёт меня подальше от штаб-квартиры, как только до неё дойдут слухи о предложении Штейна. Теперь главное — это отвертеться от предложения руки и сердца тигруши. И как мне кажется самый лучший выход — это слинять по-тихому, не споря с начальством. Тогда Томас точно разозлится и прекратит свои матримониальные поползновения... Бежать, скорее бежать!» Эльза прикинула расстояние до двери и быстро стянула с пальца кольцо.

Дверь закрылась абсолютно бесшумно, но Штейн, который всё ещё был на пути к своему креслу, мгновенно обернулся и его лицо исказилось от неконтролируемого гнева. В кабинете было пусто, зато на видном месте лежало кольцо, за право обладать которым билась масса вампирских женщин. Под влиянием момента Эльза совершила ошибку: она не приняла во внимание его уязвлённое самолюбие, за что и поплатилась.

При виде такого пренебрежения к его предложению руки и сердца, которое далось ему далеко не так просто, как он его преподнёс, Штейн сгоряча хотел отправить беглянку в ту самую задницу мира, как она опасалась, но затем в нём возобладал здравый смысл. Для разрядки он выдал насыщенную матерную тираду и, взяв себя в руки, связался с охраной.

— Тероян ко мне! Срочно! Живой или мёртвой! — распорядился он и дежурный включил красный код.

Спустя десять минут из приёмной секретаря, приглушённые дверью, донеслись грохот, ругань и голос Марты, которая, перейдя на немецкий, на повышенных тонах требовала объяснения, какого чёрта происходит во вверенном ей герром Штейном помещении. «Впустить!» — рявкнул герр, нажав соответствующую кнопку на селекторе.

Дверь отворилась и первой в кабинет влетела растрёпанная Марта, следом за ней вошли двое матёрых офицеров в форме СБ. С одинаково бесстрастным выражением на лицах они держали Эльзу, связанную по рукам и ногам.

Марта с отвращением посмотрела на пленницу.

— Прошу прощения, герр Штейн, но эти господа утверждают, что вы велели доставить *этовам* в кабинет! — воскликнула она, на этот раз по-русски, но всё же с довольно сильным немецким акцентом, что говорило о высокой степени её волнения.

«Сука!» — довольно внятно промычала Эльза, чей рот был заклеен скотчем, и попыталась пнуть секретаршу. Марта ловко увернулась и с брезгливым видом отряхнула рукав снежно-белого обтягивающего костюма.

— Selbst du Luder! — не осталась она в долгу.

— Марта, выйди вон. Ещё раз ворвёшься в мой кабинет без разрешения, пеняй на себя, — холодным тоном сказал Штейн.

Не смея выказывать своё неудовольствие, девушка возмущённо сверкнула глазами, но дисциплинированно поклонилась и ускользнула за дверь.

«Посадите Тероян в кресло у камина», — последовало распоряжение, и офицеры СБ без особой нежности швырнули Эльзу на указанное место. От удара копчиком о деревянный подлокотник у неё перехватило дыхание. Это была своеобразная месть со стороны охраны. При задержании Эльза одному из офицеров пропорола бок, а другому выбила челюсть. В

знак протеста она попыталась их лягнуть, но и здесь не преуспела в своём намерении. Откозыряв хозяину кабинета, охрана смылась за дверь и была такова.

Поначалу Штейн морщился — Эльза извивалась как дикая кошка, угодившая в ловушку, и громила всё вокруг себя — затем он с головой ушёл в работу и реагировал только на звонки и ментальные вызовы первостепенной важности.

Спустя пару часов он насторожился, больше не слыша грохота падающих вещей.

— Эй, Тероян!.. Ты там жива?

Ответа не последовало, тогда он встал и, зайдя в душевую при кабинете, вышел оттуда, держа в руках смоченное полотенце. Подойдя к креслу, в котором неуклюже притулилась связанная Эльза, он присел на подлокотник. При виде двух светлых полосок на её перепачканном лице он неслышно вздохнул: «Ну, конечно! Это такая трагедия — выйти за меня замуж».

— Meine Liebe, всё же ты редкостная замарашка. Только тебе удаётся собрать на себя такое количество грязи в нашей стерильно чистой конторе. Где ты её находишь, ума не приложу, — осторожными движениями Штейн протёр лицо Эльзы мокрым полотенцем. — Порядок! Ещё не принцесса, но уже не золушка, — он заправил прядку волос ей за ухо и примирительно улыбнулся. — Вообще-то я надеялся, что у тебя больше ума, а ты ведёшь себя как капризный ребёнок. Лисичка, тебе нужна романтика? Наверное, ты о ней только и думала, когда спорила на меня с сослуживцами?

Он резким движением оторвал скотч.

— Надеялась, что я не узнаю?

— Ты это о чём? — насторожённо спросила Эльза.

— Заткнись! — сказал Штейн всё тем же обманчиво мягким голосом и достал из кармана затёртую по краям сложенную бумажку. — Как там дословно звучала твоя клятва, когда ты выплясывала на столе в вашей казарме: «Я, Эльза Тероян, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь, что в течение года приручу Ледяного тигра и получу от него предложение руки и сердца. Если этого не произойдёт, то пари будет считаться проигранным и Эльза Тероян на год перейдёт в полное сексуальное владение Розе Мореску». Я всё верно процитировал? Ничего не перепутал?.. Да или нет? — рявкнул он в полный голос.

— Да! — выкрикнула Эльза и Штейн одобрительно кивнул.

— Если да, то нечего лить слёзы. Провинилась, будь добра понести наказание.

— Так точно, сэр! — с некоторым облегчением пробормотала Эльза. — Я отсижу, сколько вы пожелаете...

— Чего? — удивился Штейн. — Размечталась, что я отправлю тебе на гауптвахту? Нет, Лисичка, так легко ты не отделаешься. Ваша спецназовская братия уже настолько обнаглела, что вам мало стало пьянок и драк с поножовщиной, вы решили, что можно и из меня сделать разменную монету, — его глаза опасно сузились и засветились серебряным светом, показывая, что он находится в крайней степени бешенства. — Это твоё счастье, Тероян, что мне понадобилась жена, а то гнить бы тебе там, куда Макар телят не гонял, как говорят русские. Не знаю, куда этот тип их не гоняет, но я бы подобрал тебе хорошее местечко. Для будущих похорон. Лисичка, ведь ты знаешь, что я могу сделать так, что ты будешь умирать медленно и мучительно...

— Хватит, — тихо сказала Эльза и Штейн провёл когтём по её шее, а затем слизнул выступившую кровь.

— Что ты сказала? — вкрадчиво спросил он.

— Хватит издеваться надо мной! Хочешь убить, убей, но я тебя не боюсь!

— Просто ты ещё не всё обо мне знаешь, — усмехнулся Штейн.

С усталым выражением на лице Эльза на несколько мгновений прикрыла глаза.

— Слушай, может, уже хватит? Нечего запугивать меня как маленькую. Лучше скажи, что тебе нужно. Хочешь, чтобы я поучаствовала в вашей групповухе с Мартой, то так и скажи.

— Вот дура! — Штейн покачал головой. — Ты вообще слушаешь, что я тебе говорю? Мне нужна жена, а не очередная любовница.

— Нет уж, это слишком жестокое наказание. Давай отправляй меня туда, куда Макар телят не гонял, — Эльза вздохнула. — Прости, Томас! Я понимаю, ты имеешь полное право злиться. Но ты же сам знаешь, как это бывает. Временами наши задания настолько бесчеловечны, что спастись можно только алкоголем и такими вот дурацкими выходками, — проговорила она с покаянным видом. — Поверь, я совершенно не хотела спорить на тебя, но поневоле пришлось согласиться. Честное слово! Девчонки так прижали, что было некуда деваться. Слушай, давай забудем обо всём и снова станем друзьями, а? Согласись, вдвоём мы неплохо проводили время.

— Что верно, то верно, — Штейн неохотно улыбнулся. — Именно это и послужило смягчающим обстоятельством. На твоё счастье.

— Э нет! — запротестовала Эльза. — Я не пыталась тебя соблазнить, и ты знаешь, что это правда. Просто мне нужно было пережить определённое время, чтобы Роза... то есть девчонки отстали от меня. Давай уж прекратим этот дурацкий фарс, с предложением руки и сердца. Я знаю, ты это не серьёзно ...

Штейн, который во время разговора с сосредоточенным видом отрывал торчащие лоскутки от её платья, удивлённо приподнял бровь:

— Почему ты так решила? Предложение руки и сердца самое настоящее, без дураков. И я очень надеюсь, что ты его примешь именно сейчас и без всяких отговорок.

— Иди к чёрту! Я не собираюсь замуж. Что ты ко мне привязался? Полно же других дур, что спят и видят, как бы тебя окрутить.

— Зачем мне другие дуры, когда у меня есть ты? — задал Штейн вполне резонный вопрос и Эльза возвела очи горе.

— Можешь даже не стараться. Я не выйду за тебя.

— Выйдешь! Куда ты денешься? Ты не забыла, что в случае отказа если не я, то Мореску? А я обязательно прослежу, чтобы ты исполнила условия пари.

«Вот ведь упрямый осёл!» — расстроилась Эльза и выдвинула последний аргумент:

— Томас, не нужно! Я тебя не люблю.

— Жаль, — Штейн встал и взял её на руки, и она обеспокоенно посмотрела на его помрачневшее лицо.

— Эй! Ты что задумал?

— Читала «Маленького принца» Сент-Экзюпери? — спросил Штейн спокойным голосом, и когда Эльза осторожно кивнула, он иронично добавил: — Вот и умница! Значит, милая Лисичка, ты знаешь, что в ответе перед теми, кого приручила. И не нужно теперь скулить и изворачиваться. Признай уж, что попала в собственный капкан и мужайся. Даже не надейся, в этот раз тебе не отвертеться. Прости, дорогая, но ты не оставила мне другого выбора, так что придётся перейти к крайним мерам.

Он положил Эльзу на стол заседаний и содрал с неё остатки платья.

— Гад, ты что делаешь?! — завопила она. — У тебя же скоро селекторное совещание! Опозорить меня хочешь перед всеми? Томас! Развяжи немедленно, я никогда не прощу тебе такого свинства!

— Развяжу, когда скажешь «да», иначе у глав отделов сегодня будет крайне занимательное зрелище, а именно, сеанс порнофильма с тобой в главной женской роли, — проговорил Штейн, снимая пиджак и галстук.

— Да! гад ты этакий! Да! будь ты проклят, мерзавец! Да! И развяжи меня немедленно! Убью, как только освобожусь!

— So ist ' s besser!

Как и обещал, Штейн распутал ловчую нить и, глядя в горящие яростью глаза будущей жены, с удовольствием подумал, что семейная жизнь обещает быть не скучной.

— Эй! Верни мой пиджак! — воскликнул он.

— Только вместе с кольцом.

— Ладно, забирай, — сдался Штейн, и Эльза подпоясала пиджак его же галстуком.

***

«Привет, Рени! Как прошла охота?.. Рад за тебя... Чего звоню? Да вот хочу пригласить вас с Миком на небольшое семейное торжество, нужно же познакомить вас с женой... Как это с чьей, естественно, со своей... Кто такая, пока секрет. Приедешь, сама увидишь... Да не вру я! Я же говорил тебе, что попытаюсь уговорить одну красотку... Какие проблемы! Пять минут лежания на столе и готово... Никаких скабрёзностей я тебе не рассказываю, только как оно было на самом деле... Я думаю, что на этой неделе в выходные... Давайте лучше в пятницу. У нас будет больше времени отдохнуть... Хорошо, жду вас. Кстати, передай Мику, чтобы он позвонил мне... Не беспокойся, Ник у меня. Правда, сейчас он где-то шляется с патрулями, говорит, что изучает тенденцию по фениксам... Ну да, Мари с ним, как и остальные. Это же теперь неразлучная четверка... Спасибо-спасибо! Давай ты потом поздравишь... Хорошо, до встречи!»

Сжав кулак, Эльза ударила мужа по плечу — не сильно, но довольно ощутимо.

— Знала бы, что ты будешь позорить меня перед Рени, лучше бы я сама с ней переговорила.

— Что такого я сказал? — удивился Штейн, действительно не понимая из-за чего она злится.

— Ладно, проехали! — с досадой отозвалась Эльза и упёрлась руками ему в грудь. — Нет, только не здесь!

— Это ещё почему? И вообще, с чего вдруг ты стала такой стеснительной? Как будто в первый раз.

— А у меня есть выбор? Таскаешь в свой кабинет, будто девочку по вызову. Стыдно уже людям в глаза глядеть... Томас, совсем сдурел? Конец дня, в чем я домой пойду?

— Ничего! Марта из своих тряпок что-нибудь одолжит, по старой памяти... На крайний случай, в душевой где-то было большое полотенце. Эль, давай без проволочек! У меня скоро совещание.

— Чёрт побери, а до дома тебе никак не подождать?

— Да, чуть не забыл! Сегодня домой меня не жди, у меня командировка. Буду дня через два... или три. В общем, к выходным обязательно приеду.

Одетая в одно лишь пальто на голое тело Эльза вышла в приёмную и в ней

всколыхнулось уже ставшим привычным раздражение. Персональные няньки в лице пары офицеров СБ тут же встали, готовые сопровождать её до дома.

Несмотря на официально оформленный брак, Штейн не доверял жене и держал её под постоянным контролем, опасаясь, что она сбежит. В общем-то, именно это Эльза собиралась сделать в самом начале своего невольного замужества, но затем заняла выжидательную позицию.

Вопреки её опасениям, Штейн оказался хорошим мужем. В его доме она была полновластной хозяйкой — как говорится, любой её каприз за его деньги, причём по первому требованию. Другое дело, что ей ничего особо было не нужно от него, и он по своему почину заваливал её подарками: редкими драгоценностями, баснословно дорогими шубами, нарядами от известных модельеров и прочей ерундой, столь любимой светскими женщинами.

Видя старания Томаса, Эльза улыбалась и благодарила, а в душе была готова его убить. Благодаря его подаркам и тому что он постоянно вызывал её в свой кабинет, обычно под предлогом консультаций, она не ощущала себя ни его женой, ни хозяйкой в его доме. Сознательно или нет, но Штейн вёл себя с ней как с содержанкой. Если бы не редкие моменты, когда он в прежней товарищеской манере делился с ней своими мыслями и переживаниями, и ночи, наполненные страстью, когда он был по-своему нежен с ней, Эльза давно бы уже убежала.

***

Сухо трещали одиночные винтовочные выстрелы, захлёбывались скороговоркой пулемёты. Ко всему прочему, с высоты небес нещадно пекло солнце. В воздухе висело жаркое марево, состоящее из пыли, гари и людского горя. Как правило, последнее пахнет дерьмом, потом и кровью, но на этот раз преобладал запах дерьма из-за того, что взрывами разворотило канализацию.

Близкий вой снаряда заставил Штейна пригнуться. «Teufel!» — ругнулся он, когда осколок съел ему часть плеча, не защищённого бронежилетом. Кость не пострадала, но рукав сразу же пропитался кровью, и она быстрой струйкой побежала к запястью, чтобы затем упасть на глинистую почву, убитую до состояния камня.

— Сэр! Мы их нашли! — проводник прыгнул в их укрытие и ткнул рукой в направлении полуразрушенного трёхэтажного дома в конце улицы.

— Gut! — буркнул Штейн.

Кровь хлестала так сильно, что ему не удалось затянуть рану при помощи регенерации. Видя это, адъютант потянулся к санитарной сумке и вытащил баллончик с искусственной кожей, но он покачал головой и тот перетянул ему руку жгутом.

Справившись с ранением, но не с его последствиями, Штейн смахнул пот со лба и выразительно глянул на адъютанта, который уже держал наготове инъектор со стимулятором. «Вроде мальчишка неплохо справляется, пожалуй, стоит взять его взамен Лившица», — отстранённо подумал он.

— Сэр! — раздался обеспокоенный голос.

— Да? — Штейн открыл затуманенные слабостью глаза.

— Пейте, сэр!

Временный адъютант, которого он взял вместо недавно погибшего Лившица, держал за шкуру местного парнишку, который, не в силах двинуться, смотрел на вампиров побелевшими от ужаса глазами. Клыки Штейна пропоролы кожу на шее юного араба и тот потерял сознание — не столько от кровопотери, сколько от навалившегося на него суеверного страха.

Стимулятор и кровь привели Штейна в более или менее нормальное состояние, и он повёл свой отряд туда, куда показал проводник. Когда они были уже у дома, на улице показался тяжёлый бронетранспортёр на гусеничном ходу. Израильский «Азхарит», определил вампирский спецназ. Прятаться было уже поздно, солдаты, сидящие на броне БТР, заметили их отряд. Командир вопросительно глянул на Штейна, ожидая команды на захват, но он не захотел терять время и отрицательно качнул головой. В то же мгновение гранатомётчик взял БТР под прицел и кумулятивный снаряд, разработанный вампирскими учёными, с лёгкостью пропорол усиленные карбоном стальные накладки, и лобовую броню бывшего танка.

Опередив остальных, глава вампирской СБ влетел внутрь дома и сбежал по полуразрушенной лестнице, ведущей в подвал. В лицо ему ударил ослепительно яркий луч фонаря.

— Ну вот, а ты не верила, что наш мальчик придёт, чтобы спасти нас, — раздался торжествующий женский голос.

— Лейла, прекрати светить Томасу в глаза, — ворчливо отозвалась другая женщина.

— Oui, oui! Je suis désolé, bébé!

— Совсем из ума выжила? Где ты видишь ребёнка?

— Да вот он, прямо перед тобой. Анна, это ты из ума выжила. Наш мальчик ничуть не изменился. Уверена, Томас всё такой же проказник, — женщина слабо хихикнула. — Помнишь, как ты орала, когда он поджёг крысе хвост и сунул тебе под юбку?

— Нашла что вспомнить!

— Мадам Симон, мадам Арден! — Штейн шагнул вперёд и поочередно обнял старых женщин.

Лейла Симон и Анна Арден были теми самыми фуриями, что поначалу страшно донимали его в той школе, куда подростком определил его Палевский. Затем Томас сменил тактику и подружился с ними, причём подружился настолько, что стал их любимчиком. Впоследствии четвёрка активно поддерживала его и всячески способствовала его продвижению в Совет старейшин, да и потом не оставляла помощью и моральной поддержкой во всех его начинаниях.

Штейн не замечал, насколько стары его учительницы, пока случайно не узнал, что Лидия Диас ушла из жизни. Тогда он, кляня себя за забывчивость, начал разыскивать оставшихся: Корин Ри, Лейлу Симон и Анну Арден. Когда ему сообщили, что они живут в ближневосточном городе N, который внезапно попал в зону военных действий, он без раздумий бросился на выручку старым дамам. И вот, из его верных наперсниц в живых осталось только двое. Корин Ри, как выяснилось, попала под бомбёжку, когда ходила за продуктами.

Кто-то из спецназовцев поколдовал, генератор затарахтел и в подвале вспыхнул свет.

Это был не просто подвал, а настоящая усыпальница. В центре комнаты стояли четыре мраморных постамента с гробами. Два из них были закрыты крышками, два других, сияя белоснежным шёлком, ждали своих хозяек. Штейн посмотрел на оставшихся в живых женщин и всё понял. Обе были при полном параде и походили на средневековых королев в изгнании.

— Нет, даже не просите! Я не могу! Мадам Симон, мадам Арден, за кого вы меня принимаете?

— Томас! — мягко, но требовательно сказала мадам Арден и Штейн вдруг осознал, как много эти женщины значили в его жизни.

Они были его надёжным тылом, четырьмя добрыми феями, которые, как ему казалось, будут вечно хранить его от невзгод.

— Мадам Арден! — он проглотил горький комок в горле и поцеловал руку, затянутую в кружевную чёрную перчатку. — Мадам Симон! — его взгляд обратился к другой, самой его любимой учительнице.

— Мой мальчик, я страшно рада, что ты выкроил время и сам пришёл нам на выручку. Благодаря этому мы можем с тобой попрощаться, — Лейла Симон обняла воспитанника, а затем, отстранившись, улыбнулась сквозь слёзы. — Что уж греха таить! Для нас ты был как сын. Корин перед смертью жалела лишь о том, что не успела попрощаться с тобой... — она прижала ладонь ко рту Штейна и его глаза тоже затуманились слезами, когда на него пахло знакомыми с детства духами. — Не нужно, не оправдывайся! Мы знаем, насколько ты занят, и никогда не обижались на тебя.

Анна Арден, самая строгая из четвёрки, тоже обняла его на прощание и её губы на

мгновение прижались к его щеке. Это был самый ласковый жест, какой Штейн видел от неё, причём не только по отношению к нему.

— Ну-ну! Mon garçon, не нужно хмуриться! Мы сделаем всё сами, тебе остаётся лишь попрощаться с Корин и Лидией, чтобы они могли спокойно спать, — напомнила она и Штейн направился к закрытым гробам.

— Можешь их открыть, — догнал его голос Лейлы Симон. — Не бойся, они обе в порядке и тебе не будут сниться кошмары.

Действительно, обе женщины, оправдывая вампирскую репутацию, выглядели так будто они спали. Штейн склонился и поцеловал сначала одну, а затем другую. Он сделал бы то же самое даже будь они разложившимися трупами, причём без всякого отвращения, испытывая лишь благодарность к своим крёстным матерям.

— Всё, теперь иди! Поторопись, скоро налёт! — повелительно сказала Анна Арден и обняв подругу, повела её к разверстым гробам.

Командир отряда вопросительно глянул на Штейна. «Сэр, если хотите, мы можем вытащить их отсюда», — мысленно сказал он и тот было заколебался, но затем отрицательно качнул головой: «Не будем нарушать их волю. Если они и в смерти хотят быть вместе, значит, так тому и быть».

Штейн уходил последним. «Мадам Лидия, мадам Корин, мадам Симон, мадам Арден, простите и прощайте!» — он бросил последний взгляд на гробы и выключил генератор. Выйдя из тьмы подвала на уличный свет, он отвёл подальше своих людей и взял под контроль сознание лётчика, чья эскадрилья летела бомбить несчастный город. Ракетные снаряды ударили точно в дом, а его самого ударила пустота — ни Анны Арден, ни Лейлы Симон, которые до последнего были с ним и страховали его корректировку огня, больше не было в живых.

Когда за ними прилетела авиетка и временный адъютант протянул ему фляжку с водкой, Штейн выпил её до дна и бросил на него оценивающий взгляд, отметив при этом что внешне они очень похожи.

— Ты новичок и ты не из спецназа, — сказал он утвердительным тоном.

— Так точно, сэр! Я стажёр из аналитического отдела, Иван Ладожский, — ответил парень и осторожно улыбнулся. — Мой начальник решил, что будет неплохо дать мне понюхать пороху и заодно проанализировать ситуацию на месте.

— Ну и что, проанализировал? — небрежно поинтересовался Штейн и похлопал себя по карманам, в поисках собственной фляжки.

— Да, сэр, проанализировал. Если вам интересно, я могу...

— Не сейчас, — буркнул Штейн и, не найдя искомого, сторбился и тяжело вздохнул. — Ordnung und Kontrolle — das wichtigste in unserem Dienst.[1] Доложишь по инстанции, как положено.

— Так точно, сэр! — отрапортовал Ладожский и вручил начальству запасную фляжку[2], предусмотрительно захваченную с собой, чем резко повысил свои шансы на вхождение в ближний круг главы вампирской СБ.

Женские посиделки с откровенными разговорами. Самая животрепещущая тема — о сильной половине рода, правда, уже не вполне человеческого

Небольшое поместье в горах Алтая, принадлежащее Штейну, располагалось в красивейшем месте, и при том в совершеннейшей глуши. Лишь изредка, во время перекочёвки на новое пастбище, мимо проходили чабаны с отарами, да бабы и ребятишки из

соседних сёл иногда плутали и появлялись поблизости, как правило по осени, когда ходили в лес за грибами и ягодами.

Несмотря на то, что вокруг не было ни дорог, ни света, поместье было хорошо обустроено. При его постройке современное оборудование искусно спрятали и постарались сохранить изначальный дикий ландшафт. Двухэтажный бревенчатый коттедж и прочие хозяйственные постройки естественно вписывались в окружающий пейзаж, потому у дома мирно росли столетние кедры, соседствуя с искусственным бассейном, замаскированным под небольшое озеро.

Забор, как таковой, тоже отсутствовал: его заменяла полоса невидимых датчиков, которые сигнализировали о наличии непрошенных гостей. Если это было любопытное зверье, его отгоняли инфразвуком. Он же неплохо действовал и на людей. Особо упёртых встречал хмурый сторож, с охотничьим ружьём наперевес. Тем не менее умная аппаратура, настроенная на крупную дичь, позволяла прочей мелочи спокойно прыгать и ползать по территории поместья, чем поначалу вызывала у Эльзы удивление, граничащее с восторгом. После горячих точек, где совсем недавно она побывала, ей казалось чудом, когда непуганая птица садилась ей на плечо, или шустрые полевки, блестя любопытными глазами-бусинками, пробежали прямо по её ногам. Только недоверчивые бурундуки избегали близкого знакомства с ней. Правда, потом выяснилось, что зверьки почти ручные, в голодное время их подкармливали, так что со временем они тоже признали хозяйку поместья.

***

Как и обещал, Штейн появился дома перед выходными, а именно, в пятницу утром. Вид у него был предельно хмурый и неразговорчивый. Обычно аккуратный до педантичности на этот раз он швырнул плащ и перчатки прямо на пол и, не сняв обувь, поднялся на второй этаж. Эльза собрала разбросанные вещи и бросилась следом за ним. Томас сидел в кресле и невидящим взглядом смотрел перед собой. Усталая физиономия и покрасневшие глаза подсказали ей, где он был, и она, сняв с него обувь, погнала его спать. К её удивлению, он послушался и после душа напрямиком направился в спальню. Это было впервые, когда Томас не позвал её составить ему компанию и даже больше, когда она зашла к нему, без обиняков заявил, что хочет остаться один. Эльзу обидело не столько то, что он её прогнал, сколько то, что он по-прежнему ей не доверял. Она явственно видела, что у него случилась беда, но он ничего ей не рассказал, и это опечалило её куда сильнее, чем она ожидала от себя.

***

В субботу утром авиетка доставила их на Алтай. Несмотря на уговор, Палевские прилетели уже на закате, отговорившись тем, что у Мика были неотложные дела.

Постоянной прислуги в поместье не было и время за хозяйственной суетой пролетело незаметно. Не успели хозяева и гости разместиться в своих комнатах, как за окнами уже стемнело и, как водится, с уходом солнца сразу резко похолодало.

Когда они собрались в большой комнате, выполнявшей роль гостиной, Палевские наконец вручили молодожёнам свои подарки.

После праздничного застолья мужчины ушли в пристройку — под тем предлогом, что им нужно готовить снасти для рыбалки, а на женскую долю, как всегда, достались уборка и мытьё посуды.

Пока Рени расставляла тарелки и кружки на полках, Эльза куда-то исчезла и она, забеспокоившись, выглянула в окно. На самом краю поляны, которая вплотную примыкала к тёмной стене леса, на небольшом взгорке ярко светил небольшой костерок.

«Вот ведь нахалка! Бросила хозяйство на гостью, а сама сбежала», — беззлобно подумала Рени.

Выйдя из сухого тепла деревянного коттеджа, она зябко поёжилась от промозглой сырости, и застегнула меховую куртку.

— Кошка, ты куда? — догнал её голос мужа.

Она поймала его насторожённый взгляд и успокаивающе улыбнулась.

— Решил, что я собираюсь сделать от тебя ноги? И даже не надейся, — поддразнила она его и подняла воротник куртки. — Брр! Господи, как холодно!

— Подожди, я тебя согрею.

Подойдя, Палевский поцеловал её и замер, не выпуская из объятий. Рени прижалась к нему и с удовольствием вдохнула такой знакомый и родной запах, с примесью табака и алкоголя.

— Не беспокойся, мой ангел, я ненадолго. Пойду посплетничаю с Эль, а то она совсем чего-то загрустила. А вы тем временем поболтайте о своём, о мужском. Например, обсудите размер червяков для утренней рыбалки. Потом все вместе повечеряем, чайку попьем. Поверь, вы даже не успеете заскучать, как мы уже вернёмся.

— Я скучаю каждое мгновение без тебя, но я не такой тиран, чтобы водить тебя за собой на поводке. Хотя иногда очень хочется, особенно в последнее время...

— Всё в порядке, мой ангел, ты зря тревожишься. Мы же здесь в гостях. Спокойно отдыхай и ни о чём плохом не думай.

Поцеловав мужа, Рени высвободилась из его объятий.

Палевскому чем-то не нравилось её настроение. Он задержал взгляд на её безмятежном лице, но не подал вида, что встревожился.

— Не задерживайтесь долго. Хорошо? — попросил он, прежде чем уйти.

— Вот ведь Фома неверующий! Иди уже! — Рени подпихнула его в направлении пристройки. — Похоже, наши молодожёны уже успели поцапаться. Пока я провожу сеанс психотерапии с новобрачной, ты походи узнай у Томаса, чего он такой смурной.

— Ладно, уговорила.

Рени подождала, когда муж скроется в светлом проёме распахнутых дверей, и на её лицо легло отрешённое выражение. «Всё, больше никаких проволочек! Только успокою Эль и сразу в путь...»

Боясь растерять решимость, Рени с направилась к костру, на фоне которого виднелась одинокая женская фигура. Подойдя ближе, она невольно залюбовалась волшебной картиной. Отсветы костра бросали огненные блики на лицо и волосы Эльзы и оттого она казалась саламандрой, которая покинула родную стихию и превратилась в прекрасную девушку.

— Не помешаю?

Услышав её голос, Эльза вскинула голову и улыбнулась.

— Присаживайся! Я знала, что ты придёшь, — она подвинулась, давая ей местечко на тулупе, на котором сидела сама.

Охваченная грустным умиротворением, Рени села, но не спешила начинать разговор, ей хотелось сполна насладиться последними мгновениями жизни.

Прижавшись друг к другу, подруги молча слушали, как тревожно шумят на холодном ветру деревья и с первобытным ощущением радовались теплу и защите костра.[3] Временами одна из них подбрасывала в огонь новую порцию веток, и тогда просыпалась иная тяга — тяга к непознанному, и они заворожённо наблюдали за фейерверком искр, рвущимся к

далёким звёздам.

Наконец Эльза заёрзала на тулупе, а затем завздохала, давая понять, что не прочь поговорить.

— Ну, что случилось, Эль? Давай рассказывай! — потребовала Рени на правах старшей подруги.

— Да ничего не случилось, а настроение — хоть вешайся.

— Понятно. Тогда излагай по порядку. Для начала я услышать сказ о том, как хитрая Лисичка угодила в лапы к Ледяному тигру, а то ходит масса всяких диковинных слухов, в том числе будто бы имело место изнасилование, — сказала Рени и её глаза заискрились смехом. — Правда, я так и не поняла, кто из вас кого изнасиловал, но все женщины и большинство мужчин склоняются к версии, что это ты его. Поэтому Томас, как порядочный человек, был вынужден на тебе жениться. Так что давай в подробностях, если не хочешь, чтобы я умерла от любопытства.

Прекрасно зная молодожёнов, она не удержалась от смешка, и Эльза бросила на неё укоризненный взгляд.

— Смешно тебе, да? Я бы тоже посмеялась, будь кто другой на моём месте. Господи! Какая несусветная глупость! Как будто Штейна можно к чему-либо принудить, тем более к женитьбе, а уж реноме порядочного человека — это вообще не из его репертуара. Ну, а сплетни... ещё бы они не гуляли по конторе... Смотри, смотри! Падающая звезда! — воскликнула она, заметив росчерк света на ночном небе, и досадливо вздохнула: — Чёрт побери! Слишком поздно их замечая, чтобы успеть загадать желание. Ри, а ты успела?

Рени взяла палку и поворошила ею костёр. Когда к звёздному небу Алтая рванулся целый рой ярких живых искорок, она безрадостно улыбнулась.

— Я и не пыталась, мне это уже ни к чему.

Эльза бросила на подругу тревожный взгляд.

— Ри! Никто не знает, сколько ему отпущено. Вспомни, что приключилось с эреями. Большой барабум и их в одночасье не стало... Ой! — сконфузилась она. — Прости, это был неудачный пример.

— Да полно тебе! Я тебе что, романтичная институтка, чтобы биться в истерике перед близкой кончиной? — хладнокровно ответила Рени и на её лице промелькнуло любопытство. — Откуда ты знаешь про эреев, Томас рассказал?

— Да. Это так интересно, правда? Неужели все эреи были такими же, как Ник, Михаил и Мари? Тогда остаётся лишь пожалеть, что такая красивая и талантливая раса сгинула во тьме веков.

— Увы, не во тьме веков, а в катастрофе, которая не оставила им выбора. Ладно, что-то мы опять ушли от темы. Вообще-то, речь сейчас не о обо мне, а о тебе. Знаешь, Эль, одно время мне казалось, что после случая с Хикару, ты на пушечный выстрел не подпустишь к себе ни одного мужчину, не говоря уж о том, чтобы снова выйти замуж.

— Я тоже так думала, — грустно сказала Эльза и, подтянув к себе колени, устремила невидящий взгляд в темноту. На её лицо легла тень бывшего страдания, но заметив сочувствие во взгляде Рени, она выпрямилась и покачала головой. — Нет, Ри, всё уже перегорело, по большей части... Я надеюсь.

— Хорошо. Так что у тебя с Томасом?

— Самой хотелось бы знать, — вздохнула Эльза и со смущённым видом шмыгнула носом. — Слухи не врут, замуж я вышла исключительно под угрозой публичного

изнасилования. Причём связанная по рукам и ногам.

Рени глянула на подругу, проверяя не шутит ли она.

— Дальше! — потребовала она.

— К сожалению, удача оказалась не на моей стороне. В общем-то, сама виновата. Будь расторопней, гуляла бы на свободе. Видишь ли, когда я попыталась скрыться от столь щедрого предложения руки и сердца тигруши, этот гад так рассвирепел, что приказал охране задержать меня прямо в офисе. Знала бы, что он способен на такое, драпала бы так, что только пятки сверкали. Ну, а так меня быстро заловили.

Воспоминания были ещё слишком свежи, и Эльза скрипнула зубами.

— Вот скотина! Представляешь, какое это было позорище?! Меня, связанную по рукам и ногам, да ещё при массе народа, волокут в его кабинет! До сих пор на душе муторно, как вспомню смешки окружающих. А уж эта сучка, его секретарша, просто сочилась презрением. Будь моя воля, убила бы гадину!

— Что потом?

— Потом Томас попытался взять меня измором. Пару часов промариновал в связанном виде, а затем, отчаявшись, прибёг к последнему аргументу. В общем, когда он уложил меня на стол и для демонстрации серьёзности своих намерений начал расстёгивать ширинку, а дело происходило накануне селекторного совещания с главами отделов, сама понимаешь, я была вынуждена пойти на попятный.

— Вот ведь паршивец! — у Рени вырвался сдавленный смешок. — Похоже, у тебя не было шансов отвертеться от замужества. Если уж Ледяной тигр на что-то нацелился, он обязательно доводит дело до конца. Одного не понимаю, почему ты так упорно сопротивлялась? Народ болтал, что ты не даёшь Томасу проходу и постоянно крутишься рядом. Чего же ты от него хотела, если не престижного замужества?

— Ну да, как говорит молодняк, за что боролась на то и напоролась, — сказала Эльза и, покосившись на Рени, снова завздохала. — Сейчас ты скажешь, что я сама во всём виновата и будешь абсолютно права. В общем, всё началось с дурацкого спора. Примерно с год назад, нас в казарме совсем тоска заела, с заданиями была напряжёнка, и от нечего делать мы решили несколько разнообразить свои будни. Ну, сама знаешь, как это бывает. Кто-то из девчонок достал несколько бутылок вина и водки. Вот мы от души и погуляли. Исключительно по пьяни я сцепилась с Розой Мориску. Помнишь ту громилу, что неровно к девочкам дышит?

— Не очень. И что?

— В общем, я ей проиграла... короче, было на выбор: провести год с ней или с Томасом, в ожидании предложения руки и сердца. Поскольку он считался непробиваемым в этом плане, то Роза великодушно дала мне отсрочку. По условиям спора я через год всё равно должна была ... ну, ты понимаешь.

— Тогда уж лучше Томас, чем Роза, — сказала Рени и насмешливо глянула на подругу. — Или ты считаешь иначе?

— Давай, давай! Что уж там! Надо мной и так уже издеваются все, кому не лень, — обиделась Эльза. — И я всё слышу! У подруги горе, а она, знай себе, давится от смеха.

— Неправда!.. — Рени не выдержала и расхохоталась. — Эль, тебе ещё повезло. Уверена, что Томас знал о споре. Так ведь?

— Ну да. Разве от него что-нибудь скроешь? — приуныла Эльза.

— Тогда радуйся, что дело ограничилось замужеством. Молодец, Ледяной тигр!

— Эй, подруга! Ты на чьей стороне?

— Ну конечно, на твоей, — сказала Рени, а затем немного подумала и добавила: — И на его тоже.

— Предательница! — фыркнула Эльза и на её лице появилось скептическое выражение. — А если бы Палевский таким же Макаром тащил тебя замуж?

— Засветила бы в глаз, а затем всё равно вышла бы за него.

— Ха! У Томаса может запросто прилететь в ответ. Так что пришлось обойтись без мордобоя и пустить слезу.

— Умница! — одобрила Рени её тактику. — Говоришь, что он разложил тебя на столе и грозился трахнуть перед всеми?.. Вот умора! — она прижала ладонь ко рту и снова захохотала. — Интересно, пошёл бы Томас до конца, если бы ты не сдала позиции?

— Извини, но что-то не было желания проверять.

— Полно, не злись! Если честно, то я рада, что вы поженились. Мне кажется, из вас получится хорошая пара.

— А вот мне так не кажется.

— Ну-ка, отсюда давай поподробней! — посерьёзнела Рени. — Что именно у вас не складывается... — она помедлила. — Что-нибудь с сексом не так?

— Нет, нет! — поспешно воскликнула Эльза. — В этом плане как раз всё нормально.

Рени пытливо заглянула ей в глаза.

— Правда? Эль, ты ничего не скрываешь? Я слышала, что Томас любит кое-какие вещи, которые нравятся далеко не всем... — она вздохнула. — Конечно, свечку я не держала, но говорят, что в сексе он ведёт себя как натуральный садист.

Лицо Эльзы заметно порозовело, и она смущённо улыбнулась.

— Конечно, нежным его не назовёшь, но в целом терпимо. К тому же я не из пугливых.

— Точно всё нормально?

— Клянусь всем святым!

— Ну смотри, тебе с ним жить, — с сомнением глядя на подругу сказала Рени и, помолчав, добавила: — Тогда не понимаю, что именно тебя в нём напрягает? В остальном, Томас нормальный мужик. Правда, много пьёт, но его спасает вампирская кровь, так что это не так уж принципиально.

— Даже не знаю, как тебе объяснить, чтобы не выглядеть полной дурой... Ри, всё с самого начала было неправильно! — с досадой выпалила Эльза. — Ну, нельзя так вести себя с той, с которой заключаешь брачный контракт, к тому же пожизненный! Между прочим, я была против, но кто бы меня слушал! Вот скажи, я ему кто, невольница или рабыня? Он как себе представляет нашу дальнейшую жизнь? Надеется, что достаточно завалить меня дорогими подарками и я позволю вертеть собой, как ему вздумается?

Эльза подбросила в умирающий костёр охапку сухих веток и с ожесточением заколотила по нему палкой. В результате в небо рванулся такой яркий столб огня, что Рени отшатнулась.

— Эй-эй! Понимаю, что ты зла на Томаса, но не могла бы ты поумерить свой пыл? — воскликнула она, заслонившись рукой от обжигающего жара.

— Ой, прости, пожалуйста! — с раскаянием воскликнула Эльза и, убедившись, что с гостьей всё в порядке, сладко потянулась. — Ри, не думай, что у нас всё плохо. Наоборот, всё более или менее нормально. Я играю в хорошую жену, он — в хорошего мужа. Вопрос только в том, как надолго нам хватит притворства.

— Если постараетесь, возможно, на всю жизнь. Кстати, о подарках, — взяв её за руку, Рени полюбовалась искрящимся камнем. — Знаешь, а Томас не поскупился ради тебя. Когда-то я участвовала в афере с бриллиантами. Поверь, в твоём кольце редкий камень — очень чистый и крупный алмаз. И огранка выше всяких похвал, Камешек будто светится изнутри.

Эльза равнодушно глянула на своё обручальное кольцо.

— Да уж! В скупости его не обвинишь. Дарит безделушки одну за другой, как будто они имеют какое-то значение.

— А что имеет для тебя значение, Эль?

— Сложно сказать. Сама не знаю, что мне нужно... наверно, как и всем: любви и капельку уважения. А пока ни того ни другого как раз не наблюдается в нашем браке.

— Не всё сразу, Эль! Не всё сразу! Ты же знаешь, какие мужики тормознутые. Одна только видимость, что они с ходу влюбляются. На самом деле всё обстоит совсем не так. Просто у них от природы сексуальный позыв сильнее нашего и носит взрывной характер. Когда речь идёт о настоящей любви, то все мы медлительные улитки.

— Чёрт побери! Я должна постоянно ему уступать, ожидая, когда он созреет? — взорвалась Эльза.

— Может быть, — невозмутимо ответила Рени. — Кстати, Томас тебя ещё не доставал, чтобы ты ушла из спецназа?

— Целая война на эту тему. Последний раз орал так, что стёкла тряслись.

— Может, он прав, Эль? Хватит уже в прятки со смертью играть, а в перерывах дурью маяться, нарываясь на неприятности.

— Скажешь тоже! — проворчала Эльза. — Ведь у меня нет другой специальности, как у тебя. Если только пойти инструктором в Академию. Но это предложение последовало после того, как я стала женой Томаса, потому мне не хочется его принимать: слишком уж отдаёт протекционизмом. А так мне нужно будет начинать с нуля на гражданке. Сама понимаешь, в моём возрасте не очень хочется сидеть за одной партией с зелёным молодняком. Да и нет желания куда-либо уходить. Вот скажи, если бы не тот несчастный случай, ты ушла бы из своего подразделения?

— Честно говоря, даже не знаю, столько лет уже прошло... Эль, не переводи стрелки на меня. Как думаешь, сложится у вас с Томасом или нет? — спросила Рени и с участием заглянула в лицо разом приунывшей подруги. — Ну, чего молчишь?

— Не знаю, Ри. Вот ты пыталась меня насчёт секса. С ним как раз всё нормально. Томас хоть и с закидонами, но мне даже нравится такая игра. Злит другое — его полное неуважение ко мне. Представляешь, как только ему приспичит, так он во всеуслышание вызывает меня к себе в кабинет. Я не очень-то зациклена на приличиях, но даже для меня это несколько чересчур... пару раз такие пикантные моменты были, что до сих пор боюсь встретиться с главами некоторых служб. Правда, в последнее время он уже не так наглеет, но от этого не легче. Сплетен по конторе гуляет столько, что надо мной уже открыто смеются, — уныло проговорила Эльза и покачала головой, упреждая вопрос Рени. — Я бы рада не таскаться к нему в кабинет, но попробуй, откажись. Этот гад, особенно на первых порах, без всякого стеснения посылал за мной охрану. Нормально, да? Просто какое-то сексуальное рабство, а не супружеская жизнь!

Рени засмеялась, и дёрнула подругу за рыжую прядку.

— Значит у вас всё хорошо, ну а характерами со временем притрётесь, — пришла она к

выводу, и Эльза возмущённо посмотрела на неё.

— Ри, ты в своём уме? Как мы притрёмся друг к другу, если этот гад ни в чём мне не уступает? Считает, что всё должно быть только так, как он хочет. Скажи на милость, разве это не самодурство? — она с подозрением прищурила глаза. — Эй! Вы случаем не спелись насчёт ухода из спецназа? Ну уж, дудки!

— Вот те крест! Никакого сговора!

— Тогда ладно. Учтите, тут я до последнего буду отстаивать свои позиции, иначе потеряю последнюю независимость. И вообще, пусть довольствуется тем, что во всём остальном он и так из меня верёвки вьёт. Видишь, я как последняя идиотка отращиваю волосы? А то их величеству не нравятся короткие.

Эльза тряхнула головой, демонстрируя действительно сильно отросшие волосы, и Рени одобритительно кивнула.

— Тебе идёт. Продолжай в том же духе и однажды ты его приручишь.

— Думаешь, у нас что-нибудь получится? — спросила Эльза с затаённой надеждой.

— Уверена! — ответила Рени и ласково улыбнулась повеселевшей подруге.

«Вот вы и попались, голубчики, в ловушку Амура, — иронично подумала она. — Надо же, какой изобретательный малыш, когда дело касается сложных случаев».

— Мне бы твой оптимизм. Я вот ни в чём не уверена, — тем не менее независимо фыркнула Эльза и, помолчав, призналась: — Да, Томас мне нравится. К тому же я устала от одиночества. С годами начинаешь понимать какое это проклятие то, что мы раса долгожителей... Ой, прости! Снова меня понесло не в ту степь.

«Рыжая поганка! Ну, никакого такта!» — Рени неслышно вздохнула.

— Эль, мы из спецназа, нам не привыкать к смерти.

— Верно, Ри, мы не из тех, кто её боится, — весело отозвалась Эльза и вскочила на ноги. — Идём, я покажу тебе местные достопримечательности. А хочешь, полетаем? У меня есть дельтаплан. Пологая горушка с другой стороны поместья обрывается вниз хорошей отвесной скалой. Помнишь, как мы на спор прыгали с колокольни в Братиславе?

— Ещё бы! Тогда мы здорово порезвились. А что с нас взять? В то время у меня самой ещё всю гулял сквозняк в голове, а ты и вовсе была сопливой нахалкой. Вот я и загнала тебя на спор на колокольню. Только мне же пришлось снимать тебя оттуда. В ходе моего спасательного процесса ты и сверзилась с колокольни, сломав себе руку в нескольких местах, а меня разжаловали из сержантов в рядовые после недельной отсидки на гауптвахте. Боже мой, как мне не хотелось расставаться с новыми лычками! Это был самый первый раз, когда я их получила, — рассмеялась Рени, а потом погрустнела. — Прости, но боюсь, что я уже не в состоянии прыгать ночью, зрение отказывает. Боевой режим тоже не всегда вовремя подключается. Ничего, если я ещё немного прогуляюсь? У меня возникло какое-то странное ощущение, из разряда дежавю, хочу проверить в связи с чем. А ты иди в дом, готовь на стол. Вернись, будем мужиков чаем поить перед рыбалкой.

— Есть, мэм! Разрешите идти?

По сержантской привычке Рени свела брови к переносице.

— Тероян, ты ещё здесь? Бегом!

---

[1] Ordnung und Kontrolle — das wichtigste in unserem Dienst (нем) — Порядок и контроль — главное в нашей службе.

[2] *Кое-что о реальных войнах.* По результатам исследований французских военных

специалистов, в ходе арабо-израильской войны 1973 года применение египтянами реактивных систем залпового огня, дальнобойной артиллерии, ПТУР вызвало у израильских солдат приступы истерии, вплоть до двигательного паралича, частичную или полную потерю памяти, неконтролируемое мочеиспускание, неумную дрожь, оцепенение. Из 1500 раненых солдат, эвакуированных в тыл в первые три дня боев, 900 находились в шоковом состоянии, не получив физических повреждений.

[3] Природа могущественней любого живого существа. В чём убеждаешься, когда нашлась управа даже на неистребимых тараканов. И не важно, что это было сделано руками людей.

ГЛАВА 37. Ностальгия по детству

Когда ничего не подозревающая Эльза убежала к дому, Рени направилась в противоположную сторону. Куда и зачем она идёт, она не задумывалась, просто следовала своей интуиции. Ранее проведённая разведка сослужила ей добрую службу. Она благополучно миновала установленные датчики и при этом ни разу не попала в поле зрения камер — ни стационарных, ни тех, что были установлены на беспилотных дронах.

Ночь была безлунной и за пределами поместья темнота оказалась настолько плотной, что даже ночное зрение вампиров давало лишь смутные очертания предметов. Поскольку это были горы, пусть старые и пологие, всё равно Рени была предельно собрана: из-за темноты любой неосторожный шаг грозил падением и, как следствие, переломом, а ей не хотелось загонять себя в безвыходное положение. Спустя некоторое время ей под ноги попала тропинка, скорей всего проложенная овцами, которая привела её на макушку притора.

Рени встала на самом краю обрыва. Внизу бесновался и прыгал по камням бутылочно-зелёный горный дракон, которого звали Катунью. Она засмеялась и полной грудью вдохнула чистый воздух, пахнувший снежной свежестью и свободой. Следующий порыва ветра принёс с собой запахи человеческого жилья, которые показались ей настолько знакомыми, что у неё защемило сердце. Рени ощутила себя так, будто спустя долгие годы вернулась в отчий дом. «Может, это неспроста и здесь действительно моя малая родина? Иначе откуда мне знать, что я стою на втором приторе, а дальше есть более пологий первый, с которого зимой удобно спускаться на лыжах? Кстати, где-то между ними находится паром, который связывает между собой прибрежные деревеньки», — подумала она и грустно усмехнулась. — Похоже, я очень вовремя ушла. Если начали пробиваться заблокированные воспоминания, значит, мои дела совсем плохи».

Чтобы проверить себя, она направилась к первому притору, и когда спустилась в ложбину между взгорьями, действительно увидела пристань и паром. Больше она уже не сомневалась, что вернулась туда, где прошло её детство. «Слава богу, я дома!» — мелькнуло в её мыслях.

Уже никуда не спеша, Рени поднялась на вершину гряды, которую называла первым притором, и позабыла обо всём. Зрелище огромного гористого пространства объяло её душу неизъяснимым восторгом и грустью, и она долго простояла наверху. По-прежнему светили только звёзды, но тьма будто отступила, или с её глаз упала пелена. От края до края она увидела древний мир, охваченный сонным оцепенением. Это был мир, возникший в незапамятные времена, и этот мир жил по законам, отличным от тех законов, что установили ему разумные твари.

Королева вампиров больше не чувствовала себя одинокой. Величественное спокойствие древних гор пробудило в ней осознание неразрывной связи с природой, и на её душу снизошли покой и умиротворение, а вслед за тем всё земное начало отпадать от неё, как пустая шелуха. «Счастье и любовь, мечты и надежды, страх и отвага — всё мимолётно. Как прошлогодняя трава, они ничего не значат», — говорил Рени внутренний голос, и она уже сознательно обрывала живые нити сердца, так как это умеют делать камикадзе, идущие на смерть.

На глаза ей попала плоская вершина в горной гряде. «Ещё одна старая знакомая —

Столовая гора, — бесстрастно отметила она. — Уверена, что рядом с ней по вечерам встаёт луна, которая в полнолуние кажется просто огромной. По видимым размерам она не меньше, чем на юге. Впрочем, оно не удивительно, ведь здесь довольно близко к южным широтам». В её воображении возник золотой диск, тепло южных ночей и ровный шум прибоя, а вслед за тем ей вспомнились есенинские строчки:

*Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.*

...

*Жить — так жить, любить — так уж и влюбляться
В лунном золоте целуйся и гуляй,
Если ж хочешь мёртвым поклоняться,
То живых тем сном не отравляй.
Это пела даже Шахразада, —
Так вторично скажет листьев медь.
Тех, которым ничего не надо,
Только можно в мире пожалеть.*

«Правильно говоришь, Сергей — крестьянский сын, — холодно подумала Рени. — Жить — так на всю катушку, любить — так без оглядки. Красивые слова, красивые мечты. Жаль, что сам ты растранил свою жизнь впустую. Родные крестьянские корни утерял, а на городской почве так и не прижился — оттого и тосковал непомерно. Если бы не стихи, то с чем бы ты остался? Очередной безродный Иван в погоне за жар-птицей удачи. Странно живут люди. Они похожи на перекасти-поле, не имеющие своих корней и нам, вампирам, их не понять...»

Она ещё немного постояла наверху. «Ладно. Наплевать на человечество, что-то я не о том думаю. Лично у меня «отзвенел давно звеневший сад» и «теперь ей ничего не надо». Пора мне отправляться в путь, чтобы избавить близких от поклонения мёртвым. Ёжась от порывистого ледяного ветра, Рени начала спускаться по пологому боку притора, в виднеющуюся рядом долину. Поскользнувшись на пожухлой траве, присыпанной снежной крупой, она заметила под каменным выступом зеленеющий дикий лук, и в её памяти всплыло его местное название «черемша». Внимательно оглядевшись, она заметила и куст дикого крыжовника. На его колючих голых веточках висело несколько сморщенных ягод. Она сорвала их и, разжевав, сморщилась. Даже сейчас они показались ей страшно кислыми, совсем как в детстве.

Рени замерла, напряжённо глядя перед собой. Она до боли напрягла память, и внезапно туманная завеса исчезла. Весенним половодьем её затопили воспоминания человеческого детства.

«Ну, надо же! Оказывается, я тоже из породы перекасти-поле и в детстве поменяла двенадцать школ. Правда, не по своей воле, а благодаря матери-непоседе, переезжающей с места на место. То-то я так любила фильм «Шоколад»! В принципе — это же моя история жизни. Только с позиции несчастного ребенка, не имеющего своего дома, а не романтично настроенной матери, шляющейся по миру в поисках несбыточного счастья. Кто бы мог подумать! — Рени устало опустилась на камень. — В наших с матерью цыганских скитаниях, куда нас только не заносило. Пожили мы и здесь на Алтае. Правда, недолго всего

два года, но я настолько прикипела сердцем к этим удивительным местам, что, уехав, ещё долго тосковала по ним. И вот сейчас вернулась. Значит, это — прощальный подарок судьбы, — ей перехватило горло и на глаза навернулись слёзы. — Теперь понятно, почему я находила причины не ездить сюда, к Томасу. Нельзя дважды войти в одну и ту же воду. Мир детства должен храниться в душе неизменным, и светлая память о дорогих местах не должна разрушаться новым взрослым взглядом... — она горько усмехнулась. — Вот только умирать всё равно тянет на родину, и невидимый компас безошибочно ведёт тебя к ней, как и всех живых существ. Наверно, здесь душе проще взмыть в горние высоты, видя вокруг родное и близкое. Даже то, что время изменило лик детства, уже не нарушает душевного спокойствия. Ведь всегда что-то да остаётся неизменным: старое ли разрушенное здание, или... просто занесенная первым снегом стерня в поле».

Встав на краю небольшой скалы, Рени с новым чувством взгляделась в ночную темень. Там светились редкие огоньки небольшой деревушки, окружённой голыми почерневшими полями, на которых торчала ещё не совсем занесенная первым снегом жесткая стерня. «Невеселое времечко выпало мне для последнего путешествия, — грустно подумала она. — Жаль, что я уйду за грань не весной. Легче было бы умереть, видя вокруг радостный расцвет природы, но ничего не поделаешь» И она, легко прыгая по камням, направилась к селению. По промерзлой земле шагалось легко, под её ногами ничто не треснуло. Наверное, так в своё время ходили знаменитые индейцы Фенимора Купера — свирепые охотники за скальпами бледнолицых, осквернивших их землю и древнюю культуру.

Рени подошла к околице и, осторожно двигаясь по центральной улочке, подошла к развалинам небольшого домика. «Что ж, он и раньше был в запустении. Удивительно, что он до сих пор сохранился, — с печалью подумала она. — Мы там играли с подругами в куклы, или танцевали. Помню, как на спор девчонки садились на шпагат. Отсюда моя самая близкая подружка Нина выскочила, бледная как смерть и, трясясь, сказала, что кто-то позвал её по имени из развалившейся печки. А вон там женщины увидели, как в поле поднялся огромный горящий крест... блазни, блазни! Чего только не бывает на Алтае!»

В этом же дворе стоял жилой домик побольше. Подойдя к нему, Рени заглянула в слабо светящееся окно. В бедно обставленной комнатке за колченогим столом сидела девочка лет двенадцати и увлечённо читала книгу. Неожиданно электрический свет погас, и в комнате затеплилась свеча. В темноте, едва разгоняемой слабым огоньком, девочка вновь взялась за книгу. Находясь в полном одиночестве, она опасливо косилась в сторону тёмного подполья у русской печки, но вскоре так увлеклась выдуманным миром, что, позабыв о своих страхах, с головой ушла в переживания героев. Азиатское личико девочки с примесью европейской крови живо отражало все её переживания, оно то улыбалось, радуясь находчивости героев, то горестно морщилось, сочувствуя их бедам. Неожиданно она оторвалась от книги и тревожно посмотрела прямо на Рени, и та застыла, боясь напугать ребёнка неосторожным движением. «Всё хорошо, мой светлый ангел! Никто не обидит тебя!» — сказала она и девочка, будто услышав её через толщу лет, застенчиво улыбнулась. Успокоившись, она снова погрузилась в чтение своего основательно потрёпанного бумажного сокровища.

«Прощай, моя хорошая! Удачи тебе в жизни!» — сказала Рени. Оставив прошлое позади, она вышла на центральную улочку и направилась к другому концу деревни. По дороге её не покидало ощущение недоброго взгляда в спину, который настолько тревожил, что несколько раз она быстро оборачивалась и внимательно оглядывалась по сторонам. Но на пустынной улице не было ни единой живой души, и даже вездесущие собаки не лаяли. Ментальное

сканирование тоже ничего не дало и она, подавив неосознанный страх, продолжила свой путь. Пройдя по деревянному мосту через небольшую речку, Рени обогнула огромный валун на дороге. Наконец, увидев пустынный взгорок с крестами, она потрясённо замерла — это был конец пути, к которому её вело внутреннее чувство.

«Ну, вот! От чего ушла к тому же вернулась, — горестно подумала она и в одно мгновение взлетела наверх.

На сельском кладбище царили печаль и запустение. Под холодным порывистым ветром гнулись сухие метёлки почерневшей полыни и поскрипывали пластмассовыми листьями вылинявшие цветы на могилах. «Да, последнее пристанище выглядит крайне неприветливо», — подумала Рени с тоской на сердце и, посмотрев на покосившиеся оградки и кресты, зябко поёжилась. Ей стало невыносимо жутко. «Господи, я не хочу здесь умирать! И чего я так рвалась сюда? Вот дура! Больше не зови меня, кладбище, я не вернусь!» Смахнув слёзы, она бросилась к дорогим ей людям.

Палевский облегчённо выдохнул и неслышно отправился следом за ней. Как и Рени, он тоже ощутил недобрый взгляд в спину и резко обернулся, но вокруг простиралось пустынное голое поле, и только ветер уныло завывал, свивая у его ног снежную позёмку. «Неужели так быстро действует ртутное отравление? Не может быть!.. — он усмехнулся. — Бедное местное население! Наверняка оно поголовно страдает галлюцинациями, живя среди природных залежей алхимического металла».

Невзирая на таинственных пришельцев, деревенька в горах мирно спала, и лишь на самом её краю, в одном из убогих домиков, по-прежнему теплился огонёк. Ночная тьма, сгустившись, двинулась к нему и заглянула в окно с отодвинутыми ветхими занавесками. Вслед за Рени чудовище совершило путешествие в прошлое и чуть слышно вздохнуло, увидев увлечённо читающую девочку-подростка. На миг загорелись его недобрые красные глаза, но тут же погасли, а рассеявшаяся было тьма, вновь сгустилась уже у дороги, терпеливо поджидая намеченную жертву.

Атака непонятной твари оказалась настолько стремительной что, даже почувствовав опасность, Палевский не успел среагировать. К тому времени он почти догнал Рени и замедлил шаг, чтобы она не заметила его слежки, как вдруг неясный силуэт, больше похожий на клуб чёрного дыма, сверкнул красными глазами и с такой силой ударил его в грудь, что у него парализовало дыхание, а затем возникло ощущение, что он находится в безвоздушном пространстве. Перед тем как окончательно потерять сознание Палевский увидел, что непонятная тварь оставила его и стремительно движется к Рени. В последний момент она повернулась к чудовищу и что-то яростно выкрикнула, но её тут же поглотила чудовищная тьма.

На рассвете Палевский очнулся оттого, что его тело заледенело от холода и вдобавок свело мышцы от лежания в неудобной позе. Он включил боевой режим, и по его венам стремительно побежала кровь, возвращая подвижность окостеневшим суставам. Буквально взвившись в воздух, он бросился к месту, где в последний раз видел Рени и, стоя на коленях, с недоумением взгляделся в оставленные ею отпечатки. Отчётливо видимые на свежеснежавшей снежной крупе, они резко обрывались посередине дороги. Причём рядом с ними он не заметил никакого намёка на другие следы. Палевский пошел по спирали, надеясь найти хоть что-то, что укажет ему на присутствие чудовища или жены, но кругом простиралось нетронутое снежное покрывало. Сделав приличный круг, он вернулся к месту, где лежал сам, и у него сжалось сердце от дурного предчувствия. Рядом с местом его

падения, тоже напрочь отсутствовали чьи-либо следы, кроме его собственных. Ночная тварь не оставила после себя ничего, по чему он мог бы судить, что же она такое. «Матка боска, какая-то мистика! — подумал он, озирая открытое пространство. — Остаётся лишь одно, а именно, эта тварь левитировала в воздухе. Тогда что же она такое и, главное, где теперь искать Рени?»»

***

Элитные подразделения Службы безопасности СС исследовали каждый миллиметр в радиусе нескольких километров от места исчезновения жены Палевского, и они же с помощью ментальных радаров, прочесали несколько сот километров. Ник тщательно проверил ноосферу Земли, но не нашёл ни малейшего намека на присутствие Рени, и это обстоятельство больше всего удручало её близких. Оно говорило о том, что её либо нет в живых, либо кто-то очень могущественный сумел скрыть её присутствие. Кто был способен на такое, помимо них самих, Ник и Палевский даже предположить не могли, потому оставалось только первое. Правда, уповая на то, какое странное существо похитило Рени, они питали слабую надежду на чудо.

Божественный киднеппинг

Яркий золотой свет, ясно видимый даже сквозь сомкнутые веки, заливал окружающее пространство. Свернувшись, как ребёнок в утробе матери, обнажённая Рени плавала в этом солнечном эфире и была абсолютно счастлива. Затем к ней вернулись мыслительные способности и испытываемое ею блаженство пошло на убыль. На смену безмятежности явилась тревога, а вслед за ней вернулись воспоминания:

Бег по тёмному тихому поселку и чувство немотивированного страха, будто кто-то недобрый смотрит ей в спину. Не выдержав, она оборачивается и тут выясняется, что угроза реальна. Над дорогой всплывает бесформенное чудовище с красными глазами. Оставив неподвижно лежащего Палевского, оно стремительно несется в её сторону. Сердце Рени пропускает удар, на этот раз её переполняет страх за мужа. Она бросается к нему и всё — дальше темнота беспомощности.

«Мика!!! Мой ангел, где ты? Отзовись, любимый! — мысленно завопила Рени и взмолилась: — Господи, умоляю тебя, пусть он будет жив и здоров!»

Она распахнула глаза, и они заслезились от непереносимо-яркого света. Тем не менее нечто заметило её пробуждение и раздался мощный глас:

— Не беспокойся, милая, с твоим мужем всё в порядке. Он жив и здоров. Скажи, как ты себя чувствуешь?

Громоподобная палитра необычного голоса оказалась настолько богатой, что заставила трепетать в унисон каждую клеточку тела и Рени скрутило от невыносимой боли. Мало того, её рот наполнился кровью, а из ушей и носа потекли струйки крови. «Господи! Что же это такое?» — подумала она, беспомощно сглатывая кровь.

— О, прости, малышка! Я уже подзабыл, что бывает со смертными созданиями при звуках моего голоса. Потерпи немного, сейчас я постараюсь сделать его более приемлемым для тебя, — добродушно прогудел всё тот же голос, но Рени уже потеряла сознание.

Спустя некоторое время она вновь очнулась, и обнаружила что заключена в прозрачный кокон золотого света, который куда-то летит, причём на небольшой высоте. Движения воздуха не чувствовалось, но внизу стремительно проносились тёмные верхушки оголённых деревьев и заиндевевшие крыши домов. Внезапно кокон остановился, и мягко опустился на землю. Коснувшись ослабевшими ногами промёрзшей почвы, Рени не удержалась и упала.

Холод и чувство собственной беспомощности так подействовали на неё, что она не удержалась и всхлипнула. Тогда воздушный поток спеленал её своими объятиями и, подняв на ноги, больше не дал упасть. «Создатель! Опять я дал маху, — сокрушённо произнёс мягкий телепатический голос. — Всё время забываю, насколько слаба ваша телесная форма», — добавил он в качестве извинения.

Ночная тьма сгустилась, образовав бесформенную фигуру, и в лицо Рени заглянули недобрые красные глаза. В тоже мгновение на неё нахлынул нестерпимый и какой-то животный ужас, слабый отголосок которого она уже ощутила в деревеньке. У неё подвело живот, и к горлу поднялась желчная рвота, оставляя горький привкус во рту. С трудом преодолев необъяснимую панику, она выпрямилась, и гневно посмотрела на диковинное существо.

— Что тебе нужно?

— Так лучше, милая? Скажи, мой голос больше не вызывает у тебя болезненных ощущений? — произнёс такой знакомый и любимый голос, что Рени быстро огляделась по сторонам, хотя понимала, что это обманка и мужа рядом нет. Вслед за разочарованием её вдруг захлестнула мощнейшая волна любви и нежности. Задохнувшись от непереносимого наплыва чувств, она вновь провалилась во мглу беспамятства.

Очнувшись в очередной раз, Рени сердито посмотрела на чудовище.

— Ещё раз спрашиваю, кто ты такой и какого чёрта тебе нужно?

Чудовище мигнуло призрачными красными глазами и ступок тьмы, выпустив щупальце, коснулся её лица. Прикосновение не было материальным, лишь ощущение пронзительного холода в том месте, где кожа соприкоснулась с живой тьмой. Рени усмехнулась про себя: «Будь я суеверной, подумала бы, что это привидение. С другой стороны, когда стоишь так близко к грани, то поневоле начинаешь верить во всякую чепуху».

— Нет, я не призрак, — опровергло чудовище её предположение. — Теперь к вопросу о том, что мне нужно. Милая, я нуждаюсь в адепте, который отдаст за меня жизнь.

— Я так понимаю, тебе нужна жертвенная овца? — осведомилась Рени и будто невзначай шагнула к камню, лежащему поблизости.

— Да, — подтвердило чудовище и добавило: — Не бойся, я тебя не убью. Ты должна добровольно принести себя в жертву.

— Ну это вряд ли! — схватив камень, Рени попятилась прочь. — Не подходи! — предупредила она.

Чудовище покачало бесформенной головой.

— Какая тебе разница? Ведь так или иначе, ты всё равно умрёшь.

— Да, но смерть смерти рознь. Я хочу умереть в спокойствии, а не быть сожранной непонятной тварью.

— Клянусь, я не собираюсь тебя есть!

— Возможно, вот только у меня нет причин тебе верить.

— Милая, я тебе не приказываю, я тебя смиренно прошу.

Несмотря на сказанное, в голосе чудовища прозвучали предупреждающие нотки, а ещё Рени уловила в нём высокомерное презрение, и это не на шутку её разозлило. В странном собеседнике было что-то такое, отчего её не покидало ощущение собственной неполноценности.

— Да неужели? — саркастически спросила она и жёстко добавила: — Ведь ты уже опробовал на мне свои чары, да только ничего у тебя не вышло.

— Было такое дело, — созналось чудовище. — Но это не значит, что я не могу заставить тебя исполнить свою волю.

Рени почудилось, что оно пребывает в нерешительности и она, желая перехватить инициативу, перешла в атаку.

— Почему я должна жертвовать последними днями своей жизни ради твоей прихоти? Ты какой-то инопланетный сатанист? Ищешь себе подходящую жертву на Земле? И вообще, какого чёрта ты спёр мою одежду? Прикарманил её в качестве сувенира для своей красноглазой подружки?

Это был добрый мужской смех, а не злобное ликование злодея и Рени вновь заколебалась. Она интуитивно знала, что в чудовище нет зла и все неприятности, которые оно причиняет ей, идут оттого, что оно не может соизмерить свои силы с её возможностями.

— Ты права, милая, — последовал добродушный ответ и щупальце тьмы вновь коснулось щеки Рени.

На этот раз прикосновение чудовища было вполне материальным и... неопишимо прекрасным. Это было как *атласная гладкость лепестков роз, запах спелых яблок, хмельное чудо мёда и блаженная истома любви.*

С огромным трудом поборов состояние неземного блаженства, Рени попыталась гневно глянуть на чудовище, но из этого ничего не вышло. В её душе по-прежнему плескалась море безбрежной любви и светлой грусти.

— Послушай, может уже хватит? И так тошно, а тут ещё ты со своими фокусами, — беззлобно проворчала она и ощутила, что по её щекам неудержимым потоком струятся слёзы. — Чёрт знает, что такое! Это твоя работа?

— Да, моя, — подтвердило чудовище. — Ведь кроме меня её некому исполнить.

Оно с сочувствием посмотрело на смертную женщину, которая тщетно пыталась остановить льющисся слёзы.

— Да что ж это такое? Никогда не была плаксой, а тут какой-то неиссякаемый фонтан, — пробормотала Рени, раз за разом вытирая мокрые щёки.

— Милая, здесь нечего стесняться. Это плачет твоя душа. Дай ей освободиться от груза накопившейся боли, — прозвучал ласковый голос, несущий успокоение. — Чтобы стало легче, читай молитву, мантру или что там у вас предписано религией.

— Я атеистка, — сказала Рени, поборов сильнейший приступ болезненной тоски. — Неужели ты веришь в доброго боженьку и в существование души? — язвительно заметила она.

— Мне нет нужды верить или не верить, — вздохнуло чудовище. — Конечно же, душа существует. Поверь, тебе легче было бы расставаться с жизнью, будь ты верующей. Религия, несмотря на все свои недостатки, очень поддерживает в трудную минуту. Но ты ни о чём не беспокойся. Я обещаю, всё будет хорошо.

Из сгустка тьмы, которым представлялось чудовище, начали прорываться тоненькие золотые лучики. Их становилось всё больше и больше, пока они не взорвались единым фонтаном слепящего света. Когда он потускнел, глазам Рени предстал прекрасно сложенный светловолосый мужчина, окружённый сияющим ореолом. Ростом он был под три метра, и она отступила, чтобы видеть его лицо. Когда за его спиной распахнулись белоснежные крылья, она, несмотря на скепсис, с трудом подавила благоговение.

— Кто ты? — снова спросила она.

— Ты знаешь, — улыбнулся её удивительный собеседник. — Может, этот облик скажет

тебе больше?

Прекрасное тело скрыл белый хитон и над головой мужчины вспыхнул ослепительно яркий нимб.

«Надо же, какой амбициозный тип! Ангел ещё куда ни шло, но Бог?» — развеселилась Рени.

— Неплохое представление! — насмешливо заметила она. — Вот только я не уверена, что Всевышнему есть дело до нас, простых смертных.

Мужчина кивнул.

— Ты права, богам нет дела до смертных, но здесь особый случай, — он шагнул к Рени, и она попятилась от него. — Лишь неофитка сможет мне помочь. Милая, ты должна поверить в меня, — воззвал он к ней, больше не приближаясь

«Вот ведь проходимец!» — усмехнулась Рени. Она подняла голову и пристально глянула на того, кто претендовал на роль бога. Разумом она не верила, считая всё увиденное наведённой иллюзией, в которых вампиры сами были мастерами, и всё же её точил червячок сомнения. Одно не вызывало у неё сомнений: существо, с которым она беседовала, не было ни человеком, ни вампиром.

— Тогда ты должен доказать, что твои претензии обоснованы. Дай мне веру в высшие силы, и ты получишь то, что желаешь, — выдвинула она встречное требование и мужчина согласно кивнул.

— Смертные всегда требуют доказательств, и ты их получишь, — уловив тень надежды на лице Рени, он сочувственно улыбнулся. — Да, я мог бы даровать тебе исцеление, но это не в моих интересах. К тому же в чудеса ты всё равно не поверишь и будешь считать их техническими достижениями чужой цивилизации. Думаю, единственный способ доказать тебе, что я не проходимец, это дать прикоснуться к той силе, что вы зовёте божественной.

Он взял Рени за талию и, приподняв над землёй, привлёк её к себе. Нежный до целомудренности поцелуй был из тех, какими родители одаривают детей, но этого хватило, чтобы в её сердце мгновенной радугой вспыхнула такая всеобъемлющая любовь, что она задохнулась от наплыва чувств. Но и это было ещё не всё. Вокруг разлилось золотистое сияние и в воздухе поплыли ароматы цветов и свежескошенной травы.

Когда ноги Рени коснулись земли, она ощутила под ступнями не мёрзлую почву, а что-то живое и упругое, что по-змеиному льнуло к ней. Это из земли стремительно лезли упругие зелёные ростки и, как в ускоренной съёмке, раскрывали листья и лепестки цветов; причём растения тянулась к её могущественному собеседнику, как к солнцу.

— Теперь ты мне веришь? — спросил он снисходительным тоном, но уловил тень сомнения в своей будущей неофитке и это вызвало всплеск его гнева. — Ничтожная букашка! Хочешь, чтобы в доказательство я забрал у тебя всё, что ты имеешь? — прогремел он своим прежним голосом, а не голосом её мужа.

Рот Рени вновь наполнился кровью, но она не потеряла присутствия духа.

— Я почти мертва, так о чём мне жалеть? — ответила она, бестрепетно глядя в горящие гневом синие глаза.

— Самоуверенная гордячка! Воображаешь, что тебе нечего терять? Так ты ошибаешься! Что скажешь, если я заберу у тебя любовь к мужу?

— О нет! — вскрикнула было Рени, но тут же взяла себя в руки и печально улыбнулась. — Забирай, что хочешь. Забирай всё: мою любовь, мою гордость, мою жизнь... — она замолчала и, подняв голову, пытливо глянула в лицо с нечеловечески

красивыми чертами. — Но если ты тот, кем представляешься, то дай мне ещё раз увидеть Мика, и мы с тобой будем в расчёте.

— Жалкая тварь! Ты смеешь со мной торговаться?!

— Смею и что с того? — с полным самообладанием заявила Рени. — Или ты настолько привык к поклонению, что не приемлешь иные отношения со своей паствой?

— Что?.. Так ты веришь, что я бог?

— Естественно! — на лице Рени промелькнуло удивление. — Почему ты сомневаешься? — спросила она и с кошачьим любопытством воззрилась на золотоволосого гиганта.

Он хлопнул себя по лбу и с его лица исчезло сердитое выражение.

— Вот дурак! Прости, малышка, что накричал на тебя. К своему стыду, я подзабыл, как действует настоящая любовь, — произнёс он покаянным тоном и виновато улыбнулся.

— Выходит, она перекрывает канал чтения мыслей даже у богов? — осведомилась Рени и по её губам скользнула ехидная улыбка. — Гляди-ка, совсем как у нас, вампиров, — она помолчала. — Так ты дашь мне увидеться с Миком или нет?

Поймав непроницаемый взгляд того, кого она признала богом, Рени осторожно улыбнулась и в то же мгновение её скрутил такой приступ любви к нему, что она упала на колени и начала целовать край его хитона. При этом, несмотря на осознание унижения, в её душе бушевал чистый, ничем незамутнённый восторг. Внезапно сумасшедшая любовь исчезла, но оставила в её сердце кровавую незаживающую рану, и она горько разрыдалась. Когда, вне себя от горя, она стала биться головой о камень, также внезапно исчезло чувство потери.

«Слава богу!» — Рени растянулась на земле, приходя в себя.

— Ну как, я прошла проверку? — спросила она язвительным тоном.

— Да, — не стал увиливать бог и, убирая её рану, коснулся разбитого лба. — Я дам тебе возможность попроситься с мужем. В конце концов, даже Ваатор разрешил его первой жене попроситься с семьёй.

Напоминание об Эльжбете, первой жене Палевского, неприятно царапнуло Рени.

— Кто такой Ваатор? — поинтересовалась она.

— Ты его знаешь, как Сатану, — последовал ответ и ей захотелось ущипнуть себя за руку, чтобы проверить, не спит ли она.

«Проклятье! — вздохнула Рени. — Интересно, это только мне так повезло или все видят богов перед смертью? Кстати, богословы не соврали и души грешников действительно утаскивает Сатана. Интересно, что ждёт меня рай или ад?..»

— Милая, тебе пора, — раздался голос бога, прерывая её размышления о загробных делах, неожиданно обретших реальность в её глазах.

— Хорошо, — кивнула Рени и, помедлив, решила задать вопрос, который не давал ей покоя. — Того, кто приходил две тысячи лет назад, звали Иисус Христос, а ты...

— Меня зовут Этан, — прервал её бог и на его лице промелькнуло нетерпеливое выражение. — Нет, творец вашей вселенной не я. Милая, иди уже, если хочешь успеть попроситься с мужем, — добавил он с некоторым раздражением и Рени, уже усвоившая, что её божественный собеседник не отличается долготерпением Христа, без промедления нырнула в ноосферу.

Стоило ей погрузиться в ментал и золотое сияние, окружающее Этана, сразу же погасло. Боясь привлечь внимание Ареса, бога-убийцы, он, как последний скупердьяй, экономил

каждый ман божественной силы, украденный из ноосферы. Вслед за светом ушло неурочное тепло, и зима вновь вступила в свои права. Травы и цветы поникли и почернели от холода, и Этан озабоченно глянул на смертную женщину, лежащую у его ног, Он вновь завернул её в тёплый воздушный кокон и, ожидая, когда она вернётся, принял форму хаоса, которая почти не требовала усилий для поддержания. Оживший сгусток тьмы вновь мигнул жуткими красными глазами.

***

Рени не теряла времени даром. Через ментал потянулась чистая солнечная нить и, найдя любимую радужную, на мгновение сплелась с ней. «Ангел мой! Люблю тебя», — раздался неслышный голос и призрачные пальцы нежно коснулись лица Палевского, а затем такие же призрачные губы коснулись его губ прощальным поцелуем.

Почувствовав присутствие жены, он проснулся и сел в кровати. «Кошка, это ты?.. Рени?.. Милая, умоляю, отзовись!» — позвал он, но ответом ему была звенящая пустота.

Знай, к чему это приведёт, Этан дал бы им больше времени на прощание, но даже боги не способны всего предвидеть.

Сгорбившись, Палевский обхватил себя руками и, мерно раскачиваясь, застонал от невыносимо-горького чувства, которому нет названия в человеческом языке. «Святой Боже! Неужели я такой великий грешник? Я смирился с тем, что Ты забрал у меня Эльжбету, но зачем Ты отнял у меня Рени? Разве это справедливо?» — прорычал он. Охваченный запредельной болью, он на какое-то мгновение не выдержал и его захлестнуло мрачное безумие, но, подавленное нестигаемой волей, оно тут же отступило. «Будь всё проклято! Если Он думает, что я снова буду страдать от затянувшейся агонии любви, то чёрта с два!.. Я не хочу, чтобы сердце вновь и вновь умирало с каждой из них! Я больше этого не вынесу! Эй, Ты слышишь? Забирай свою проклятую любовь, знать её больше не хочу!»

Переживания Палевского были настолько сильны, что нашли мощнейший отклик в ноосфере. Благодаря ему разругались множество влюблённых и в течение суток подали на развод небывалое количество семейных пар. Но этим дело не ограничилось. Ноосфера, которая сработала как резонатор, разнесла его чувства за пределы планеты и он, не подозревая об этом, получил отклик самого Мироздания.

Мрачная Бездна проснулась и устремилась на зов Истинной крови. Хаос заглянул в отчаявшуюся душу короля вампиров и, сочтя её перспективной, оставил в ней своё зерно. Упав на благодатную почву, оно укоренилось и стало терпеливо дожидаться своего часа.

Визит первородного хаоса не прошёл для Палевского даром. Когда ему уже казалось, что он сойдёт с ума от отчаяния, в его душе неожиданно поселилось ледяное спокойствие и оно показалось ему раем после того ада, в котором он пребывал в течение трёх дней, что прошли с момента исчезновения Рени.

«Так-то лучше!» — успокоившийся Палевский нащупал пачку с сигаретами. Встав с кровати, он подошёл к окну и его немигающий взгляд устремился во тьму. Мысли о пропавшей жене больше не причиняли ему боли и он, решив, что просто перегорел, спокойно докурил и вернулся в кровать.

***

Этой же ночью Мари увидела Рени во сне. Вдвоём они шли по авеню Монтень и, рассматривая нарядные витрины, чему-то смеялись. Неожиданно Рени остановилась и, повернувшись к ней, серьёзно проговорила: «Страшно жаль, но мне пора уходить. Так что давай прощаться, детка. Будь счастлива и помни, что я всегда любила тебя». Затем она обняла Мари и устремилась прочь.

Расталкивая неизвестно откуда взявшуюся толпу народа, девушка бросилась следом за ней. «Мама, подожди! Я с тобой!» — закричала она и тут дорогу ей преградила бездонная

пропасть. Расползаясь многочисленными трещинами, она росла прямо на глазах и Мари, понимая, что медлить нельзя, попятилась назад и взяла разбег. Но только она собралась прыгнуть, как Рени обернулась и испуганно вскрикнула: «Стой! Тебе нельзя со мной!» Мари упала, но всё же успела удержаться на краю пропасти, в отличие от тех, кто её окружал. Мужчины, женщины, дети — все они, слепо глядя перед собой, шагали в разверстую бездну. Понимая, что мать спасла её от большой беды, Мари подняла голову и благодарно улыбнулась, как вдруг на полуденном солнце ослепительно вспыхнули радужные полупрозрачные крылья, и образ Рени заслонило сияющее существо. «Прыгай, детка! Только так ты сможешь спасти свою мать», — вкрадчиво сказала оно и поманило её за собой.

«Мама!» — не отдавая отчёта в своих действиях, девушка встала с кровати и, двигаясь как сомнамбула, подошла к распахнутому окну. С закрытыми глазами она взобралась на подоконник и замерла, стоя на его краю. «Детка, поторопись, иначе будет поздно!» — подстегнул её голос «ангела». Девушка шагнула было наружу, но Ник успел вовремя. Что его разбудило, он не понял, но каким-то чудом понял, что она в большой опасности.

— С ума сошла?! Да очнись ты, ненормальная! — закричал он, перехватив Мари буквально в последнее мгновение. Она обмякла, а затем неожиданно рванулась из его рук.

Разозлённый Ник отбросил девушку вглубь комнаты, но она не унялась и вновь устремилась к окну. Тогда он сбил её с ног и прижал к полу, но она, не открывая глаз, продолжала слепо сопротивляться. Навалившись всем телом, Ник держал её за руки и вскоре у него появилось ощущение, что он пытается удержать на месте туго скрученную стальную пружину.

Когда он засомневался, что сумеет удержать Мари, она внезапно успокоилась.

— Поздно! Время упущено. Бедное моё дитя, я не успела тебя спасти... — пробормотала она, всё также не открывая глаз.

— Слава Всемогущему Ягуару! — облегчённо выдохнул Ник и отёр пот со лба. Он с подозрением глянул на Мари. — И когда это распроклятая криа успела обзавестись ребёнком?

— А? Какой ребёнок? Чей ребёнок?

— Это ты мне скажи.

Мари распахнула глаза и на её лице появилось удивление, быстро переросшее в возмущение.

— Извращенец! — приласкала она своего спасителя. — Слезь с меня немедленно! Мне теперь что, запирается на ключ, чтобы избавиться от твоих визитов? — возмущённо воскликнула она.

— С тобой точно всё в порядке? — спросил Ник, с беспокойством глядя на неё.

Девушка презрительно фыркнула.

— Естественно. И будет совсем хорошо, когда ты слезешь с меня... Ой! Честное слово, я здесь ни причём, это всё он! — поспешила она оправдаться, когда в комнату ворвался Палевский, босой и взлохмаченный.

Он мрачно воззрился на парочку, лежащую на полу.

— Ночь на дворе, так что ведите себя потише. И вообще, нашли время, — проворчал он и, зевнув, направился к двери.

— Папа! Это не то, что ты подумал! — в отчаянии выкрикнула Мари, но Палевского уже и след простыл. — Да слезь ты с меня, наконец! — разозлилась девушка и что есть силы пихнула Ника, который неохотно уступил её требованию.

Улегшись на бок, он подпёр голову рукой и, глядя на неё, усмехнулся.

— Да, чего-то эта занимательная поза становится привычной для нас. Даже не знаю, к чему бы это.

— К фингалу у тебя под глазом! — пообещала расстроенная Мари. — Вот какого лешего ты снова забыл в моей комнате? Реази, ты давай прекращай свои подкопы! Может, тебе по барабану, что мы близкие родственники, но мне-то нет.

— Эрейские законы допускают брак между дядей и племянницей, — заявил Ник.

«Надо же, мамап практически сказала то же самое», — припомнила Мари. Она повернула к нему голову и её глаза слегка засветились в полумгле.

— Ты что, вознамерился жениться на мне? — поинтересовалась она индифферентным тоном.

Ник смерил её взглядом и поморщился. Растрёпанная, в свободной полосатой пижаме, похожей на тюремную робу, девушка выглядела не лучшим образом.

— С чего ты взяла? Я ещё в своём уме.

— Тогда вали отсюда подобру-поздорову! — обиделась Мари. — И чтобы я тебя здесь больше не видела!

— И не увидишь, — Ник перетёк в сидячее положение и испытующе глянул на девушку. — Мариэль, ты только что пыталась выброситься из окна. Судя по всему, на тебя так подействовал сон...

— А более дурацкой отговорки ты не нашёл? — возмутилась она. — Нефиг выдумывать всякую ерунду! Я тебе что, ненормальная?

— Ты даже не представляешь насколько, — усмехнулся Ник, припомнив своё недавнее ночное бдение у её кровати.

— Ну знаешь! — Мари вскочила и ткнула пальцем в направлении двери. — Кыш! Живо! И учти, припрёшься ещё раз в мою комнату среди ночи... — она ехидно улыбнулась, — и я заставлю тебя жениться на мне. Понял?

— Размечталась! — буркнул Ник и тоже поднялся с пола. — Я на рабыне не женюсь.

— Слава богу! — Мари подпихнула его в спину. — Топай-топай! И не переживай насчёт женитьбы. Луна на землю свалится, когда я соглашусь стать твоей женой.

Обернувшись к ней, Ник сердито сверкнул глазами.

— Нужно было дать тебе выпрыгнуть в окно.

Мари хмыкнула.

— Хватит уже врать! У меня отродясь не было суицидальных наклонностей.

— Это ты так думаешь, — сказал Ник и его губы дёрнулись в неприятной улыбке. — Действительно, было бы о ком беспокоиться! И вообще, зря я упустил такой момент. Мог бы исполнить клятву без потерь для совести. В конце концов, каждый волен распоряжаться своей жизнью по собственному усмотрению.

— Какая ещё клятва? — забеспокоилась Мари. — Эй, постой!

— Ну, нет! Больше ни минуты в твоём обществе, — заявил Ник и выскользнул за дверь.

«Вот гад!» — Мари окинула взглядом комнату и тут ей на глаза попались оконные шторы, сорванные с карниза. «Глади-ка, а он не соврал! Действительно примчался меня спасать», — подумала она и расплылась в улыбке. «Эй, Черномор! — мысленно позвала она. — И всё же ты обо мне беспокоишься!» — «Не очень-то к этому привыкай», — пришло ей в ответ. «Хорошо, не буду! — пообещала Мари. — Спасибо!» — добавила она, но рассерженный Ник больше не откликнулся.

ГЛАВА 38. Подарки богам. Умереть, чтобы возродиться. Нехорошо богинь похищать, у них могут быть ревнивые создатели

После краткого визита домой Рени обнаружила, что снова заключена в световой кокон, в котором, по её подозрению, время текло несколько иначе, чем в реальном мире. Подтверждением тому служило солнце. Оно уже стояло высоко, хотя по её прикидкам была ещё ночь или на крайний случай раннее утро.

Этана она обнаружила в тени ближайшей скалы.

— Это твой настоящий вид? — любопытствовала она, видя, что он снова обретается в форме сгустка тьмы с красными горящими глазами.

— Нет, это одна из форм, которую легче всего поддерживать.

— Ясно, — кивнула Рени. — Ну что, приступим ко второй части нашего договора?

Жуткие глаза чудовища приняли серпообразную форму.

— Если ты готова, то да...

— Прости, что перебиваю! Могу я попросить тебя ещё об одной услуге?

— Хорошо, я изменю голос, чтобы он больше не напоминал тебе голос мужа, но ты не права, считая, что это провокация с моей стороны. Просто наши голоса действительно похожи.

Как и обещал, бог изменил свой голос и Рени благодарно улыбнулась.

— Спасибо!

— Это тебе спасибо, что согласилась помочь.

— Долг платежом красен.

— Милая, если хочешь, я могу оставить тебе память, — сказал Этан, стараясь быть великодушным.

Смертная нравилась ему твёрдостью характера и упорством в достижении цели. Вдобавок в ней было немало Истинной крови и его не оставляло чувство вины. При ином раскладе она после смерти могла бы отправиться к Сияющему двору и, победив в отборочном турнире, вошла бы в плеяду богов, но договор с ним отнял у неё эту возможность.

Рени обдумала его предложение.

— Нет, не нужно, — отказалась она и пояснила: — Это будет слишком больно — помнить, но не иметь возможность вернуться к тем, кого любишь.

— И ещё одно, выемка души у живого существа довольно болезненный процесс, но ты не должна проклинать меня, иначе что-нибудь может пойти не так, как нужно, — предупредил Этан.

— Не бойся, я тебя не подведу.

— Тогда начнём.

Живая тьма всколыхнулась и закрутилась в вихре, который, приблизившись, поглотил Рени, и она оказалась вне времени и пространства, залитая со всех сторон ярчайшим светом, под действием которого её тело стало обретать прозрачность. И хотя сдирание души было сродни горению заживо, с уст гордой королевы вампиров не сорвалось ни единого слова жалобы. Правда, только до тех пор, пока безжалостный свет не начал выжигать её изнутри. Он растворял не только брненное тело Рени, он отбирал у неё воспоминания и чувства. Когда

её рассудок был уже готов сорваться в пропасть безумия, изошрённая пытка внезапно закончилась.

Душа, свободная от оков плоти и тяжкого груза памяти, рванулась ввысь — такая же беззаботно-лёгкая, как воздушный шарик в ясном весеннем небе. Она вылетела за пределы атмосферы Земли и, не ведая, что опровергает законы релятивистской механики, придуманной людьми, с безумной скоростью полетела среди надменных колючих звезд, поющих вечную осанну Создателю. Ощувив её приближение, первородный хаос попытался перехватить посланницу Этана, но она, не желая быть игрушкой в руках Вечности, ускользнула из расставленных сетей. Тогда дорогу ей преградили сгустки живой красноглазой тьмы, но сообразительная душа распалась на мельчайшие составляющие, которым нет названия в человеческом языке, и просочилась через плотное кольцо ловцов. Оказавшись за их кордоном, она вновь образовала единое целое и устремилась к заданной цели.

Наконец впереди показалась двойная звезда и посланница, не снижая скорости, ворвалась внутрь белого карлика, который жадно поглощал свет и материю, и там взорвалась нестерпимо ярким светом, который нёс в себе всё то, что не в силах отобразить даже смерть.

Вспыхнула радость лунной теплой ночи, напоенной ароматом цветов.

Выгнулись дугой на небе огромные семицветные радуги.

Зазвенели пчёлами лениво-сонные полуденные дни лета.

Зашумела разноцветными камешками на дне веселая речка, огибая золотой песчаный плёс.

Вспыхнули капельки росы на луговом разнотравье.

К этим воспоминаниям добавились удивительные чудеса первых наивных свиданий и беспричинное счастье. Сладкая боль разлук и радость долгожданных встреч.

А затем вспыхнуло главное сокровище души — Их Величество Многоликая Любовь; она растворилась последней: растаяла, как хрупкая снежинка на тёплой ладони — такая же невыразимо прекрасная, быстротечная и почти неосязаемая. Когда и эта великая обманщица исчерпала себя, торжественно грянул хор, возносящий аллилуйя Создателю, и, вторя ему, крещендо загремела музыка небесных сфер.

Дар посланницы Этана и неземная мелодия пробудили заключённое в звёздную оболочку существо, и оно осознало себя, как личность. «Создатель! Где это я?» — удивилось оно. Обнаружив поблизости Этана, облачённого в звёздную форму, звёздочка выбросила в его сторону протуберанец, и он радостно встрепенулся. «Ева?» — спросил он с надеждой. «Да, любимый!» — пришёл ответ, и обрадованный бог со всей своей силой обрушился на тюрьму, которая держала в заключении его любимую, и та порхнула в созданный им крошечный эдем.

— Этан! Ну что за дурацкие шутки? Зачем ты запихал меня в эту мерзкую звезду? — капризно воскликнула Ева. — Дорогой, я понимаю, что ты ревнуешь, но не стоит переходить границы приличий. Представляешь, какие сплетни загуляют, когда знакомые узнают, как ты меня тиранишь?

Не дожидаясь ответа, она огляделась по сторонам и надула губы.

— Фу, какое убожество! И это ты называешь эдемом? — на прекрасном личике появилось озабоченное выражение. — Дорогой, я хочу взглянуть на себя. Уверена, заключение не пошло мне на пользу, и я ужасно выгляжу.

Радость юного бога слегка потускнела, но он не посмел отказать любимой, хотя у него

был на счету каждый ман[1] божественной силы.

Глянув в магическое зеркало, Ева ахнула.

— Кошмар! Из-за тебя я превратилась в уродку! Какое счастье, что сейчас меня не видят чванливые задаваки при Сияющем дворе!

— Хватит! — рявкнул Этан. — Это принц Хаоса лишил тебя свободы и разума! А я тот, кто вернул тебе и то и другое!

— Да? — богиня бросила на него сомневающийся взгляд, но не сумела скрыть, что к ней вернулась память. — Дорогой, я не виновата, — плаксиво протянула она. — Это всё Николс! Ты же знаешь, какой он прохиндей. Нет никакой возможности устоять, когда он просит.

— Что он тебе посулил? — помрачнел Этан.

— Возможность самостоятельного творения.

— И только?

— Да! — чирикнула Ева, прихоращиваясь перед зеркалом.

«Лгуны!» — не поверил юный бог и с горечью подумал, что полюбил пустышку, которую сам же создал.

Пока он пребывал в расстройстве, с лица Евы вдруг исчезло глупенькое выражение. Она перестала причёсывать волосы и в её глазах, устремлённых на мужа, засветился недюжинный ум и... любовь.

— Дорогой! Не смей сомневаться во мне, — мягко, но требовательно сказала она и Этан бросил на неё изумлённый взгляд.

— Ева? — спросил он неуверенным тоном.

— Кто же ещё, если не я? — улыбнулась богиня и протянула ему руку. — Идём, мой ангел! Нам лучше поторопиться, пока принц Хаоса не обнаружил пропажу.

— О да! — просиял Этан и подхватил жену на руки.

«Неужели девчонка одурачила меня?» — подумал Николс, не меньше его удивлённый преобразованием Евы. Когда она без нытья и возражений приняла неуклюжую форму хаоса, он окончательно утвердился в мысли, что с ней что-то не так. Скрытно следуя за юными богами, он прислушался к тому, что они говорят.

— Не беспокойся, любимая! Скоро мы вернёмся домой, и ты по-прежнему будешь прекрасна, — нежно произнёс Этан, и неожиданно рявкнул: — Но ты пожалеешь, если снова посмеешь сбежать от меня!

— А ты чего ожидал? — независимо фыркнула Ева. — Что я буду вечной пленницей сидеть в твоём эдеме и до скончания века творить цветочки и игрушечных зверушек? Тоже мне удовольствие! Дорогой, ты сам виноват в том, что произошло. Если бы ты не запретил мне экспериментировать с разумной материей, я бы не стала слушать Николса.

После этого заявления оба бога — один скрытно, а другой напрямую — озадаченно воззрились на неё. Прежняя Ева умела аргументировать свои требования только нытьём и слезами.

— Хорошо, любимая, я был неправ. Ты это хотела услышать? И всё же не стоило так безоглядно бросаться в пучину первого творения. Мне пришлось буквально по крупичкам собирать твою душу. Спасибо храброй смертной, что согласилась нам помочь. Она поставила завершающий аккорд в твоём пробуждении, иначе мы до сих пор сидели бы в ловушке Николса, — проговорил Этан, пытливо глядя на жену.

— Тут ты прав, демиург из меня никакой, — приуныла Ева. — Если честно, даже не

знаю, как мне удалось что-то сляпать на той планете, куда меня затащил Николс. Правда, не думаю, что он в восторге от моих созданий.

«О да! И это ещё мягко сказано», — усмехнулся Николс, жалея, что богиня в форме хаоса и он не видит её лица.

— Не переживай! Мастерство приходит с опытом, — проговорил Этан, окрылённый переменой, происшедшей с женой.

Ева оживилась.

— Так ты разрешишь мне экспериментировать?

— Я подумаю, — уклонился он от ответа. — Это слишком затратное дело в плане божественной силы. Пока мы не можем себе этого позволить. Вот когда создам собственную вселенную, тогда экспериментируй, сколько хочешь.

— И когда это будет? Когда рак на горе свистнет? — иронически спросила Ева.

— Свист рака вряд ли поможет, а вот разрешение на акт творения, надеюсь, я скоро получу.

— Ну-ну! Я и говорю, когда рак на горе свистнет.

— Дался тебе этот рак!

— Кстати, в варёном виде, да ещё к пиву, раки очень даже ничего.

— Дома побалуешь?

— Я подумаю, — отплатила Ева мужу той же монетой и оба засмеялись.

«Похоже, я поторопился с выводами относительно девчонки, и она не такая дура, какой мне представлялась», — подумал Николс, ломая голову над загадкой преобразования прежде глупенькой Евы, которую он соблазнил отнюдь не обещанием свободы творения, а обещанием сделать своей любовницей. В первую очередь его подозрение пало на посланницу Этана, но принцу Хаоса не верилось, что душа смертной способна вытеснить душу богини. Во всяком случае, такого ещё ни разу не случалось, поэтому он пришёл к мысли, что Ева поумнела благодаря заключению. Этан, знакомый с королевой вампиров, не был ни в чём уверен — за исключением того, что метаморфоза, происшедшая с женой, несколько его не огорчает.

Шансы остановить беглецов были не велики, вдобавок что-то в облике Этана подсказывало Николсу, что тот будет до последнего биться за жену. Поэтому он лишь вздохнул, когда юный бог проломил горизонт реальности его вселенной и вместе с Евой исчез в Междумирье.

О потере Евы он не переживал. Демиург из неё действительно был никудышный, а вот побег Этана был для него равносильен катастрофе. Его вселенная, напичканная лазутчиками лорда Хаоса, находилась в крайне шатком равновесии, и уход юного бога сразу же привёл к ослаблению порядка — чем не замедлила воспользоваться вездесущая энтропия. Чтобы отразить её атаку, Николс спешно принял форму дракона, но это не слишком ему помогло. «Вот ведь наглая тварь!» — расстроился он, заметив, что его хвост начал терять чёткие очертания. «Кыш, скотина!» — он швырнул в энтропию стабилизационным импульсом, но обнаглевшая прислужница первородного хаоса лишь отскочила на безопасное расстояние и оскалила жуткую пасть. «Чтоб тебя!» — выругался Николс и... пустился наутёк, спасаясь от роя несущихся к нему деструкционных игл.

«Что, мой мальчик, думал, что я про тебя забыл?» — усмехнулся лорд Хаоса, наблюдая как сына гоняют по его же собственной вселенной. Когда Николс окончательно выдохся, он отозвал слуг и особо ретивых без промедления прикончил, хотя они выполняли его же волю.

Не чаявший уже остаться в живых принц Хаоса возблагодарил Создателя. Конечно, он догадался, по чьему распоряжению на него напали, но мог лишь злиться на отца, — ведь кроме ума и хитрости ему было нечего противопоставить всесильному родителю.

Придя в себя, Николс понял, что находится неподалёку от первого и пока единственного яйца, населённого разумной жизнью, которое ему удалось создать при помощи Ареса и богинь-демиургов. Правда, бесталанная Ева могла лишь подражать своей предшественнице, но и это давалось ей с превеликим трудом. Опираясь на разработки Лотиэль, она сумела воссоздать разумную жизнь. Вот только её творения были так далеки от Истинной крови, что разочарованный Николс уже не питал никаких надежд относительно собственных источников силы. Когда он предоставил Еве другие планеты, готовые для принятия разумной жизни, она сумела создать только растительный покров и животных, причём они уступали созданиям Ареса, который был полным профаном в области творения. Видя, что толку от неё нет, Николс запихал богиню-неудачницу в белого карлика, обещавшего стать чёрной дырой. Этим он хотел удержать Этана, который тоже был творцом и, бродя по его вселенной, служил ей своеобразным стабилизатором. Тем не менее юный бог не только сумел разыскать Еву, но даже нашёл силу, способную вернуть ей разум.

Приткнувшись около астероида, принц Хаоса поднял лапу и с озадаченным видом на драконьей морде почесал в затылке. «Что же теперь делать? Этана, который держал меня на плаву, больше нет. Хочешь не хочешь, а придётся до срока свернуть вселенную. Боюсь, своими силами мне будет не удержать равновесие. С подачи отца энтропия скоро начнет хлестать по всем измерениям. Вот чёрт! Теперь конвой до Сияющего двора мне точно обеспечен. Страшно даже подумать, какую ижицу мне пропишут по возвращении».

Вспомнив об Аресе и своём обещании навестить его, Николс решил заглянуть на Землю. Он не хотел, чтобы брат погиб вместе с его вселенной. У него было не так уж много по-настоящему преданных сторонников, к тому же бог-убийца пришёлся ему по душе своим прямодушием и юношеской наивностью. Ну а главной причиной было то, что Арес приходился ему братом, а родственные узы принц Хаоса очень ценил, хотя всячески это скрывал.

Путь до Земли дался ему нелегко. От постоянного недостатка божественной силы форма дракона сильно одряхлела и Николс, с трудом передвигающийся по пространству-времени, уже не раз успел обругать себя за сентиментальность. «Эх, столько трудов пропало даром», — вздохнул он, глядя на красавицу планету с края Солнечной системы. После гибели Лотиэль и неудачных творений Евы он больше ею не интересовался и лишь время от времени присматривал за братом. Делал он это издалека, настроившись только на Ареса, поэтому был не в курсе, что творится на самой планете.

Уставший до предела Николс подлетел к Земле и при виде мощного слоя ноосферы, до предела насыщенной жизненной энергией, у него даже выступили слёзы на глазах. «Создатель! Я не знаю, как ещё извернуться, чтобы добыть лишней ман божественной силы, а тут её такие залежи, что другим творцам и не снились!» — его когтистая лапа с нежностью коснулась ноосферы и та, признав в нём хозяина, радостно заурчала. «Ах ты, моя хорошая! Тяжко тебе, да? Давай я заберу излишки энергии, а то твои каналы уже забиты до предела», — сказал он и вместе с признательностью на него обрушилась такая мощная волна божественной силы, что ритом на драконьей голове ярко засиял, и под лоснящейся чёрной шкурой, отливающей всеми цветами радуги, заиграли крепкие мышцы.

Воспрянувший духом принц Хаоса перетёк в звёздную форму и выпрямился во весь свой

огромный рост. Отмахнувшись от плавающих в эфире длинных тёмных прядей волос, он огляделся вокруг и радостно рассмеялся. Теперь он мог позволить себе всё, правда, в разумных пределах. Всё же одной планеты с Истинной кровью было мало для полной независимости от Сияющего двора.

«Ничего! Лиха беда — начало», — сказал себе Николс и пригляделся к плетению ноосферы. На фоне искусной работы Лотиэль вставки Евы выглядели как дерюжные заплатки на шёлковом кружеве. Правда, дерюги было больше, чем шёлка, но это не слишком его огорчило, особенно при виде двух чистокровных потоков, запустивших многочисленные щупальца во все слои ноосферы. При них был ещё и третий поток, слабо разветвлённый, но тоже чистокровный. «Создатель! Я не верю своим глазам! Выходит, наши дети живы! — по щеке принца слезой скользнула яркая искорка, за ней другая. — О, Лотиэль, душа моя! Будь мы вместе, моё счастье было бы полным...»

— Ваше высочество, понимаю, моё присутствие не принесет вам ожидаемого счастья, но не могли бы вы уделить немного внимания вашему преданному слуге?

Это был не кто-нибудь, а сам Ваатор, личный палач лорда Хаоса. И хотя его визит не сулило ничего хорошего, Николс понял, что он снова в игре.

— Верно, не принесёт. Ведь счастье и ты — антагонисты, — лениво процедил он.

— Ваше высочество, осмелюсь заметить, что вы не правы, рассуждая столь категоричным образом. В настоящий время я как раз пытаюсь приблизиться к понятию счастья, — почтительно возразил коленопреклонённый лорд Ваатор.

— Ну, и как успехи? — поинтересовался Николс, гадая, зачем он явился.

— Пока не очень, но я не теряю надежды, — смиренно ответил лорд Ваатор, который, в свою очередь, разглядывал опального принца.

— Ну? Давай выкладывай, какие пакости ты приготовил на этот раз, — поторопил Николс адского палача, но тот не спешил открывать свои карты.

— Обижаете, ваше высочество! Вы дороги мне как родной брат. Да у меня язык не повернётся чем-либо вас огорчить, — ответил лорд Ваатор и в его глазах заплясали языки жаркого пламени.

— Брат, говоришь? — усмехнулся принц Хаоса. — Знаешь, Ваатор, ты такая беспримесная сволочь, что с некоторых пор я уважаю тебя за цельность характера.

— Э, мой принц! Все течёт, всё изменяется, и я не исключение. Если вы думаете, что я по-прежнему выступаю исключительно в амплуа злодея, то вы опять угодили пальцем в небо.

— Ладно, хватит ходить вокруг да около. Что там у тебя?

— Ваше высочество, я к вам, так сказать, с частным визитом, — вздохнул лорд Ваатор и пламя, которое заменяло ему глаза и волосы, основательно потускнело, приобретя синеватый оттенок. — Могу я обсудить с вами одно личное дельце или вы сразу дадите мне от ворот поворот?

— Валяй, выкладывай! — согласился Николс, заинтригованный уже тем, что всесильный палач ищет его расположения.

---

[1] Ман — базовая единица измерения магии.